

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Сибирский институт бизнеса и информационных технологий»

А. В. Уланов

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Монография

Омск
Издательство ОмГТУ
2014

УДК 811.161.1

ББК 81.001

У47

Рецензенты:

Т. П. Рогожникова, доктор филологических наук,
профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского;

Н. Н. Щербакова, доктор филологических наук,
доцент Омского государственного педагогического университета

Уланов, А. В.

У47 История русского военного дискурса XIX – начала XX века : монография / А. В. Уланов ; НОУ ВПО СИБИТ. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2014. – 200 с. : ил.

ISBN 978-5-8149-1783-6

Монография посвящена вопросу специфики и динамики русского военного дискурса XIX – начала XX века. Автор останавливается на вопросах структуры и особенностей русского военного подъязыка длительного периода времени, мало изученного с точки зрения представленности в нем дискурсивных практик. Работа, основанная на анализе письменного типа дискурса, затрагивает широкий спектр историко-лингвистических источников, является попыткой подробного описания языка военных и военной картины мира последнего века существования Российской империи.

Издание адресовано ученым-филологам, историкам, культурологам, краеведам, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, широкому кругу специалистов, интересующихся проблемами истории русского языка и культуры России XIX – начала XX века.

УДК 811.161.1

ББК 81.001

*Рекомендовано к печати ученым советом
Сибирского института бизнеса и информационных технологий.
Протокол № 7 от 24 марта 2014 года.*

ISBN 978-5-8149-1783-6

© НОУ ВПО СИБИТ, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ВОЕННЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУРСОЛОГИИ	5
1.1. Дискуссионные проблемы изучения дискурса в современной лингвистике	5
1.2. Военный дискурс как тип дискурса	13
1.3. Лингвистический компонент в военном дискурсе	14
1.4. Экстралингвистический фон военного дискурса	29
1.5. Военный дискурс и деловая речь XIX – начала XX вв.	41
1.6. Русский военный дискурс XIX – начала XX веков с позиции лингвистического источниковедения.....	50
ГЛАВА 2. ВОЕННЫЙ ДИСКУРС XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ	67
2.1. К вопросу об интерференции в сфере дискурсивности (диахронический аспект)	67
2.2. Синтез военного и художественного дискурсов.....	77
2.3. Прагмастилистические особенности источников русского военного дискурса XIX в.	84
2.4. Стратегии и тактики речевого поведения в русском институциональном военном дискурсе XIX века.....	89
2.5. Языковая личность в военном дискурсе.....	95
ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА: ДИАХРОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЯЗЫКОВАЯ ДИНАМИКА ...	104
3.1. К вопросу о диахронии в дискурсе	104
3.2. Диахроническое развитие военного дискурса XIX века.....	108
3.3. Роль семантической деривации в диахроническом развитии русского военного дискурса XIX века	113
3.4. Динамика военной языковой картины мира XIX века.....	120
3.5. Военная лексика как средство исторической стилизации	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	135
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	137
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	149

ВВЕДЕНИЕ

Среди понятий, которые имеют междисциплинарный характер и актуальны во многих отраслях гуманитарной науки – понятия дискурса и дискурсивности. Сегодня дискурс привлекает к себе пристальное внимание ученых-представителей таких наук, как философия, психология, социология, культурология, семиотика и, безусловно, лингвистика. «В рамках последней дискурс исследуется как учеными – психолингвистами и грамматистами, так и сторонниками прагматической лингвистики, семантики и когнитивной лингвистики» [Ширяева 2010: 129].

Внимание к проблеме дискурсивности обусловлено как глубиной этого понятия, так и необходимостью его применения к анализу текстовых и контекстуальных образований. Несмотря на большое количество исследований фундаментального характера, в современной гуманитарной науке нет единого понимания дискурса и дискурсивности, нет системности в определении этих явлений, а отдельные точки зрения слишком разнородны.

Методологическая проблематика определения дискурса касается таких понятий, как идентификация дискурса, его типология и репрезентация в языковой картине мира.

В общем смысле дискурс – это «текст в единстве с различными факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.)» [Ширяева 2010: 130]. Ученые дискутируют по вопросу о том, в чем дискурс дополняет текст, отличается от текста, однако все сходятся на мнении, что прагматические, ментальные, психологические факторы – это «экстралингвистический», «социокультурный» фон дискурса.

Направления изучения дискурсивной парадигмы дифференцируются, однако можно выявить общие тенденции в современных исследованиях явлений дискурса и дискурсивности.

Многоаспектность изучения дискурса в современном языкознании связана с тем, что дискурс становится центром внимания в аспекте межкультурном (в сравнении языков и языковых реалий) и межвременном (в структуре диахронической коммуникации), а также в аспекте применяемого сегодня дискурс-анализа. Однако чем вызвано внимание науки к явлению дискурсивности? Является ли в целом оно описанным многоаспектно? Ответы на эти вопросы автор пытается найти в этой книге. Каковы проявления дискурса в его динамике? Возможно ли рассмотрение дискурса в письменных речевых практиках?

Данная работа посвящена проблеме дискурсивности и такому ее проявлению, как русский военный дискурс. Автор рассматривает указанную проблему на большом историко-лингвистическом материале.

ГЛАВА 1. ВОЕННЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУРСОЛОГИИ

1.1. ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В отечественной и зарубежной дискурсологии сложилось мнение, что дискурс — это конкретное коммуникативное событие, связанное с определенными прагматическим и ментальными условиями порождения и восприятия речи и определенными типами текста.

Явление «дискурс» соотносят с лингвистическим термином «коммуникация». Дискурс как языковой конструкт обладает лингвистическим содержанием и надлингвистическим, «экстралингвистическим» фоном: анализ дискурса не мыслим без диа- и синхроничного исследования когнитивно-дискурсивного экстралингвистического фона [Андреев 2011: 117].

В науке сформировалось мнение, что дискурс обладает следующим набором признаков:

– распространенностью в различных сферах социальной жизни: начиная от военной, юридической, политической и заканчивая религиозной и социокультурной;

– наличием концептуальной структуры: концептуализация дискурса в национальном языке интерпретируется как «сквозной» процесс структуризации специальных знаний из минимальных концептуальных единиц – концептов, объединённых в концептосферы [Маслова 2008: 93];

– концепт в дискурсе понимается как «основная единица концептосферы в русле языковой личности – концепт, понимаемый, как концепт вообще, как «совокупность смыслов, схваченных словом» [Чудинов 2007: 43], имеет слоистое строение и в виде цепной реакции «распадается» на множество взаимосвязанных и взаимопроникающих понятий» [Андреев 2011: 117];

– антропоцентричностью. Дискурс, как правило, имеет ключевую «антропоцентрическую единицу» [Андреев 2011: 117].

Дискурсивный подход к анализу языковых единиц требует определенной терминологической интерпретации, в связи с чем дискурсивная парадигма зачастую сопровождается характерным терминологическим обозначением: дискурс, дискурсология, дискурсивный анализ (дискурс-анализ), дискурсивная (когнитивно-дискурсивная) парадигма, лингвоконцептуальный анализ дискурса.

В. И. Карасик [Карасик 2000а, Карасик 2000б] предложил свою схему анализа дискурса, состоящую из элементов-признаков дискурса: типовые участники коммуникации, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы – все те компоненты, без которых невозможно существование дискурса.

В то же время весьма невыясненными и неопределенными остаются цели и задачи дискурсивного анализа, в связи с чем чрезвычайно важной задачей является выработка оптимальной модели исследования дискурса [Малышева 2011]. Е. Г. Малышева предлагает такую схему анализа дискурса, при которой перво-степенной задачей становится «выявление и анализ его концептуальных доми-нант, моделирование соответствующих этим доминантам фрагментов картин мира адресантов и адресатов дискурса, а также исследование своеобразия от-ражения концептуальных доминант в текстах, эксплицированных в дискурсе» [Малышева 2011: 8].

При описании языковой картины мира, представленной в дискурсе, по мнению Е. Г. Малышевой, необходимо учитывать специфику языковой лично-сти, и «поэтому логическим продолжением лингвокогнитивного исследования дискурса является анализ когнитивно-дискурсивной деятельности базовых субъектов дискурсов институционального типа» [Малышева 2011: 8]. При этом целесообразно «моделировать» языковую личность, особенности которой зави-сят и от дискурсивных факторов, и от личностных особенностей адресанта (субъекта) дискурса. «Сказанное чрезвычайно актуально для большинства ин-ституциональных дискурсов, поскольку языковая личность... – это многопла-новый феномен, конституирующие черты которого репрезентативны в том чис-ле и при описании жанровой и речежанровой специфики дискурса» [Малышева 2011: 8].

В настоящее время обращают на себя внимание новые подходы к исследо-ванию проблемы дискурса:

1) синергетический подход (синергетика – относительно новая наука о са-моорганизации и саморазвитии сложных систем находит все новые применения в различных сферах науки и техники) [Пихтовникова 2009: 48];

2) проблема изучения синхроничного (синхронического) и диахроническо-го экстралингвистического «фона» дискурса [Андреев 2011 и др.].

3) изучение метафорических и метонимических моделей в дискурсе. Так, в военном и политическом дискурсах наблюдается высокая частотность метафор (метафорических моделей), это объясняется превращением метафоры в одно из наиболее сильных средств представления военного опыта и воздействия на соз-нание общества. «Метафорическое мышление рассматривается и в этой области как не менее значимое, чем мышление рациональное. При этом метафора вы-полняет когнитивную, коммуникативную, прагматическую и другие функции» [Андреев 2011].

В современной лингвистике дискурсология включает в спектр собственно-го исследования лингвокогнитивный анализ. Как верно замечает Е. Г. Малыше-ва, в области современной дискурсологии констатируется необходимость «включения» современного дискурс-анализа в лингвокогнитивную и лингво-культурологическую парадигму» [Малышева 2011: 2].

Перечислим актуальные направления в сфере современной дискурсологии:

- исследование языка как дискурсивной деятельности;
- исследование спектра дискурсивных образований;
- определение понятийного и методологического аппарата дискурсивного анализа.

На разработку теории дискурса повлияли работы Н.Ф. Алефиренко, Р. Водак, М.А. Гавриловой, Т. А. ван Дейка, В.И. Карасика, Е.А. Кожемякина, В.М. Лейчика, М.Л. Макарова, Г.Н. Манаенко, М.Ю. Олешкова, А.В. Олянича, П. Серию, М. Фуко, В.Е. Чернявской, Е.И. Шейгал.

Особое внимание лингвистами уделяется вопросу классификации дискурсов. Как отмечает В. С. Григорьева, «дискурсы могут быть классифицированы по величине речемыслительных усилий их авторов, объему вкладываемого в них фонда знаний об окружающем мире. ... По степени сложности речевоздействующего пространства дискурсы могут быть классифицированы на *элементарные* и *комбинированные*, в которых используются два, три или все четыре возможные речевоздействующие силы, функционирующие в четырехмерном пространстве речевой деятельности» [Григорьева 2007].

Официальная коммуникация предполагает выделение особого, институционального дискурса, представляющего собой общение в рамках статусно-ролевых отношений. В.И. Карасик [Карасик 2000б] приводит список видов институциональных дискурсов, выделяемых на основании цели и участников общения, определяемых наличием общественных институтов: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [Карасик 2000б: 6].

В то же время дискурс может быть проанализирован как «привязанное» к времени образование. Дискурс существует и в рамках диахронической коммуникации. По мнению М. Ю. Колокольниковой [Колокольникова 2011], социальные и идеологические установки изменяются во времени, что влияет на коммуникативно-дискурсивную среду. «В этой связи представляется целесообразным не только при синхронических, но и при диахронических исследованиях культурно значимых имен помимо традиционных методов (компонентного, дистрибутивного, концептуального и др.) применять и дискурсивный анализ, основной задачей которого является изучение взаимодействия между отдельными типами социально-коммуникативных практик (дискурсов) и функционирующими в них языковыми/речевыми единицами» [Колокольникова 2011].

Как верно отмечает Э. Н. Акимова [Акимова 2010], дискурс «трактруется весьма многообразно, и очень часто это понятие вытесняет понятие текста». По мнению исследовательницы, «текст на порядок сложнее дискурса, поскольку включает в свернутом виде не только все элементы коммуникативного акта, но и сигналы для их дешифровки. «Дискурс в филогенезе предшествует тексту,

подобно тому как диалог предшествует монологу, а речь – языковой системе» [Акимова 2010: 428].

Представляя собой сложное, многообразное явление, дискурс обладает неисчерпаемыми ресурсами для научно-исследовательского поиска, изучения особенностей коммуникативной структуры речевого общения.

Дискурс и дискурсивность – одна из актуальных тем в современном языкознании. В рамках исследования дискурса мы рассмотрели основные тенденции изучения дискурса и дискурсивности в современной лингвистике. Исходя из наших наблюдений, современная дискурсология полна нерешенных (либо еще решаемых) вопросов, касающихся как самой природы дискурса и его институциональных особенностей, так и всего того, что окружает понятие дискурса и сопровождает явление дискурсивной коммуникации.

1. Определение дискурса. Указанный вопрос связан с трудностью разграничения дискурса и текста, а также того, что нужно признать доминирующим в системе дискурсивности. Так, Н. А. Лаврова акцентирует внимание на собственно лингвистическом и *социолингвистическом* [курсив автора – А. В.] в дискурсе: «с позиции лингвистики речи дискурс – это процесс живого вербализируемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, при этом важную роль играют степень спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей. С позиции социолингвистики дискурс – это общение людей, рассматриваемое с точки зрения их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Лаврова 2010: 164]. В то же время исследовательница подчеркивает, что дискурс – это и «речевой поток, характеризующийся индивидуальными и социальными особенностями коммуниканта и коммуникативной ситуацией», и «сложнокоммуникативное явление, включающее кроме текста экстралингвистические факторы» [Лаврова 2010: 164].

Т. Д. Фомина полагает, что дискурс – это прежде всего «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и другими) факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [Фомина 2010: 207].

«В.И. Карасик определяет дискурс как явление «промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения – с другой» [Тупикова 2011: 148–149].

Определение Е.С. Кубряковой представляет дискурс как особый языковой конструкт, существующий отдельно от текста и зависящий от целеполагания речи: «Дискурс – это такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности

человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Тупикова 2011: 148-149].

Можно сказать, что современные лингвисты акцентируют внимание на социолингвистической сути дискурса, а также на наличии в нем определенной структуры («конструкта»), созданный факторами разного порядка.

2. Свойства дискурса и его соотношение с текстом. Данная проблема возникла в связи с развитием такой отрасли языкознания, как лингвистика текста, причем этот вопрос также многогранен: какое из понятий шире (текст или дискурс), каков объем дискурса и текста, какова коммуникативная структура данных языковых «явлений».

Н. А. Лаврова [Лаврова 2010] полагает, что дискурс считается специфической единицей языка, так как:

- по своей структуре отличается от всех других единиц данного языка, из которых он строится;

- обладает способностью функционировать как целое, регулярной воспроизводимостью (полной или частичной) в данном языке;

- дискурс одного языка переводится на другой язык как целая единица. «При этом возможны лакуны не только лексического порядка, но и стилистические лакуны, то есть отсутствие соответствующего стиля в языке перевода, что требует прибегнуть к стилистической транспозиции» [Лаврова 2010: 166];

- обладает языковой и этноязыковой спецификой (...). «Сюда относятся лингвостилистические и лингвокультурные моменты, проявляющиеся на уровне дискурса, а также специфические жанровые характеристики и разная употребительность дискурсивных моделей в разных лингвистических культурах». [Лаврова 2010: 166].

С. Е. Тупикова [Тупикова 2011: 149–150] перечисляет свойства дискурса в их соотношении со свойствами текста:

1. *Монологичность / диалогичность*: дискурс часто подразумевает интерактивное действие (диалог), в то время как текст – неинтерактивный монолог, устный или письменный.

2. *Объем*: дискурс подразумевает протяженность, длительность, в то время как текст может быть очень кратким.

3. *Когезия / когерентность*: дистинктивным признаком текста является текстуальная когезия, распознаваемая на поверхностном уровне лексики, грамматики и пропозиционального развития. Дистинктивным признаком дискурса является дискурсивная когерентность между лежащими в основе высказывания речевыми актами.

4. *Текст* – явление статическое, существующее в определенных параметрах вне сознания творящего и воспринимающего его субъекта, а дискурс – динамическое, т. е. дискурс и текст противопоставлены как процесс и результат.

5. Оппозиция «актуальность / виртуальность» в отношении дискурса и текста. Дискурс рассматривается как актуальное, реальное речевое событие, текущая речевая деятельность, творимый в речи связанный текст, а текст – как потенциальное, или виртуальное, речевое событие.

6. Дискурс ассоциируется только со звучащей, устной речью, а текст – с письменной формой» [Тупикова 2011: 149–150].

Мы придерживаемся определения, данного дискурсу Е. Г. Малышевой, изучившей особенности спортивного дискурса, и отразившего ряд институциональных свойств этого многогранного понятия: процесс тематически обусловленного общения, детерминированного социально-историческими условиями, специфика которого отражается в совокупности текстов (в широком – семиотическом – понимании этого термина), характеризующихся концептуальным, речевым и прагматическим своеобразием [Малышева 2011].

М. Ю. Олешков [Олешков 2006] акцентирует внимание на прагматических характеристиках дискурса; к «существенно важным и определяющим дефинициям теории дискурса» относит пропозицию, пресуппозицию, экспликатуру, импликатуру, инференцию и референцию.

Пропозиция – «инвариант значения ряда предложений, парадигматически связанных преобразованиями, обусловленными различием коммуникативных задач соответствующих высказываний (утверждение, вопрос, приказ и т.д.)» [Кашкин 2010]. Пропозиция связана с ситуацией, по поводу которой строится данное высказывание, она «определяет выбор адекватных языковых структур» [Кашкин 2010].

Пресуппозиция – это особое логическое следствие, смысловой компонент высказывания, истинность которого необходима, чтобы данное высказывание а) не было семантически аномальным (семантическая пресуппозиция); б) было уместным в данном контексте (прагматическая пресуппозиция) [Кашкин 2010].

По мнению исследователей, особенно важен анализ прагматической пресуппозиции, определяющей уместность и успешность высказывания.

Экпликатура – суждение, «выраженное в высказывании эксплицитно, т. е. являющееся результатом проявления семантической репрезентации говорящего (адресанта), адекватной экспектации адресата» [Кашкин 2010]. Экпликатура противостоит импликатуре – категории «небуквальных аспектов значений и смыслов» [Кашкин 2010].

Инференция – это когнитивная операция, в процессе которой адресат (или исследователь – интерпретатор дискурса), не обладающий информацией о процессе речепорождения адресанта, восполняет смысл высказывания» [Кашкин

2010]. К формальным инференциям можно отнести логическое следствие, семантическую пресуппозицию и конвенциональную импликацию.

В. Б. Кашкин [Кашкин 2010] полагает, что дискурс обладает такими чертами, как:

1. *Континуальность/дискретность* (термин В. Б. Кашкина). «Коммуникативное (дискурсивное) событие является процессом, оно континуально, но может быть дискретизировано, сегментировано, расчленено на единицы» [Кашкин 2010]. Синоним слова дискретизированность – членимость, делимость, сегментированность.

2. *Субъективность/интерсубъектность дискурса* (термин В. Б. Кашкина). Дискурс – это результат деятельности субъекта – взаимодействия нескольких субъектов.

Дискурс связан с коммуникативным поведением (выбором говорящим тех или иных языковых средств. «Оформление дискурсивных единиц определяется комплексом факторов выбора, связанных с гипер- и метаструктурой, хронотопом дискурсивной ситуации, идиоэтническими особенностями построения микро- и макроструктурных единиц дискурса. Эти факторы предопределяют выбор коммуникантом соответствующих средств из репертуара возможных дискурсивных действий (отдельных грамматических действий и лексического выбора, тактических шагов по оформлению связей высказываний, дискурсивной стратегии в целом)» [Кашкин 2010].

3. *Интеракциональность. Транзакция.* В устном дискурсе, по мнению В. Б. Кашкина, диалогическим единством обладают пары типа ‘вопрос’ – ‘ответ’

4. *Интердискурсивность* – возможность дискурса и его составляющих интегрироваться с другими дискурсами и дискурсивными образованиями.

5. *Хронотопность* – «пространственно-временной континуум дискурса и текста» [Кашкин 2010]. Хронотопность связана с понятием «дискурсивное время». Дискурсивное время воссоздается с помощью частей речи со значением ‘темпоральность’ (времена глагола, наречия времени).

В. Б. Кашкин вводит понятия, связанные с сегментацией дискурса, его структурностью:

дискурсивное высказывание – минимальная единица дискурса, характеризующаяся, по мнению В. Б. Кашкина, сменой субъектов речи, завершенностью, жанровой оформленностью, связью с другими высказываниями диалога и целостностью;

Дискурсивный акт – коммуникативный ход в дискурсе [Кашкин 2010]. «Тактическая организация дискурса, ее связь с общей стратегией речевого взаимодействия определяется социальным статусом, психологическими характеристиками коммуникантов, хронотопом ситуации и состоянием общающихся. Коммуникативная (дискурсивная) стратегия объединяет цепочку коммуника-

тивных тактических ходов (иногда отступлений), нацеленных на достижение глобальной цели речевого взаимодействия» [Кашкин 2010].

О. Г. Ревзина [Ревзина 2005] в числе дискурсивных качеств считает понятие дискурсивные формации: «*дискурсивные формации (разновидности дискурса)* образуются на пересечении коммуникативной и когнитивной составляющих дискурса. К коммуникативной составляющей относятся возможные позиции и роли, которые предоставляются в дискурсе носителям языка – языковым личностям. К когнитивной составляющей относится знание, содержащееся в дискурсивном сообщении. Дискурсивные формации переплетаются между собой, частично совпадая по коммуникативным и когнитивным признакам, по используемым жанрам. Для дискурса релевантным является принцип «семейного сходства».

В. З. Демьянков сегментарность дискурса рассматривает как его концентрацию «вокруг некоторого «опорного» концепта, называемого «топиком дискурса» или «дискурсивным топиком». Логическое содержание отдельных предложений – компонентов дискурса – называется пропозициями. Эти пропозиции связывают логические отношения: конъюнкции «и», дизъюнкции «или», импликации «если – то» и т.п.».

Таким образом, дискурс создается за счет таких функциональных и институциональных свойств, как наличие особой сегментированной структуры, созданной под воздействием лингвистических (социолингвистических) и экстралингвистических факторов, он обладает определенным объемом, соотносимым как в плане времени и пространства («хронотопность»), так и в плане взаимодействия с другими дискурсами («интердискурсивность»), а также субъективностью и интересубъектностью, т. к. зависит от коммуникативного поведения языковой личности.

3. Особо актуальный и сложный вопрос касается **типологии (классификации) дискурса**. Н. А. Лаврова классифицирует дискурс применительно к социуму: политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, спортивный, научный, сценический, массово-информативный и рекламный» [Лаврова 2010: 164]. Т. Д. Фомина предлагает выделять типы дискурса в соответствии с социальными институтами: «Социологи выделяют пять основных социальных макроинститутов: семья, политика, экономика, образование и религия. В соответствии с этой классификацией можно выделить пять основных видов дискурса: семейно-бытовой, политический, экономический, образовательный и религиозный» [Фомина 2010: 207]. С. Е. Тупикова [Тупикова 2011] приводит классификацию дискурса с позиции социальной формации («идеологический дискурс»), прагматистики (информативный и фасцинативный, содержательный и фатический, серьезный и несерьезный, ритуальный и обыденный), темы (экономический дискурс, моральный дискурс, экологический дискурс, сказочный дискурс,

автобиографический дискурс и т. д.), коммуникативной тональности (серьезный – несерьезный (юмористический) дискурс, информативный – фасцинативный; фатический – нефатический; прямой – непрямой; дискурс ритуальный неритуальный дискурс), жанровой организации (выделяют аргументативный дискурс, повествовательный дискурс, дискурс опровержения, побудительный дискурс).

4. Уровни организации дискурса. Наиболее встречающимся в научной литературе является упоминание о таких уровнях дискурса, как вербально-семантический и тезаурусный, концептуальный, логико-семантический уровни организации дискурса. С. Е. Тупикова упоминает макро- и микроуровни дискурса: М.Л. Макаров, выделивший три степени анализа дискурса: высказывание – объединенная по дискурсивным параметрам группа высказываний (микроуровень дискурса) – тематическое единство высказываний (макроуровень дискурса)» [Тупикова 2011: 149].

Несмотря на сложность и многогранность понятия дискурса ученые сходятся во мнении, касающемся экстралингвистической обусловленности дискурса, его внутренней организации. Несмотря на нерешенность некоторых вопросов дискурсивности, институциональные особенности дискурса современной наукой обозначены определенно, задачей современного исследователя является их скрупулезное изучение на материале отдельных разновидностей дискурса.

1.2. ВОЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ТИП ДИСКУРСА

Военный дискурс представляет собой такой институциональный тип дискурса, находящийся в состоянии постоянного исторического развития, которому подвергаются и все основные дискурсивные единицы, что особенно обуславливает важность его анализа с точки зрения диахронической коммуникации.

К характеристикам военного дискурса относятся:

1. основанность на когнитивно освоенной дуалистической милитаристской модели бытия: с одной стороны, это пребывание в постоянной борьбе, противопоставленной краковременному мирному (невоенному, неконфликтному) состоянию [Олянич 2003: 119]. В военной языковой картине мира интенциональность военной языковой личности является захватнической, т. е. нацелена на овладение чужими ценностями путем завоевания и захвата;

2. наличие гражданской vs. военной концептосфер в языковой картине мира военнотружущего. Все бытие, по мнению А. В. Олянич [Олянич 2003: 120], в военном дискурсе разделяется на свое и чужое, а коммуниканты «внутри всеобщего бытия» разделяются на своих и чужих. Милитаристский характер мировоззрения воина обуславливает и тип мышления, и тип поведения. «Военный смотрит на мир глазами военного и номинирует мир милитаристскими языковыми средствами, экстраполируя свой специфический военный дискурс на дис-

курс общечеловеческий, внося дух борьбы в жизнь и в общение, вовлекая в коммуникацию концепт «война» [Олянич 2003: 120];

3. коммуникативная среда военнослужащего основана на военной конфликтности, которая способствует социальной конфликтности. Милитаристское бытие в виде семантических трансформаций переходит и на мирное бытие, в частности, когда средства военной метафоры переходят в области спортивного или политического дискурсов;

4. семиотический характер военного дискурса, выраженность военной концептосферы в характерной военной символике и эмблематике: языке военных символов (флагов, штандартов, знамен, военной амуниции, военного обмундирования). Отдельные военные символы получают характерное значение в истории;

5. двойной характер отношения к войне: негатив с точки зрения подавления «чужих», позитив — с точки зрения соблюдения национальных интересов, в качестве средства, с помощью которого приобретает мир.

6. окруженность военного коммуникативного пространства околодискурсивными явлениями военно-политического дискурса (формирование имиджа военного врага). Отношение к войне в высокой степени виртуально и эвфемистично. «Физическое устранение противника возможно только при формировании «праведного гнева» масс, который необходимо на этого противника направить, дабы одержать победу.

Военный дискурс как любая институциональная разновидность дискурса обладает лингвистическим и экстралингвистическим компонентом.

1.3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

Лингвистический компонент военного дискурса структурируется на языковое содержание фонетического, морфологического, деривационного, морфологического и синтаксического уровня, однако наиболее ярко языковые черты дискурса проявляются на словообразовательном (деривационном) уровне военного дискурса.

При анализе дискурсивного наполнения военного языка исключительно важен когнитивный анализ различных единиц словообразования, которые лингвисты-когнитологи называют «словообразовательными микросистемами» [Крючкова 2011]. К таким относятся словообразовательные гнезда, модели, типы, цепочки. Деривация выполняет важную роль передачи концептуальной информации, заложенной в репрезентантах определенного концепта. По мнению О. Ю. Крючковой [Крючкова 2011], для когнитивного словообразования чрезвычайно важны и семасиологические деривационные исследования, и ономазиологические, т. к. именно первые пытаются установить «внутрисловное выражение» языковой единицы, ее соотношенность с внеязыковой реальностью, а

вторые – устанавливают, какие элементы внеязыковой реальности послужили средством номинации языковой единицы.

Как верно отмечают лингвисты-когнитологи, «среди языковых средств – репрезентантов концепта важная роль принадлежит словообразовательному гнезду, в котором в наиболее эксплицитном виде представлены векторы концептуализации соответствующего денотата» [Савкатова 2010: 90-92]. Однокоренные слова способны выражать основные черты определенного явления (в нашем случае – военной сферы жизнедеятельности общества), таким образом, словообразовательное гнездо, по мнению А. М. Савкатовой [Савкатова 2010], является фреймом, структура которого позволяет выявить направления (аспекты) концептуализации изучаемого внеязыкового феномена. Концептуальное же содержание (совокупность знаний о явлении внеязыковой действительности) раскрывается в дискурсе, в речевом употреблении языковых единиц – компонентов фрейма словообразовательного гнезда [Савкатова 2010: 90].

По мнению О. Ю. Крючковой, чрезвычайно важно выявить как «объем словообразовательного гнезда, так и его внутреннее строение» [Крючкова 2011]. При этом важен учет такого показателя, как «мотивированность слова», т. к. «мотивированность слова, репрезентация в нем некой мотивационной модели, а также его мотивационный потенциал содержат ценную информацию о концептуальных признаках соответствующих понятий, об иерархии этих признаков, о взаимодействии и взаимопроникновении разных концептов» [Крючкова 2011].

Присоединимся и к мнению Е. С. Кубряковой, которая считает, что «каждый словообразовательный акт должен изучаться в сложной системе координат, когда во внимание принимаются все факторы, которые определяют как информационно-когнитивные, так и коммуникативные особенности дискурса» [Кубрякова 2004]. По мнению О. В. Нагель [Нагель 2007], текст и дискурс актуализируют деривационные явления, приносят значимость в потенциальные возможности слова как словообразовательного конструкта. Дискурс требует от словесной единицы информативности, понятности, с другой стороны, информация, заложенная в словах, формирует связное сообщение. Свидетельством этому является тот факт, что морфемы слова связаны с его лексико-грамматическим окружением, с семантикой окружающих слово остальных единиц языка. «В акте словообразования создается новая грамматическая форма – условие новой синтаксической позиции слова, что создает предпосылки для ввода дополнительных пропозиций и маркирования их взаимных отношений» [Кубрякова 2004: 52].

Проведем когнитивный анализ словообразовательного гнезда (далее – СГ) с вершиной *войн-*. Историческое развитие этого словообразовательного гнезда сопровождалось усиленным развитием адъективной микропарадигмы. В этом

СГ ведущим является мотивировочный признак ‘военные действия’, ‘относящийся к войску’.

войн-

Субстантивная микропарадигма: *вои, воевода, война, воинь, войско.*

Адъективная микропарадигма: *военный, военно(-учебный и т. п.)*

Глагольная микропарадигма: *воевать.*

Развитие этого СГ свидетельствует о наличии активных и пассивных мотивировочных признаков, а также о наличии слов, ушедших в пассивный дискурсивный запас. К таким относятся единицы субстантивной микропарадигмы гнезда.

Отметим ряд объективных тенденций развития этого словообразовательно-го гнезда.

1) прекращение деривационных процессов субстантивной микропарадигмы;

2) активное словообразование в рамках адъективной микропарадигмы.

3) мотивировочный признак ‘относящийся к войску’ проявляется в ряде других лексем типа *армейский, войсковой, полевой.*

В целом, по мнению О. Ю. Крючковой [Крючкова 2011], мотивировочный признак может обладать следующими характеристиками: быть активным / пассивным (т. е. выражать активное и пассивное действие), наличным / отсутствующим (например, с префиксом *без-*), постоянным / статичным / временным / преходящим, достигшим / не достигшим своего предела, неинтенциональным / интенциональным, выражающим отношение к внешнему объекту / замыкающимся на субъекте-носителе признака. Все это в большей степени характерно для лексем со значением акционального (процессуального) признака – глаголов и отглагольных образований.

Мотивировочные признаки могут иметь семантические варианты, связаны с модификациями в их значениях. Например: *воинь* ‘военнослужащий’ и *Великий Воинь* ‘воин-полководец’.

Мотивировочные признаки, по мнению О. Ю. Крючковой, динамичны, они способны изменяться во времени. Так, их развитие может сопровождаться «актуализацией» и «деактуализацией» «семантических вариантов» [Крючкова 2011]. Усиление семантических признаков слова связано с тенденциями его употребления в структуре данного экстралингвистического фона, что может менять сферу употребления слова. К примеру, слово *квартира* с мотивировочным признаком ‘место размещения войск’ (*расквартироваться*): в современном языке произошла деактуализация семантического признака ‘размещение войск’ и актуализация признака ‘место жительства’ (*квартира* в современном смысле). Когнитивный анализ мотивировки позволяет сделать вывод, что мотивировочный признак как семантический дериват произвел «расщепление» синкретичного мотивировочного признака слова, которое субстантивной микропа-

радикале стало употребляться в сфере обиходно-бытовой, в глагольной микро-парадигме – в сфере военной (*квартироваться*).

Мы согласимся с О. Ю. Крючковой в том, что «когнитивный анализ словообразовательных гнезд, целостное изучение подсистем этимологически родственных производных слов с точки зрения реализованных в их структуре мотивировочных признаков позволит установить предпочтительное использование (иерархию) мотивировочных признаков в том или ином денотативном пространстве, определить возможности сочетаемости мотивировочных признаков при языковом моделировании определенной денотативной области» [Крючкова 2011].

Если рассматривать словообразовательные гнезда в виде фреймов, то военная концептосфера включает, к примеру, такие фреймы, как:

1) **фрейм «военный»** - вершина словообразовательного гнезда 'военно-/воинск-' 'относящийся к войне, военной службе' (военный ← война): *военный, военнoслужащій, военный чинъ, воинскій чинъ, Военный орденъ, военный округъ, военное поселение, Военный Министръ, Военно-Полицейская часть, Военно-Юридическая академия*.

2) **фрейм «корпус»** - вершина словообразовательного гнезда 'корпус' имеет два слота (корпусный):

- корпус – военное соединение, военная часть: *гвардейскій корпусъ*.
- корпус – военно-учебное заведение: *Омскій кадетскій корпусъ*.

3) **фрейм «полк»** - вершина словообразовательного гнезда 'полк-' (полковой): *егерскій полкъ, полковое знамя*.

Наиболее продуктивным способом морфологического словообразования было

- образование связных словосочетаний;
- отсубстантивное образование прилагательных с помощью суффиксов –н-, –ск-;
- образование существительных с отвлеченным значением: интендантство; в военном дискурсе частотны субстантивные отглагольные образования (см. табл. 1);

Субстантивные отглагольные образования в военном дискурсе

Прибытіє	<i>Апрѣля 4-го. Прибытіє в Валеджію, въ Сѣв. Италіи, Суворова [с. 75]</i>
Взятіє	<i>Взятіє Брешии союзными войсками [с. 75]</i>
Нападеніє	<i>Нападеніє Лекурба съ Луазономъ... На принца Рогана [Хронология... 1891: 76]</i>
Занятіє	<i>Занятіє русскими войсками города Бари [Хронология... 1891: 76]</i>
Нанесеніє	<i>(отступилъ) съ нанесеніемъ ему большого урона [Хронология... 1891: 76]</i>
Бомбардированіє	<i>Бомбардированіє Асконы эскадрою контръ-адмирала Пустошкина [Хронология... 1891: 76]</i>
Сдача	<i>Сдача кап. Шпильцерну... крепости Чевы [Хронология... 1891: 76]</i>
Капитуляція	<i>Сдача на капитуляцію, союзнымъ войскамъ, графа Гогенцолерна, Миланской цитадели [Хронология... 1891: 76]</i>
Вступленіє	<i>Взятіє, австрийскими войсками Вукасовича, Турина и вступленіє в него главныхъ силъ союзныхъ силъ съ Суворовымъ во главѣ [Хронология... 1891: 76]</i>
Открытіє	<i>Открытіє осадныхъ работъ противъ Туринской цитадели [Хронология... 1891: 76]</i>
Вылазка	<i>Отбитая вылазка непріятеля изъ Туринской цитадели [Хронология... 1891: 76]</i>
Отступленіє	<i>Отступленіє французовъ [Хронология... 1891: 78]</i>
Сраженіє	<i>Сраженіє на Требії между союзными войсками Суворова и французскими войсками Макдональдса [Хронология... 1891: 76]</i>
Пораженіє	<i>Пораженіє французского генерала Лапоина [Хронология... 1891: 76]</i>
Приступъ	<i>Приступъ десантныхъ союзныхъ войскъ къ городу Фано [Хронология... 1891: 76]</i>
Подкрѣпленіє	<i>Союзники, получивъ подкрѣпленіє, снова подступили к Фано [Хронология... 1891: 79]</i>
Сопротивленіє	<i>Занятіє безъ сопровотивленія, Синигалии [Хронология... 1891: 76]</i>
Обложеніє	<i>Обложеніє княземъ Багратиономъ замка Серравалле [Хронология... 1891: 79]</i>
Высадка	<i>Высадка союзныхъ войскъ въ Голландіи [Хронология... 1891: 80]</i>

Цитаты из книги: Хронологія русской военной исторіи. СПб., 1891.

*Простые и составные военные номинации в книге
«Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей»
(справочная книжка императорской Главной квартиры). СПб., 1912*

Номинация	Документ	Контекст	Стр./ л.
Августѣйшій атаманъ	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Его Императорское высочество Наследникъ и Великій князь Александръ Николаевичъ. 1-й Августейшій Атаманъ всѣх казачьих войскъ	с. 2
Артиллерійская школа	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1872 г. Марта 7. ВЫСОЧАЙШЕ утверждено положеніе о Донской артиллерійской школѣ	61
Главная квартира	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Настоящая книга является продолженіемъ ряда справочныхъ книгъ Императорской Главной квартиры.	с. 5.
Иррегулярный	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Краткая хроника казачьих войскъ и иррегулярныхъ частей с. 1.	с. 1

Номинация	Документ	Контекст	Стр./ л.
Казенные суммы	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1842 г. Декабря 5. Въ Новочеркасскѣ сформирована особая казачья команда для конвоирования казачьихъ суммъ	59
Комплектование	Казачьи войска: хроники гвардейскихъ казачьихъ частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	[Трудности] въ первомъ - вслѣдствіе того, что до 1835 годаоно не имѣло вовсе районовъ комплектованія полковъ (...)	с. 5.
Конвой	Казачьи войска: хроники гвардейскихъ казачьихъ частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Шефъ Л.-Гв. 1-й и 2-й Кубанскихъ казачьихъ сотенъ Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя (...) Л.-Гв. 6-й Донской Казачьей имени Его Величества батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады	VII
Конно-Иррегулярный	Казачьи войска: хроники гвардейскихъ казачьихъ частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1866 г. Января 21. Кубанскій конно-иррегулярный полускадронъ расформированъ и замѣнь его сформирована сотня Кубанской постоянной милиціи	41

Номинация	Документ	Контекст	Стр./ л.
Легіонь	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1776 Мая 7. Чугуевские казаки Петербургскаго легіона преобразованы в Придворную Чугуевскую казачью команду	13
Лейбъ-Гусарскій, Лейбъ-Казачій	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1796 г. Ноября 6. Придворная Чугуевская конная казачья команда включена в состав "Лейбъ-Гусарскаго-и-Лейбъ-Казачьяго полка"	13
Милиціонеръ	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1851 г. Декабря 28. Для охраненія границъ Озургетскаго уѣзда изъ туземныхъ князей или дворянъ и изъ простыхъ милиціонеровъ сформирована Сотня Гурійской пьшей милиціи	42
Милиція	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1854 г. Во время Кавказско-Горской войны были сформированы изъ горцевъ и туземцевъ многія мелкіз иррегулярныя части, изъ которыхъ извѣстны: милиціи: Аварская, Акушинская, Горская	38

Номинация	Документ	Контекст	Стр./ л.
Милиція	Казачьи войска: хроники гвардей- ских казачьих частей (справочная книжка император- ской Главной квар- тиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Пожалованы простыя знамена: Казикумыц- кой пѣшей милиціи (...), Казикумыцкой конной милиціи	41
Мирное время	Казачьи войска: хроники гвардей- ских казачьих частей (справочная книжка император- ской Главной квар- тиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1908 г. Декабря 6. Въ ознаменованіе особа- го Монаршаго благоволенія и въ на- граду за вѣрную и ревностную службу, какъ въ военное, так и въ мирное время, нижнимъ чинамъ всѣхъ казачьихъ час- тей, (...), пожалованы одиначныя бѣлвыя петлицы	9
Полковая организация	Казачьи войска: хроники гвардей- ских казачьих частей (справочная книжка император- ской Главной квар- тиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Что же касается войск: Уральскаго, Оренбургскаго, Си- бирскаго и Сѣмре- ченскаго , то имѣя сначала опредѣлен- ныя полковыя организации, они, въ силу особыхъ условій службы въ періодъ с 1865 по 1875 годъ , утратили ихъ и пере- шли к сотеннымъ организациямъ	с. 5.

Номинация	Документ	Контекст	Стр./ л.
Положение	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Высочайше утверждено Положение о военной службѣ Донскаго казачьего войска, достигшаго къ тому времени около 320000 душъ обоего пола	55
Полубатареи	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Названія запасныхъ полковъ и батареи также неизвестны	106
Полурота	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1813-й г. Сентября 15. Артилерія войска усилена на одну роту № 3, сформированную изъ учрежденной, вх 1812 г. Юля 18, запасной конно-артиллерійской полуроты войска Донскаго	56
Резервный	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Бригады с 7-й по 10-ю и батареи: № 15 и резервная Кавказскаго линейнаго казачьяго войска составили "Терское казачье войско"	117

Номинация	Документ	Контекст	Стр./ л.
Сборно-Линейный	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1830 г. Декабря 1. При действующей армии сформированъ сборно-линейный полкъ изъ казаковъ всѣхъ полковъ и войскъ Кавказской линіи	122
Сверхъ-Штатный	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1882. Апрель 17. Изъ сверхштатныхъ новобранцевъ, составлявшихъ пѣшій эскадронъ, сформирована Крымская стрѣлковая рота	24
Сводно-Иррегулярный	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	Сводно-Иррегулярный дивизионъ повельно въ полномъ комплектъ высылать отъ одного Кубанского войска	121
Уставъ	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1838 г. Мая 2. Утвержденъ первый строевой уставъ казачьихъ войскъ "Правила для состава и построения казачьихъ полковъ"	с. 8.
Учебный полкъ	Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1866 г. Января 21. Высочайше утверждено новое положеніе о Донскомъ казачьемъ учебномъ полку и Новочеркасской караульной командѣ	60

Номинация	Документ	Контекст	Стр./ л.
Черкеска	Казачьи войска: хроники гвардей- скихъ казачьихъ частей (справочная книжка император- ской Главной квар- тиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1861 г. Ноября 27. Впървые повельно кавказскіе казачьи мундиры называть черкесками.	9
Штандартъ	Казачьи войска: хроники гвардей- скихъ казачьихъ частей (справочная книжка император- ской Главной квар- тиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1817 г. Марта 22. Л.- Гв. Казачьему полку пожалованъ Георгіевскій штан- дартъ	56
Эполеты	Казачьи войска: хроники гвардей- скихъ казачьихъ частей (справочная книжка император- ской Главной квар- тиры. СПб., 1912 Runivers.ru	1814 г. Въ бытность русскихъ войскъ въ Парижъ офицерамъ войска дарованы кавалерійскіе эполеты	56

- широкое образование глаголов с –ирова- и отглагольных существительных с русскими и латинскими суффиксами типа

капитулировать, рекогносцировать, маршировать, экзерцировать;
рекогносцировка, маршировка, капитуляция;

- образование относительно новых наименований лиц: *милиція – милиціонеръ, мина – минеръ* по продуктивным словообразовательным моделям. В противовес этим словам существовали слова, не имеющие производящей базы: *піонеръ*.

Образование новых лексем префиксальным способом непродуктивно: *ир-регулярный*. Подобные лексемы продуктивно создавались на протяжении XVIII века. Наблюдается демотивация среди субстантивных лексем: ***инспекторъ – инспекція***.

В структуре военного дискурса словообразовательные гнезда формируются в микропарадигмы.

Субстантивная микропарадигма

- лексемы со значением 'лицо по должности' образуются:

суффиксацией с помощью формантов –ор-/–ер-, –ант-:

аудиторы [Энциклопедия 1883, т.1: 97],

милиціонеръ [Казачьи войска 1912: 42];

- лексемы со значением 'учреждение' образуются:

суффиксацией с помощью формантов –ств-, –ат-, –еніj-:

Омское окружное интендантство, Военное министерство [Курс 1913, вып. 7: 89],

Генераль-аудиторіатъ [Энциклопедия 1883, т.2: 236],

дежурство по рекрутской части [Курс 1913, вып. 7: 89],

полевое управление [Энциклопедия 1883, т. 6].

- лексемы со значением 'действие' образуется:

суффиксацией с помощью формантов –овк- (от глаголов на –ирова), –аниj-:

маршировка, рекогносцировка [Курс 1913, вып. 7: 106],

комплектованіе [Виленское училище 1900: 6],

расквартированіе [Виленское училище 1900: 7],

ассигнованіе [Виленское училище 1900: 12].

Адъективная микропарадигма

- лексемы со значением 'относящийся к...', образуются

суффиксацией: с помощью формантов –н-, –ск-, –ов-/–ев-, –j-:

докладная записка [Курс 1913, вып. 7: 44],

кавалерійскіе округа военнаго поселенія [Курс 1913, вып. 7: 20],

рота (фузилерная, гренадерская, артиллерійская, минерная, піонерная), полевые части [Курс 1913, вып. 7: 14],

казачья сотня [Курс 1913, вып. 7: 17];

Формант –ск- в большей степени распространен в отсубстантивных номинациях со значением 'род войск' (*гвардейскій, кавалерійскій*);

сложением и суффиксацией: *приходорасходная книга* [9, д. 6, л. 5],

пріемо-сдаточные вѣдомости [О выполнении... 1887: д. 15, л. 9],

Первый Сибирскій желѣзнодорожный батальонъ [Военная энциклопедия Сытина: 352],

Конно-Артиллерійская бригада [Императорская гвардия 1910: 216],

Военно-Телеграфная рота [Инженерные и железнодорожные войска 1909: 119];

- лексемы со значением 'отсутствующий', образуются

Префиксацией с помощью формантов –ир-, –не-:

Иррегулярное войско [Казачьи войска 1912: 459],

Кавказскія иррегулярныя части [Казачьи войска 1912: 459],

нестроевые части,

Эти форманты передают такой признак мотивировочного признака как 'наличие/ отсутствие'

Глагольная микропарадигма

- лексемы со значением 'военная операция, действие':

суффиксацией:

капитулировать,

рекогносцировать,

маршировать,

экзерцировать.

Ряд основ участвует в словообразовании в рамках и субстантивной, и адъективной парадигм: *военно- (военно-полевой, военно-юридический, военно-теоретический и военнослужащие).*

Наиболее продуктивными способами образования в структуре военного дискурса были

1) в области морфемного словообразования:

Средствами **суффиксации** производится

- расширение спектра глагольных (и образованных от них субстантивных)

лексем с суффиксом **-ирова:**

маневрирование [Курс 1913, вып. 7: 13],

маршировать [Курс 1913, вып. 7: 55],

обмундирование [Курс 1913, вып. 7: 68];

прикомандирование [Энциклопедия 1883, т.1: 91],

прикомандировываются [Энциклопедия 1883, т.1: 93],

рекогносцировка [Энциклопедия 1883, т.1: 97],

формирование [Курс 1913, вып. 7: 13],

эксплуатировать [Курс 1913, вып. 7: 138].

- расширение спектра субстантивных лексем с суффиксом **-ерь:**

понтонеры [Курс 1913, вып. 7: 26],

пионеры [Курс 1913, вып. 7: 61],

милиционеръ [Курс 1913, вып. 7: 61].

Средствами **префиксации** производится

- удержание в языковом узусе традиционных для военного языка образований с иноязычными префиксами (или префиксоидами) типа *вице-директоръ* [Энциклопедия 1883, т.1: 91],

виц-мундиръ [Курс 1913, вып. 7: 130],

генераль-инспекция [Курс 1913, вып. 7: 94],

контръ-атака [Энциклопедия 1883, т.1: 103],

оберь-офицеры [Курс 1913, вып. 7: 57],

унтеръ-офицерский [Курс 1913, вып. 7: 59].

Средствами словосложения активно образуются **нумерологические прилагательные:**

баталіоны четырехротные [Курс 1913, вып. 7: 12],
внутренніе губернскіе полубаталіоны [Курс 1913, вып. 7: 29],
полки трехбаталіонные [Курс 1913, вып. 7: 12],
5-тиэскадонный полкъ [Курс 1913, вып. 7: 19],
баталіоны четырехротнаго состава [Курс 1913, вып. 7: 26], *полуэскадронь* [Курс 1913, вып. 7: 30],

Ружье 7-ми-линейнаго калбра.

2) в области семантического словообразования в XIX веке остается продуктивным способ субстантивации:

рулевой [Энциклопедия 1883, т.1: 101],
строевые [Курс 1913, вып. 7: 12],
нестроевые [Курс 1913, вып. 7: 12],
колонновожатые [Курс 1913, вып. 7: 104].

Особенностью деривационной организации военного подъязыка XIX века является распространение сложных прилагательных, различных по морфологическому и семантическому составу. Их можно разделить по предметной и концептуальной принадлежности.

Концепт ‘обучение’:

военно-юридическіе академіи [Энциклопедия 1883, т.1: 95],
военно-медицинская академія [Энциклопедия 1883, т.1: 95],
военно-сиротскій домъ [Курс 1913, вып. 7: 57],
спеціально-военное образование [Курс 1913, вып. 7: 73],
спеціально-инженерная подготовка [Курс 1913, вып. 7: 77]

Концепт ‘военно-административная организация’:

военно-судебные вѣдомства [Энциклопедия 1883, т.1: 95],
военно-сухопутное вѣдомство [Энциклопедия 1883, т.1: 115] = *Министерство военно-сухопутныхъ силъ* [Курс 1913, вып. 7: 81] = *Военное министерство* [Курс 1913, вып. 7: 83],
военно-административные должности [Курс 1913, вып. 7: 80],
военно-полицейская часть [Курс 1913, вып. 7: 99].

Концепт ‘военный суд’:

военно-уголовные законы [Энциклопедия 1883, т.1: 95],
военно-уголовное судопроизводство [Энциклопедия 1883, т.1: 95],
военно-судных комисій [Энциклопедия 1883, т.1: 115].

Концепт ‘военная медицина’:

военно-ветеринарный институтъ [Энциклопедия 1883, т.1: 98],
военно-медицинскій курсъ [Энциклопедия 1883, т.1: 98].

Концепт ‘военные соединения’:

легко-конный полкъ [Энциклопедия 1883, т.1: 107],
понтонно-артиллерійскій полкъ [Курс 1913, вып. 7: 27],
Полки трехбаталіонные [Курс 1913, вып. 7: 12],

Баталіоны четырехротные [Курс 1913, вып. 7: 12],

5-тиэскадонный полкъ [7, т. 7, с. 19],

Изъ двухъ баталіоновъ четырехротнаго состава [Курс 1913, вып. 7: 26],

Внутренніе губернскіе полубаталіоны [Курс 1913, вып. 7: 29],

Полуэскадронъ [Курс 1913, вып. 7: 30]

Концепт ‘персона’: *конно-егеря* [Курс 1913, вып. 7: 19].

Изучив особенности деривационной организации русского военного дискурса XIX – начала XX века, мы пришли к выводу, что с помощью установления мотивационного потенциала можно выявить ценную информацию о концептуальных признаках соответствующих понятий, являющихся основными в концептосфере военного дискурса.

1.4. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФОН ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Одним из вопросов современной дискурсологии является вопрос о критериях институциональности дискурса. Дискурсивное направление в современном социально-гуманитарном знании чрезвычайно популярно, однако в данной – новой – отрасли языкознания много нерешенных и неясных моментов. Согласимся с М. И. Степановой в том, что «ни один из подходов к дискурсу не стал пока господствующим и не выработано еще единого синтетического междисциплинарного подхода» [Степанова 2009: 230].

Дискурс непосредственно связан с понятием «языковая личность». Человек как языковая личность обладает рядом дискурсивных способностей. По мнению В. С. Григорьевой [Григорьева 2007], «дискурсивные способности первого уровня включают в себя основные действия и операции семиотической деятельности; дискурсивные способности второго уровня отвечают за адекватное отображение в дискурсе фрагментов реального или мыслимого/воображаемого мира; дискурсивные способности третьего уровня ориентированы на уместность использования вербализованных актов в социальном взаимодействии людей» [Григорьева 2007].

«Дискурсивное поведение» личности связано с определенным коммуникативным стилем, а также с рядом факторов нелингвистического порядка: этнокультурными, психологическими, ментальными, которые образуют экстралингвистический фон дискурса, в то же время организуют процесс дискурсивной коммуникации. Тем самым понятие дискурсивной коммуникации связано с рядом актуальных понятий дискурсологии: дискурсивный акт, языковая личность, дискурсивное поведение и, наконец, дискурсивная коммуникация.

В зависимости от характера языковой личности С. А. Сухих предложил экспонентный, субстанциональный и интенциональный уровни ее измерения. Он выделил «жалостно-зависимый, помогающий, беззаветный, агрессивно-

обесценивающий, определяюще-контролирующий, дистанцирующий, самодозывающий, драматизирующий коммуникативные стили» [Григорьева 2007].

В нашей работе мы используем так называемый лингвокогнитивный подход к дискурсу. «Лингвокогнитивный подход в определении концепта представлен в работах А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева, Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой, А. И. Стернина. Концепт [по мнению А. П. Бабушкина] понимается как «дискретная, содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира и хранимая в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [Юсупова 2010].

Рассмотрим отдельные группы нелингвистических особенностей дискурса.

1) этнокультурные особенности дискурса. Дискурс имеет, как правило, национальную окрашенность, ведь «социальное взаимодействие коммуникантов и их речевое поведение регулируется очень часто специфичными для данной культуры этикетными нормами» [Григорьева 2007]. Взаимоотношение этносов проявляется и в рамках межкультурной коммуникации. При взаимодействии культур происходит информационное взаимодействие людей разных национальностей, они отражают «национальное коммуникативное поведение народа» (термин В. С. Григорьевой). Информационный обмен осуществляется на прагматическом, синтаксическом и семантическом уровне.

Информационный обмен создает и обмен элементами национальных картин мира. «Картина мира, складывающаяся в мышлении носителя языка, требует адекватного выражения языковыми средствами» [Григорьева 2007].

Однако в разных типах дискурса этнокультурный дискурсивный обмен осуществляется по-разному. В военном дискурсе, в частности, этнокультурное взаимодействие проявляется на лингвистическом уровне – в этимологии и семантике, а от этого – прагматике языковых единиц. Формирование военного подязыка – результат языкового развития, в том числе и национального языкового развития.

Русско-тюркоязычное взаимодействие:

есауль – тюрк. *разсылный* [Преображенский 1910: т. 1, с. 218];

шеренга – (?) перс. *войско в четыре ряда* [Преображенский 1910: т. 3, с. 94];

Русско-кавказское взаимодействие:

шашка – черк. *длинный нож* [Преображенский 1910: т. 3, с. 92];

Русско-романское взаимодействие:

эполеты – фр. *наплечник* [Преображенский 1910: т. 3, с. 126].

Межкультурное взаимодействие в военном дискурсе различно по времени, в нем можно выделить определенные этапы, например, начало XVIII века (эпо-

ха Петра I), когда были заложены основы военной терминологии – появились лексемы *штабь, штатъ, штиблеты* и др.

Этнокультурное взаимодействие на уровне отношений, коммуникативном уровне наблюдается при ведении боевых действий с представителями других национальных армий, при общем хозяйствовании и быте, что было распространено в среде русской армии дореволюционной поры.

В концептосфере военного дискурса отражены этнокультурно окрашенные, «национальные» значения отдельных слов и выражений, «этимологические особенности слов, национальные особенности комбинаций значений и языковых единиц, складывающихся в конечном итоге в единую семантическую картину мира» [Григорьева 2007]. Согласимся с В. С. Григорьевой, что «анализ отображательных качеств языка в целях характеристики национальной картины мира целесообразнее осуществлять не на сопоставлении отдельных его единиц, а на большом языковом фрагменте, тексте или дискурсе, содержащем оптимальное количество признаков, позволяющих отобразить и описать то или иное явление в его реальном существовании» [Григорьева 2007].

2) ментальные особенности дискурса. «Язык – это тот феномен, в котором отображено бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире, природные условия существования народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика и пр. Результатом активного освоения человеком окружающего мира является когнитивное наполнение мыслительных категорий в процессе номинации объектов и явлений материальных условий существования индивидуумов» [Григорьева 2007]. По мнению В. С. Григорьевой, «для изучения ментальных мыслительных процессов наиболее важным представляется анализ коммуникативных языковых структур, фиксирующих особенности объективно существующих форм человеческого общения, таких прагматических действий, как просьба, приказ, запрет, утверждение, формы общения, речевой этикет и пр.» [Григорьева 2007]. Однако ментальные особенности в рамках исследования военного дискурса XIX века представляются и как особенности мировоззрения и мироощущения военнослужащих, особенностей их взгляда на военный быт и театр военных действий, которые их окружают.

«Поскольку ментальные процессы и языковая структура отдельной лингвокультурной общности тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, представляется возможным вести исследования в двух направлениях: 1) от изучения менталитета нации к фактам его отображения в языке – ментолингвогенез; 2) от языковых структур к опосредованным ими ментальным процессам – лингвоментогенез» [Григорьева 2007]. При исследовании ментальных особенностей военных по материалам источников военного дискурса мы руководствовались методологией лингвоментогенеза.

3) психологические особенности дискурса.

Психология военных, их психоэмоциональные особенности, прослеживаемые через тексты, свидетельствует об особом складе характера и взгляде на предметы и моменты «военного» существования. Психологический фактор обнаруживается при оценке эмоциональной сферы военнослужащего, при его коммуникативном поведении (рассказах о военных событиях, сопровождающихся эмоциональной оценкой).

Для анализа экстралингвистического фона дискурса нами использовался блок текстовых материалов неофициальных (недокументальных) источников военного дискурса, в их числе:

Иосифъ Дебу. О кавказской линіи. СПб., 1828.

Донской казачій 1-й полкъ. Исторія для нижнихъ чиновъ. Москва, 1891.

Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска съ приложеніемъ статьи о домашнемъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ, рисунковъ со знаменъ и карты. Оренбургъ. Типо-литографія Б. Брослина, 1891.

Неофициальные источники были выбраны ввиду преобладания в них субъективного фактора, позволяющего оценить военный дискурс по критериям его «экстралингвистичности». Несмотря на то, что в текстовом материале нами были обнаружены черты нелингвистического порядка, остается нерешенным ряд задач, в том числе динамика изменения экстралингвистического фона, его наполняемость и целостность, классификация ментальных, этнокультурных и психологических признаков дискурса и иные.

Проследим содержательные особенности факторов экстралингвистического фона русского военного дискурса XIX века.

Этнокультурные особенности военного дискурса. Офицеры-авторы военно-повествовательных произведений осознавали себя частью полиэтнического общества:

Число жителей простирается до 122 500 душъ; они, кромѣ Россіянъ, суть: Армяне, Грузинцы, Кабардинцы, Осетинцы, Кистенцы, Кумыки, Нагайцы, Трухменцы и Абазинцы [Дебу 1828: 22-23].

ВСЕАВГУСТѢЙШІЙ МОНАРХЪ!

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Недостатки свидѣній о кривинахъ, побудившихъ Правительство первоначально уредить Кавказскую линію, и о способахъ, могущихъ навсегда утвердить спокойное владѣніе Россіи надъ пространствомъ земли, оспориваемой съ давнихъ временъ разными окружающими ее народами, весьма ошутителенъ для служащихъ въ ономъ краю.

Приложивъ всевозможное стараніе, въ продолженіе шестнадцатилѣтней службы моей на Кавказской линіи, чтобъ ознакомиться съ мѣстными обстоятельствами и чтобъ описаніемъ оныхъ по силамъ моимъ принести пользу моимъ соотечественникамъ, я употреблялъ свободныя часы для собранія свидѣній, до сей еще дикой и малоизвѣстной страны относящихся, преимущественно по Военной части, не упуская и тѣхъ, которые могли бы руководствовать и

Рис. 1. Фрагмент из книги Юсифъ Дебу. О кавказской линіи. СПб., 1828

Фактом этнокультурного взаимодействия является социальное взаимодействие «соседей» по территориям – казаков как социального класса и татар – как этноса, что стало «этнокультурным» следствием номинации слова «казак» (казакъ):

Издравле, еще въ южныхъ странахъ Россіи, обитаемыхъ понынѣ Козаками, отъ рѣки Днѣпра къ востоку до горъ Уральскихъ и до верхней части рѣки Урала, небыло городовъ: но молодые люди сосѣдственныхъ народовъ, удаляясь отъ жилищъ своихъ по разнымъ причинамъ, составляли нѣкоторый родъ общества... По образу жизни своей, они получили отъ сосѣдственныхъ Татаръ названіе Козаковъ, или бездомовныхъ, а по всегдашнему ихъ упражненію ихъ упражненіямъ въ военномъ ремеслѣ, содѣлались они нужными своимъ сосѣдамъ, какъ въ мирное, такъ и военное время [Дебу 1828: 41].

Межнациональное общение осуществлялось и на уровне военной службы в полках, об этом говорят описания военного быта военных определенной национальности:

Вмѣстѣ съ забвеніемъ Христіанской вѣры, удалились Калмыки сіи отъ военнаго состоянія, и хотя даютъ 50 человекъ въ Моздокскій полкъ на службу, но въ нынѣшнемъ своемъ состояніи болѣе похожи на бродягъ, нежели на людей, входящихъ въ составъ воинской команды [Дебу 1828: 41].

Уважающа еще силы сосѣдственныхъ съ Линіею народовъ, не предпринималъ он ничего важнаго для основанія взаимнаго между поселенными по Линіи и Горцами спокойствія, но употреблялъ послѣднихъ къ умноженію блеска главной своей квартиры, гдѣсь Азіятскою пышностію принималъ торжественныя посольства отдаленныхъ народовъ [Дебу 1828: 162].

Национальные особенности военнослужащих разных национальностей, служивших на территориях одного из казачьих соединений, приведены в приложении 5.

Ментальные особенности военного дискурса связаны с особенностями менталитета военнослужащих, с их мирозерцанием, с особыми – интеллектуальными – характеристиками их личности. Мы выделили доминанты в ментальных признаках военных XIX века, среди которых:

1) осознание важности своего труда:

Я почелъ бы величайшею себѣ наградою, если бы начертанныя здѣсь замѣчанія, какъ плодъ собственнаго моего опыта на службѣ, удостоены были

вниманія и **принесли желаемую пользу** не только военнoслужашимъ на Кавказской линіи, но, как смб ю надб яться, хотя и Гражданскимъ Чиновникамъ, неимб ющимъ мб стных свб дб ній о сей странб, еще мало извб стной и въ Ученoмъ свб те [Дебу 1828: XV – XVI].

2) патриотизм:

*Народъ, столь и много и напрасно угнб тенный, оживотворился подб покровительствомъ **Россійской Державы*** [Дебу 1828: 102].

Князь Потемкинъ, обращая особенное вниманіе на улучшение состоянія Горскихъ народовъ, вызывалъ изъ знатнб йшихъ родовъ нб сколько человб къ подб названіемъ Депутатовъ, коихъ, содеража великолб пно при себб , приготавлиа ихъ къ лучшему образованію. Сіи часто смб няемые Депутаты, разглашали между своими **единоземцами о могуществб Россіи**, о милостяхъ, Предводителемъ многочисленныхъ Россійскихъ войскъ имъ оказываемыхъ [Дебу 1828: 161].

*Да, отцы наши заслужили намъ вб чную славу, показали всему свб ту, что за люди Донскіе казаки! Намъ, ихъ дб тямъ остается только одно: гордиться ихъ подвигами и стараться поддерживать казачью доблесть! **Недостоинб называться казакомъ тотъ изъ насъ, кто не любитъ заслугъ своихъ предковъ, кто не хочетъ быть похожимъ на нихъ, кто не гордится ихъ громкими дб лами!*** [Донской 1891: 5]

3) уважение к старшим по званию – «графический» акцент на слово *начальство*:

Состояніе ихъ, исключая некоторыхъ, самое бб дное; но при хорошемъ распоряженіи мб стнаго **Начальства**, и при употребленіи способовъ, о коихъ ниже сего сказано будетъ, кажется, можно и ихъ сдб лать полезными гражданами [Дебу 1828: 64].

4) стремление быть объективным, дать объективную оценку событий:

*[уничтожение дороги до Грузии] – сія **необдуманная и нималой пользы необб щавшая мб ра мб стнаго Начальства*** [Дебу 1828: 36-37]

*Отъ бывшихъ нб сколько сряду лб ть неурожаевъ, хлб бопашество производится въ весьма маломъ количестве. **Курдюковская станица занимаетъ изо всб хъ лучшую и удобнейшую землю*** [Дебу 1828: 56]

5) стремление выразить оценку выгоды / невыгоды для войска какого-либо нововведения:

Расположеніе станицъ по почтовой дорогѢ для Козаковъ очень невыгодно, по обремененію ихъ чрезмернымъ постоемъ при слѢ дованіи изъ Россіи рекрутскихъ партій и разныхъ воинскихъ командъ [Дебу 1828: 67]

Менталитет военных в XIX веке организуется и с помощью определенного рода констант, которые также формируют мировоззрение военнослужащего:

1. Стремление получить доход, пропитание выгодным образом.

ГлавнѢ йшій доходъ Гребенскаго Войска состоитъ въ сборѢ вышеупомянутаго корня марёны, котораго сухимъ собираютъ 1000 пудовъ, а пудъ продается отъ 6-7 рублей.

ХлѢ бопашество скудно, и, какъ кажется, Козаки непрілежатъ къ оному, по причинѢ продолжавшагося въ теченіе послѢ днихъ годовъ неурожая, или отъ недостатка въ людяхъ, наравнѢ съ прочими употребляемыми на службу [Дебу 1828: 58].

2. Стремление проживать в выгодных погодных условиях.

Земля Моздокскаго Казачьяго полка хотя смежная, но гораздо выгоднѢ е занимаемой Гребенскимъ Войскомъ, и простирается на 70 верстъ по Тереку [Дебу 1828: 60] ИЛИ: МѢ стоположеніе вообще ровное; почва земли ближе къ Тереку и вверхъ, начиная отъ станицы Ищорской до Стодеревской, для хлѢ бопашества и для сѢ нокосу хороша; но далѢ е въ степь, или, такъ называемая, буруны, больше песчана [Дебу 1828: 60].

3. Стремление вырастить урожай.

Козаки Кавказскаго поселеннаго полка, во избѢ жаніе разныхъ неудобностей, и для лучшаго хозяйственнаго распоряженія, пользуются, по повелѢ нію Начальства, съ самага ихъ водворенія, отведеннымъ для нихъ пространствомъ земли, занимающей отъ 20 до 40 верстъ отъ рѢ ки Кубани, гдѢ по удобности разныхъ запольныхъ, хотя и болотистыхъ рѢ чекъ, имѢ ютъ они свои хутора и мельницы [Дебу 1828: 76]

4. Стремление к равноправию.

Споры поселенныхъ Козаковъ съ Нагайцами за землю, ими близъ 20 лѢ тѢ занимаемую, весьма затрудняютъ Начальство [Дебу 1828: 62].

Психологические особенности военного дискурса ярко проявляются при обнаружении таких качеств, как эмоциональность, сострадание, сочувствие.

1) эмоциональная оценка негативных событий истории:

подали поводъ сему неистовому народу къ распространенію столь для нихъ выгаднаго промысла, даже внутри Кавказской линіи, гдѣ они отваживались явно нападать на войска, оную охраняющія, и это, к большому нашему несчастію и къ поощренію ихъ, удавалось часто съ значительною выгодой [Дебу 1828: 36-37].

*Корыстолюбіе Кабардинскихъ Князей было и есть поводомъ къ самымъ величайшимъ злоупотребленіямъ: ибо владельца грабители, не только обыкновенныхъ своихъ подданныхъ, но и уважаемыхъ народомъ старшинъ; и тѣмъ навлекли на себя **народное негодованіе** [Дебу 1828: 102].*

Для содѣствія на сѣ верной сторонѣ онаго, испросилъ онъ себѣ въ помощь извѣстнаго отличною храбростію и неустрашимостію Генерала отъ Инфантеріи Булгакова, который и принять былъ изъ отставки въ службу [Дебу 1828: 174].

2) сочувствие.

Рыболовство по Тереку входитъ равнымъ образомъ въ число доходовъ; но отяготительная служба Козакоѣ отъ неустановленія должнаго порядка, не позволяетъ имъ пользоваться тѣми выгодами, коихъ можно было бы ожидать [Дебу 1828: 61].

*Станица Воровскольская, пользующаяся большимъ пространствомъ земли и всѣми возможными выгодами, **претерпѣла двукратное хищническое нападеніе**, по отдаленности ея отъ прочихъ станицъ [Дебу 1828: 70].*

*По возвращеніи жъ сихъ **несчастныхъ**, мщеніе владѣльцевъ возросло надъ ними до крайняго мучительства, и народъ, **впавъ въ отчаяніе**, потерялъ всякую къ нимъ довѣренность [Дебу 1828: 103].*

Къ общему сожаленію, Князь Циціановъ убитъ подѣ Бакою, 1806 года, злодѣйскимъ умысломъ командовавшаго оною крѣпостію Начальника [Дебу 1828: 173].

В ряде случаев ментальная оценка сопровождается оценкой этнокультурного взаимодействия:

другое же для Войска въ распространеніи хлб бопащества неудобство происходиъ отъ притб сненій Нагайцевъ [Дебу 1828: 57]

Психологические, ментальные и этнокультурные факторы дискурса обнаруживаются в контексте произведений как правило неофициального, неформального характера.

Лингвистические признаки нелингвистических факторов, по нашему мнению, следующие:

Признаки ментальных факторов дискурса

Черта 'патриотизм' обнаруживается в лексике военно-патриотического дискурса: (отечество, престоль, родина и др.):

*Несмотря на малочисленность Оренбургскихъ казаковъ и на ихъ усиленную службу въ краб , они въ то же время, когда вся Россія переживала тяжелые минуты нашествія Наполеона, съ береговъ Урала протянули посильную руку помощи для защиты **престола и отечества**.* [Историко-статистический очерк 1891: 94]

Въ одномъ изъ приказовъ относительно № 6 и 7 полковъ сказано: «они показали себя достойными представителями своего войска: честно исполнили долгъ свой предъ Государемъ и Отечествомъ» [Историко-статистический очерк 1891: 122].

Черта 'военная гордость':

*Начиная съ 1864 года, въ Туркестанскомъ краб не было ни одного **военнаго дб йствія**, гдб бы не участвовали **Оренбургскіе казаки*** [Историко-статистический очерк 1891: 119]

Черта 'уважение к предкам-воинам':

*Умирая, престарб лые бойцы завб щали въ наслб діе своимъ сыновьямъ и внукамъ, как испытанное въ бою оружіе, такъ и свою **споровку и свой боевой опытъ**, выработанные въ частыхъ стычкахъ и лихихъ схваткахъ съ противникомъ* [Историко-статистический очерк 1891: 123]

Предположения и размышления:

Для отвращенія вреда, могущаго произойти отъ непріятельскихъ вторженій, я нахожу полезнымъ... [Дебу 1828: 267].

Для отвращенія споровъ Нагайцевъ о землѣ, съ давнихъ временъ Начальство обременяющихъ, и наиболѣе возникающихъ въ Гребенскомъ и Моздокскомъ войскахъ, нахожу весьма нужнымъ отмежевать Нагайцамъ достаточный участокъ земди по Сю сторону Терека [Дебу 1828: 269].

Признаки психологических факторов дискурса.

Психологические особенности субъектов дискурсивной коммуникации обнаруживаются в эмоционально-окрашенной лексике:

***Жаль** было Донцам разставаться со своею заслугою, которою они такъ гордились; не хотелось им переучиваться, что теперь-де ихъ полкъ имѣеть уже не Георгіевское знамя, а простое. [Донской 1891]*

*...вся Россія переживала **тяжелые** минуты нашествія Наполеона... [Историко-статистический очерк 1891: 94].*

Негативно-окрашенная лексика сопровождает описание негативных последствий распоряжений начальства: [в результате вытеснения с исконных земель киргизов, занятия Ново-Илецкаго района и проведенія Новой линіи]

*вскорѣ повлекли за собою рядъ довольно значительныхъ беспорядковъ въ степи. **Шайки** киргизъ съ большею противъ прежняго дерзостью стали прорываться черезъ линію и, нападая на новыя казачьи поселенія, угоняли скоть и уводили людей. Первыя волненія въ степи начались по **проискамъ** киргизскаго султана Кенесары Касымова и отца его Касыма Аблаева. [Историко-статистический очерк 1891: 106].*

*...Султанъ Кенесара, 14 августа 1844 года, съ многочисленнымъ **скопищемъ** **напал** на Екатерининскую станицу (нынѣ поселокъ), выжегъ въ предмѣстьи (форштадтъ) 36 домовъ, истребилъ и похитилъ разнаго имущества на 40 тысячъ рублей сер. [Историко-статистический очерк 1891: 110].*

Кочевники=хищники. Съ этого времени, съ открытіемъ весны, почти ежегодно командировались вглубь степей летучіе казачьи отряды, иногда въ довольно значительномъ составѣ (отъ 500 до 2000 челобъ къ), для наказанія **хищниковъ** [Историко-статистический очерк 1891: 110-111].

Въ слѣ дующемъ (1861) году крѣ постной валъ былъ уничтоженъ. И тамъ, гдѣ теперь тихо и мирно развивается сельская жизнь Оренбургскихъ казаковъ, не болѣ е полустолѣ тія тому назадъ пылали и пусѣ ли селенія отъ киргизскихъ погромовъ, вслѣ дствіе кровавой борьбы не на жизнь, а на смерть [Историко-статистический очерк 1891: 114].

Позитивно-окрашенная лексика фиксируется в описании личностей отдельных военачальников, офицеров.

*Генераль-адъютантъ Перовскій къ устройству войска отнесся съ **полною любовью и свойственной ему энергіей**. Время съ 1840 по 1865 годъ, въ отношеніи устройства и полнаго экономическаго благосостоянія Оренбургскаго войска, составляетъ **самый лучший и свѣ тлый періодъ** его существованія [Историко-статистический очерк 1891: 107].*

Эмоционально-окрашенная лексика выразительно передает восхищение генералов подвигами простых казаков:

Бывшій командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, въ оффиціальныхъ своихъ донесеніяхъ отзывается объ Оренбургскихъ казакахъ такъ: въ послѣ дней Коканской экспедиціи Оренбургскіе казаки являлись во всѣ хъ отношеніяхъ настоящими воинами. Не было дѣ ла, въ которомъ бы не участвовали части Оренбургскаго казачьяго войска. Какъ служащіе въ сотняхъ и батареяхъ, такъ и все остальные съ отличіемъ исполняли свои воинскія обязанности. Во многихъ дѣ лахъ казаки смѣ ло врубались въ шашки и доказали, что умѣ ютъ хорошо владѣть холоднымъ оружіемъ. Многіе казаки ходили на штурмъ смѣ шенными. Словомъ, верхомъ казакъ являлся лихимъ кавалеристомъ, нѣ шкомъ не уступалъ отборной нѣ хотѣ [Историко-статистический очерк 1891: 121]

Служба казаков оценивается как «примерная» и «усердная» [Историко-статистический очерк 1891: 121], а сами они – «достойные представители своего войска», подвиги – богатырские:

Каждый курганъ, каждый камень и кустъ имъ былъ извѣ стень, нерѣ дко даже былъ свидѣ телемъ ихъ богатырскихъ подвиговъ, рассказы о коихъ переходятъ изъ одного поколѣ нія въ другое и сохранились въ памяти народной до позднѣ йшихъ временъ [Историко-статистический очерк 1891: 124].

Признаки этнокультурных факторов дискурса

Лексемы со значением 'этнос':

*Съ занятіемъ Ново-Илецкаго раіона и съ проведеніемъ Новой линіи, каза-
чье населеніе должно было войти въ неизбежное столкновеніе съ интересами
киргизскихъ ордь, издавна кочевавшихъ въ этихъ мѣ стностяхъ* [Историко-
статистический очерк 1891: 105].

Взаимодействие народностей занимает мысли авторов военно-
исторических трудов:

*Правительство, занимая мѣ стности по лѣ вую сторону Урала и по Илеку,
оттѣ снило киргизъ отъ привольныхъ луговъ и пастбищъ, въ которыхъ они,
какъ кочевники, имѣ ли существенную потребность. Подобные обстоятельст-
ва не могли не повліять на спокойствіе киргизской степи вообще* [Историко-
статистический очерк 1891: 105].

Таким образом, экстралингвистический фон военного дискурса XIX века формируется за счет ментальных, психологических и этнокультурных факторов; их сочетание играет важную роль в структуре дискурсивной коммуникации.

1.5. Военный дискурс и деловая речь XIX – начала XX вв.

Вопрос о взаимосвязанности дискурсивных образований – чрезвычайно актуален в современной лингвистике. Взаимопроникновение как лингвистических элементов дискурсов, так и их экстралингвистического «окружения» ставит перед исследователем множество вопросов: во-первых, относительно масштабов такого взаимопроникновения, уровней реализации языковых единиц, во-вторых, относительно вообще самой возможности их сосуществования. Один из примеров такой взаимосвязи – продуцирование признаков деловой речи (делового дискурса) в других дискурсах, в частности, военном.

Наука дает различные терминологические номинации деловой сфере общения: деловой дискурс, деловой язык, средства делового общения. Понятие «деловая речь» также определяется терминами «дискурс», «дискурсивность», так как имеет признаки, характерные для институционального дискурса.

Под дискурсом понимается «речевое взаимодействие двух и/или более коммуникантов в устной или письменной форме, проходящее в определенной коммуникативной ситуации, результатом которого является текст, или тематически объединенные тексты» [Буркитбаева 2010: 141]. Мы присоединимся к мнению Г. Г. Буркитбаевой [Буркитбаева 2005, 2010], которая считает, что дискурс –

это сумма взаимосвязанных лингвистических, когнитивных, экстралингвистических и иных признаков, которые являются непосредственными факторами его продуцирования, функционирования и восприятия.

Дискурс шире понятия «текст», понятие «дискурс» включает «экстралингвистические и социолингвистические факторы его формирования, восприятия и понимания, имеющие чрезвычайное значение для успешной интеракции деловых партнеров» [Буркитбаева 2010: 141].

Анализ делового дискурса должен обязательно касаться таких экстралингвистических компонентов, как коммуникативный акт и коммуникативная ситуация. «Дискурс как феномен языка (genus) включает в себя различные переменные (текст, участники интеракции, коммуникативная интеракционная ситуация) и обладает естественной способностью образовывать в зависимости от сочетания и соотношения этих переменных упорядоченные виды (типы, группы) дискурсов» [Буркитбаева 2010: 141].

Ввиду нечеткости определения дискурса, дискурсивности, неопределенными становятся и границы делового дискурса, которые «выглядят в современных исследованиях очень расплывчатыми: от предельно широкого понимания этого феномена как любого небытового и нехудожественного общения до сведения делового дискурса к жанру официально-деловой корреспонденции. Деловой дискурс неоднороден, в нем можно выделить деловую переписку, деловую документацию (контракты), устные деловые переговоры» [Сошникова 2010: 1320].

Отличительной чертой делового дискурса можно считать «ограничение круга субъектов и целей такого общения – этот дискурс ограничен рамками профессиональной деятельности специалистов и ведется для Сошникова 2010: 1320].

Деловой дискурс исследователи относят к институциональному виду общения. «Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Институциональное общение реализуется в статусно-ориентированном дискурсе и представляет собой речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [Карасик 1998: 185]. По мнению Р. С. Сошниковой, «для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами» [Карасик 1998: 1321].

Институциональный дискурс включает следующие элементы [Сошникова 2009]:

1. *Участники*. Ядром данной разновидности дискурса является общение базовой пары участников коммуникации: адресант – адресат.

2. *Хронотоп*. Хронотопом является обстановка, типичная для делового общения.

3. *Цели*. Цель делового общения – организация и оптимизация определенного вида совместной предметной деятельности.

4. *Ценности* (в том числе и ключевой концепт). Базовые ценности – совокупность того, что, представляя наибольшую значимость для пишущего, находится в иерархии ценностей субъекта на первых позициях и обуславливает существование цели дискурса. Ценности делового дискурса, по мнению исследователей [Сошникова 2009: 1322], сконцентрированы в его ключевых концептах. Они сводятся к признанию существования социально-значимых проблем, к необходимости доказать их объективность, к предложению способов наиболее эффективного решения этих проблем.

5. *Стратегии*. Стратегии делового дискурса определяются его частными целями.

6. *Материал (тематика)*. Источники делового дискурса могут охватывать многие сферы жизнедеятельности: юридическую, военную, педагогическую, религиозную, медицинскую, спортивную, научную, в которых существует острая социально-значимая проблема, требующая немедленного разрешения.

7. *Жанр* – единица не столько функционально-стилевой, сколько дискурсивной принадлежности. Официально-деловой стиль – языковая система, включающая множество языковых средств и обслуживающая не только деловой дискурс, но и другие виды сферы общения: политико-агитационный, нормативно-правовой, дипломатический. Жанровая определенность дискурса всегда коррелируется с условиями коммуникации. Жанр дискурса – категория достаточно определенная, дифференцирующая в зависимости от условий коммуникации (устного (деловые беседы, деловые заседания, деловые переговоры) или письменного делового общения). Перечень жанров делового дискурса относительно динамичен, он пополняется в зависимости от расширения жанрового разнообразия делового дискурса.

8. *Прецедентные (культурогенные) тексты*. Их наличие обусловлено обычно спецификой «делового» жанра.

9. *Дискурсивные формулы* – это те своеобразные «функционально-детерминированные обороты речи, которые свойственны коммуникации в соответствующем социальном институте, а также языковые средства разных уровней (лексического, морфологического, синтаксического)» [Сошникова 2009: 1322].

Так, в рамках институционального дискурса функционируют коммуникативные клише, которые, по мнению Р. С. Сошниковой [4], являются своеобразными ключами для понимания всей системы отношений в соответствующем

институте. Клише, как правило, представляют собой устойчивые, грамматически неоднородные, регулярно воспроизводимые блочные «стандартные фразеологические единицы в типовых речевых ситуациях, отражающие стереотипы мышления коммуникантов, позволяющие говорящему успешно достигать поставленной коммуникативной цели, способствующие общепонятности и информативности текстов, обладающие организующей ролью при построении диалогического пространства и во многих случаях сохраняющие свою выразительность» [Стрибижев 2005].

«Деловой дискурс как понятие видовое является конкретным воплощением инвариантной модели дискурса, созданного применительно к конкретной коммуникативной бизнес-ситуации определенной группой людей, имеющих то или иное отношение к бизнесу. При этом конкретным воплощением деятельности этих людей в бизнес-ситуации будут тексты, выраженные в форме различных жанров» [Буркитбаева 2010: 142]. Мы внесем терминологические коррективы в данное определение: ввиду обращенности к анализу военного и делового дискурсов в рамках диахронической коммуникации более обоснованным было бы терминологическое обозначение *бизнес-ситуации деловой ситуацией*, т. к. само понятие «бизнес» появляется в русском языке уже в XX в.

Контекст и его составляющие в дискурсе включают предыдущий контекст, реальную коммуникативную ситуацию, участников коммуникации с их межличностными отношениями, различными видами знаний. Участники коммуникации тесно взаимосвязаны и оказывают реальное влияние друг на друга.

Таким образом, деловой дискурс – это общение между интерактантами, которые относящиеся к определенным деловым и социально-профессиональным группам. При рассмотрении адресанта и адресата делового текста важно определить их коммуникативную адекватность. Она включает в себя коммуникативную целесообразность, соответствие норме, творческое применение и оптимальное действие [Буркитбаева 2010: 144].

Еще одной характеристикой делового дискурса является официальный, профессиональный и социальный статус коммуникантов, который предполагает три типа деловой коммуникации: *восходящую, нисходящую и горизонтальную* [Буркитбаева 2010, Астафурова 1994]. Отношения подчиненного к руководителю являются примером *восходящей* коммуникации и характеризуются «робким, уважительным тоном, создаваемым многочисленным, а иногда и чрезмерным употреблением реквестивных модальных глаголов, условных предложений, союзов, вводящих аргументацию, нежесткой оценочностью, вопросительными предложениями» [Буркитбаева 2010: 144]. Отношения руководителя к подчиненному являются примером *нисходящей* коммуникации и характеризуются «частым употреблением утвердительных и повелительных предложений, жесткой модальностью. Предложения при этом короче, так как в них существуют аргументация и вводящие ее союзы. Тон категоричен и директивен» [Буркитбаева

2010: 144]. *Горизонтальная* коммуникация между коллегами с одинаковым статусом характеризуется преимущественно доброжелательным тоном, призывающим к совместным действиям и выражается короткими предложениями, коннотативно окрашенными глаголами, многочисленными маркерами положительного эмоционального воздействия [Сошникова 2009: 144-145].

Тексты в сфере профессиональной деятельности могут иметь *информативный* характер (отчеты, докладные и объяснительные записки, протоколы собраний и совещаний), *директивный* характер (приказ о назначении на должность), характер *взаимодействия* коммуникантов (переписка, протоколы переговоров, подписанный контракт и т.д.), в то же время язык профессионалов-практиков сугубо терминологичен [Буркитбаева 2010: 145].

Рассмотрим структуру делового дискурса и указанные его особенности на материале документов военного подъязыка, однако обратим внимание на некоторые методологические трудности, с которым нам пришлось столкнуться при рассмотрении проблемы дискурса в историческом (диахроническом аспекте). Структура делового языка существенно отличается от современной: во-первых, составом документов; во-вторых, каналами документооборота; в-третьих, привлеченными языковыми средствами. В связи с этим деловой дискурс XIX в. должен анализироваться с позиции диахронической коммуникации, предполагающей специфическую коммуникативную ситуацию, участников и условия общения, а также средства делового общения.

Определим компоненты делового дискурса военной сферы XIX в.:

1) текст – жанры делового дискурса; содержание делового дискурса формируется в виде того или иного жанра (в XIX в.: предписание, отношение, циркуляр, записка, журнал и др.);

2) коммуникативная ситуация – сфера делового общения: родовое понятие «коммуникативной ситуации» принимает «видовые формы» той или иной сферы деловых отношений (военное делопроизводство);

3) участники коммуникации – военные чины, военные чиновники, служащие, письмоводители, писари, делопроизводители, т.е. те или иные участники документооборота, участвующие в интеракции.

В истории русского литературного языка наблюдалось широкое взаимодействие военного и делового дискурсов, а деловая речь проникала во все сферы военной жизни. Ярким примером этому являются источники военного делопроизводства, которое было чрезвычайно развито в Сибирском казачьем войске, дислоцировавшемся в Омске. В приложениях 2 и 3 представлена система официальных источников военного дискурса – тех документов, которые были распространены на территории нашего региона в конце XIX – начале XX века. В приложении 4 приводится текст рапорта, который является одним из центральных военных документов-источников русского военного дискурса.

К письменным документам, фиксирующим взаимосвязь делового и военного дискурсов, относится и циркуляр (нем. *Zirkular*, от лат. *circularis* – круговой) – письмо, направляемое одним автором группе адресатов. В официальной переписке циркуляром называлось письмо, написанное одним лицом группе нескольких должностных лиц, либо письмо для всех лиц, занимающих определённую должность. Название документа «циркуляр» – следствие метафорического переноса (лат. круговой) – циркуляр обычно адресовался *кругу* лиц, одинаковых заинтересованных в его получении, либо одинаково ответственных за действие, в нем обозначенное. Циркуляр – документ, который активно использовался в XIX веке не только в военной сфере, но и в сфере образовательной. В советские годы циркуляр – распоряжение государственного или общественного органа либо разъяснение о порядке применения какого-либо акта, рассылаемое подведомственным учреждениям и организациям.

Проанализируем текст циркуляра, приведенный в сборнике «Циркуляры по Сибирскому казачьему войску № 13», хранящемся в оцифрованном фонде Омской государственной научной библиотеки им. А. С. Пушкина. Сборник включает 10 циркуляров, вышедших в 1902 г. В Сибирском казачьем войске. Несмотря на достаточно разнообразную тематику, стилистически и структурно военный циркуляр в XIX – начале XX в. выдержан в единой, унифицированной форме.

№ 7

Г. Омскъ, сентября 17-го дня 1902 года

Начальникъ Оренбургскаго юнкерскаго училища, рапортомъ отъ 6-го сентября сего года за № 1660, донесъ въ Штабъ Сибирскаго военнаго округа, что юнкера Сибирскаго казачьяго войска, находящіеся въ этомъ училищѣ, Игнатій Дорофѣвъ и Дмитрій Шишкинъ, за хорошее поведеніе и знаніе строевой службы, и какъ выслужившіе установленный срокъ, приказомъ по училищу отъ 31-го августа сего года за № 234, § 13, произведены въ младшіе урядники.

О чемъ объявляется для соотвѣтствующихъ отмѣтокъ въ письменныхъ свѣдѣніяхъ объ этихъ юнкерахъ.

Подписаль: Начальникъ Штаба, Генераль-Маіоръ Романовъ.

Скрѣпилъ: За Старшаго Адъютанта, Есаулъ Третьяковъ.

Ведущая функция циркуляра – своевременное и всеохватное информирование подразделений войска о текущих событиях. Тем самым циркуляр выполнял важную коммуникационную функцию в войсковой жизнедеятельности:

формировал цепь документооборота, с четкостью «фиксировал» дату и место составления документа.

Лингвистическая ценность циркуляра определяется его информационной и фактической насыщенностью при краткости изложения. Языковыми чертами данного вида документа являются: частотность названий (войсковых подразделений, единиц, учреждений (*Сибирский военный округ, Оренбургское юнкерское училище*)), термины военного подъязыка (*юнкеръ, начальник Штаба, старший адъютант*). При этом экстралингвистически указанные названия в циркуляре выполняют функцию не столько собственно названий, сколько названий «элементов» делопроизводственных отношений: автор документа – должностное лицо – заверитель документа и т. д. В циркуляре реализуются концепты военной языковой картины мира: концепт ‘персона’ (*Начальник Оренбургскаго юнкерскаго училища, юнкеръ, младшій урядникъ, Старшій Адъютантъ, Генераль-Маіоръ*); концепт ‘действие’ (*произведены въ младшіе урядники*).

Указанные языковые единицы определяют экстралингвистический и когнитивный контекст документа, что, в частности, подтверждается тем фактом, что названия военных чинов обозначают здесь не только собственно существующих лиц, но и само понятие о военных званиях (ср.: «*Начальник Оренбургскаго юнкерскаго училища... донесъ въ Штабъ Сибирскаго военнаго округа*» и: «*Игнатій Дорофъ евъ и Дмитрій Шишкинъ... произведены въ младшіе урядники*»), с другой стороны, обращает на себя внимание некоторая безличность изложения: в документе не указаны имена лиц, упоминание которых для автора документа контекстуально неважно (например, не указывается имя начальника Оренбургского юнкерского училища).

Лингвистические элементы военного дискурса дополняются языковыми единицами делового дискурса: субстантивными единицами (названиями документов – *рапортъ, приказъ по училищу*), процессуальными единицами (*донесъ, приказомъ по училищу произведенъ, объявляется*). В тексте встречаются выражения-штампы и клишированные выражения: *в установленный срокъ, соотвѣтствующий*. Экстралингвистический контекст делового документа обеспечивает пространственно-временной ракурс: указание на дату, место документа в делопроизводственной цепи: номер документа.

В некоторых случаях в циркуляре содержались *копіи* с другого документа, централизованно поступавшие в казачьи войска России (не только в Сибирское).

В данном документе также проявляются характерные лингвистические черты делового дискурса: на лексическом уровне (названия документов – *отзывъ*; клишированные выражения – *вслѣ дствіе необходимости, въ приказъ по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ*, глагольные номинации), на синтаксиче-

ском уровне (синтаксические конструкции со значением причины, основания:
Вслѣ дствіе необходимости имѣть свѣдѣнія о цѣляхъ (...)).

№ 1

Г. Омскъ, января 5-го дня 1902 года

*Объявляю при семъ для свѣдѣнія руководства копию с отзыва Главнаго
управленія казачьихъ войскъ отъ 15-го декабря минувшаго 1901 г. За № 16389.*

*Копія съ отзыва Главнаго Управленія казачьихъ войскъ Начальнику
Штаба Сибирскаго военнаго округа отъ 15-го декабря 1901 года за № 16389.*

*Вслѣ дствіе необходимости имѣть свѣдѣнія о цѣляхъ (высшихъ, низ-
шихъ и срѣднихъ), по которымъ приобретаются строевыя лошади казаками
смѣнныхъ командъ передъ выкомандированіемъ ихъ на службу въ первооче-
редныя части, Главное управленіе казачьихъ войскъ проситъ распоряженія
Вашего превосходительства, чтобы на будущее время вышеупомянутыя свѣ-
дѣнія включались бы въ отчеты объ смотрѣ смѣнныхъ командъ, представ-
ляемые строевыми начальниками по формѣ, объявленной въ приказѣ по ка-
зачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ отъ 18-го декабря 1891 года № 41. Под-
линный за надлежащимъ подписомъ.*

*Съ подлиннымъ въ рно: Старшій Адъютантъ,
Войсковой старшина Путинцевъ.*

*Съ подлиннымъ свѣдѣній: За помощника Старшаго Адъютанта, Сот-
никъ Герасимовъ.*

Данный документ свидетельствует о временной отнесенности делового дискурса – типичные для делопроизводства XIX в. лексемы: «*подлинный за надлежащимъ подписомъ*» (а не «*подписью*»), «*съ подлиннымъ свѣдѣній*»).

Концептуально на лингвистическую и экстралингвистическую оболочку военного дискурса влияют следующие компоненты: собственно военный язык, военный язык казачества, деловой язык. В циркулярах обнаруживаются следующие слова-элементы каждой из этих «частей»:

собственно военный язык: *выкомандированіе* (= отправление на службу), *часть*, *смотрѣ смѣнныхъ командъ*, *строевые начальники*, *выйти в отставку* [Циркуляр № 3, 1902],

экономика военного ведомства: пенсіи [Циркуляр № 3, 1902], *эмериталь-
ная касса* [Циркуляр № 3, 1902] (эмеритальная касса – пенсионная касса, охва-

тывавшая элиту из высших офицеров, выплата пенсий из эмеритальной кассы производилась в соответствии с личными заслугами ее членов и выслугой лет), *окладъ* [Циркуляр № 3, 1902], *положеніе объ эмеритальной кассѣ* [Циркуляр № 3, 1902], *взысканіе денегъ* [Циркуляр № 8, 1902], *Капитуль орденовъ* [Циркуляр № 8, 1902];

военный язык казачества:

структуры: *Главное управление казачьихъ войскъ* [Циркуляр № 1, 1902], *Начальникъ Штаба Сибирскаго военного округа* [Циркуляр № 1, 1902], *Войсковой наказной Атаманъ* [Циркуляр № 3, 1902], *Войсковой старшина Путинцевъ* [Циркуляр № 3, 1902], *Есауль* [Циркуляр № 8, 1902];

деловой язык:

документ: *копія съ отзыва* [Циркуляр № 1, 1902], *распоряженіе* [Циркуляр № 1, 1902], *приказъ (по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ)* [Циркуляр № 1, 1902], *циркулярное предписаніе* [Циркуляр № 6, 1902], *отношеніе* [Циркуляр № 8, 1902];

учреждение (издатель документа): *Главное управление казачьихъ войскъ* [Циркуляр № 1, 1902]; *Военная Типографія* [Циркуляр № 3, 1902], *Главный Штабъ* [Циркуляр № 3, 1902], *Книжный и Географическій магазинъ Главнаго Штаба* [Циркуляр № 3, 1902];

адресат документа: *Начальнику Штаба Сибирскаго военного округа* [Циркуляр № 1, 1902], *Войсковой наказной Атаманъ* [Циркуляр № 3, 1902],

действие: *объявляю при семъ* [Циркуляр № 1, 1902], *минувшаго (=истекшего)* [Циркуляр № 1, 1902], *просить (распоряженія)* [Циркуляр № 1, 1902], *включались бы въ отчеты* [Циркуляр № 1, 1902], *временно исполняющій должность (вр. и. д.)* [Циркуляр № 3, 1902],

отсылка: *вышеупомянутыя свѣдѣнія* [Циркуляр № 1, 1902], *вслѣдствіе отзыва* [Циркуляр № 3, 1902], *дѣйствующаго положенія объ эмеритальной кассѣ* [Циркуляр № 3, 1902], *по прилагаемому образцу* [Циркуляр № 8, 1902],

Циркуляр четко подчеркивает такие особенности делового подъязыка, как безличность, официальность, стандартизованность. Кроме того, в документе прослеживается строгая иерархичная выстроенность официальных отношений в военных кругах русского казачества. Однако обращает на себя внимание отступление:

- использование неофициальных синонимов: вместо *приказъ* – *приказаніе: вслѣдствіе отзыва Военной Типографіи Главнаго Штаба отъ 16-го января сего года за № 727 и по приказанію Войсковаго Наказнаго Атамана...* [Циркуляр № 3, 1902]; вместо министерства – *ведомство: изъ эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства* [Циркуляр № 3, 1902]

- использование официальных синонимов: *циркуляръ* [Циркуляр № 3, 1902] – *циркулярное предписаніе* [Циркуляр № 3, 1902], *эмеритальная касса* [Циркуляр № 3, 1902] – *эмеритура* [Циркуляр № 3, 1902].

- контекстуальная антонимия: *высочайший приказ* (=приказ императора) [Циркуляр № 8, 1902] – *приказ по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ* [Циркуляр № 8, 1902].

Приведем наше видение соотношения военного и делового дискурса в XIX в. схеме 1.

Деловой дискурс как институциональный дискурс строится по определенному шаблону, но степень трафаретности различных типов и жанров этого дискурса различна [Сошникова 2009]. Хотя в реальной жизни прототипный порядок дискурса часто нарушается, в сфере циркуляров нарушения почти не наблюдаются, что говорит о сформированности делопроизводственной нормы в системе военного документооборота XX в.

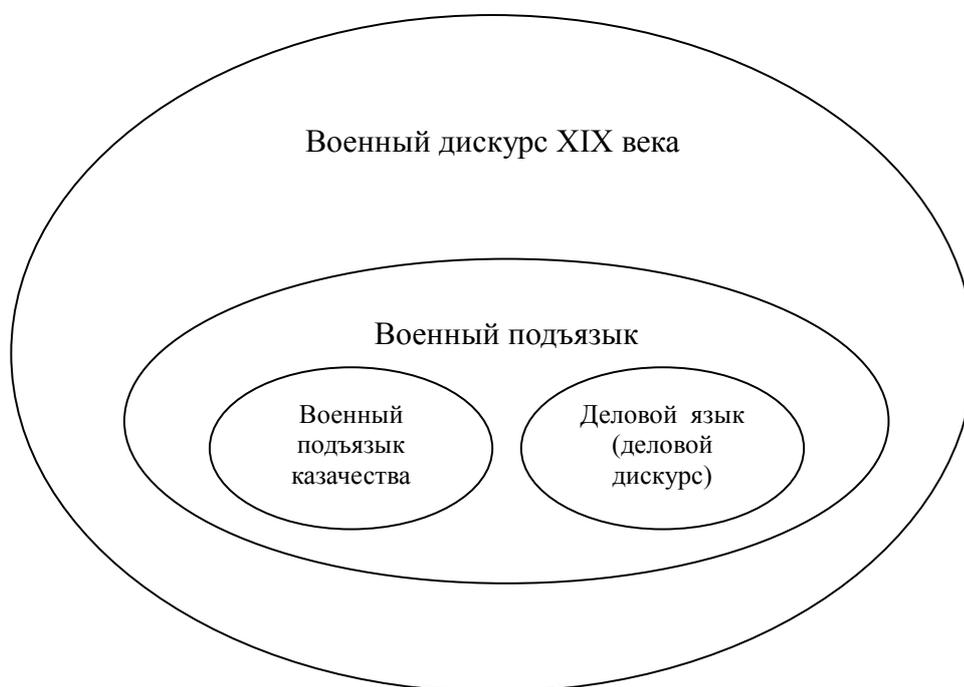

Рис. 2. Соотношение военного и делового подъязыков в дискурсе

1.6. РУССКИЙ ВОЕННЫЙ ДИСКУРС XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ С ПОЗИЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Источниковедческий подход к военному дискурсу XIX – начала XX века заставляет выделить определить те разновидности источников, которые могут быть использованы при анализе дискурса. К таким относятся источники официального и неофициального происхождения.

Эмпирическую базу для исследования русского военного дискурса предыдущих эпох – в частности, XIX в., составляют военно-служебные документы, военно-теоретические и военно-исторические произведения (мемуарная проза, дневники, хроники, «хронологии», исторические труды). Мемуарные произведе-

дения XIX в., повествующие о событиях военной истории XVIII в. представляют собой автобиографические хронологически выстроенные повествования, охватывающие события, в которых принимали участие авторы этих произведений.

Все указанные источники дифференцируются на:

источники официального происхождения – документы служебного (военного) делопроизводства: организационные (положения, инструкции, правила); распорядительные (приказы, распоряжения), справочно-информационные (переписка, отчеты, служебные записки, акты). Пример официальных источников военного дискурса: *Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку*. СПб. 1849; *Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска; Разная переписка наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска; Об отмѣнѣ наряда внутреннослужащихъ казаковъ в заграничную службу с лошадьми* и др.

Источники военного дискурса официального происхождения в свою очередь классифицируются на:

1) организационные документы войска – имеют организационно-устанавливающий характер, оговаривают структуру военного подразделения, особенности его создания и функционирования:

- *положеніе* – организационный документ, устанавливающий правила организации и функционирования военного подразделения: *Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ* [прим. 1] и *Тобольскомъ конномъ полку*; *Высочайше утверждено Положеніе о военной службѣ Донскаго казачьяго войска, достигшаго къ тому времени около 320000 душъ обоего пола* [1.3, с. 55].

- *расписание, штатъ* - расписание или таблица числа чинов военного ведомства (подразделения) с указанием полагающегося каждому чину казенного содержания: *Примѣрное росписаніе наряда людей, требующагося ежегодно отъ Тобольскаго Пѣшаго казачьяго баталіона* [Положение, содержание]; *Штатъ Тобольскаго коннаго полка* [Положение, содержание];

- *инструкція* – документ, устанавливающий обязанности и права военнослужащего определенной должности: *инструкція коннымъ командирамъ* [Русская армія въ вѣ къ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873 С. 5]);

- *наставленіе* – документ, носящий рекомендательный характер, предназначенный для лиц, занимающих высшие должности в армейской иерархии: *Наставленіе генераль-адъютанту и обязанности флигель адъютантовъ* [Русская армія въ вѣ къ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873 С. 5];

- *уставъ* – документ, регламентирующий деятельность вооруженных сил.

2) справочно-информационные документы –

а) фиксируют отчетную информацию, отражают фактические данные:

- *актъ* – «бумага, заключающей в себе постановление, решение, сделку, свидетельство, грамоту, документ, письмо» [словарь Даля];

- *арматуръ, арматурныя списки, арматурная тетрадь* – перечни предметов вооружения, обмундирования: *адъютантъ Шепелевъ (...) обязанъ самъ лично за своимъ подписомъ выдавать каждому уряднику и казаку арматурную тетрадку* [Разная переписка: 85]

- *ведомость* - ;

- *табель: Общая перечневая полковая табль* [Разная переписка: 83].

Сюда примыкают документы, относящиеся к финансовой деятельности военного подразделения: *расходъ (воинскимъ чинамъ); отчетъ; списки.*

б) отражают личный состав военного подразделения, задействованы в военно-учетной деятельности военного подразделения:

- *представленіе;*

- *формулярные списки: формулярные списки о нижнихъ чинахъ, подлежащихъ къ перечисленію за выслугу лѣтъ а) изъ строевыхъ на внутреннюю службу и б) увольненію отъ службы* [Дело канцелярии Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска: л. 15];

в) участвуют в деловой коммуникации внутри подразделений:

- *донесеніе;*

- *извещеніе;*

- *отношеніе;*

- *рапортъ: Командира 2 Казачьяго полка подполковника Баковскаго (...) рапорт* [Разная переписка: л. 93].

3) распорядительные документы – имеют организационно-распорядительную функцию:

приказъ по войску;

разрѣшеніе;

распоряженіе,

- *предписаніе* – распорядительное уведомление: *требуемая циркулярными предписаніями Вышего Высокоблагородія отъ 23 и 27 числа декабря 1848 года съ № 6313 и 6378^м свѣденія в комиссію не представлены по настоящее время* [Разная переписка: л. 93]

- *учрежденіе* – постановление, распоряжение: *Генеральное учрежденіе о сборѣ рекрутъ* [Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873 С. 5]);

Военно-дипломатические документы – являются средством заключения мирных соглашений между враждующими сторонами: *трактатъ; договоръ; декларация; конвенція; нота: несмотря на изъяснительную конвенцію* [История Нижегородскаго полка, с. 345]

Источники официального происхождения ранжируются по принципу объективности, наибольшей степенью объективности обладают источники, отно-

сящиеся к организационным и распорядительным. В деловой переписке присутствует элемент субъективности, что вызвано типом речи источника – чаще всего он относится к рассуждению.

источники неофициального происхождения – мемуарная проза, военно-исторические произведения, хроники и т. д. Примеры источников неофициального происхождения: *Иосиф Дебу. О кавказской линии; Исторія 22-го пѢ хотнаго нижегородскаго полка 1700-1800. СПб., 1900.*

Основными особенностями официальных источников являются:

- регламентированный и стандартизованный характер языка изложения, подчиненность определенной структуре;
- насыщенная информативность – статистическая, фактическая, хронологическая;
- многогранность фактического материала – характеризует различные стороны жизни военнослужащих;
- отражение этапов военной службы.

Основными особенностями неофициальных источников являются:

- свободный характер языка изложения, «непривязанная структура»;
- преобладание описательных компонентов высказывания – статистическая, фактическая, хронологическая;
- многогранность фактического материала – характеризует различные стороны жизни военнослужащих.

Военное делопроизводство дореволюционного Омска как официальный источник военного дискурса. Военное делопроизводство дореволюционного Омска представляет несомненный интерес как в историко-культурном, так и в лингвистическом плане. Делопроизводственные материалы старого Омска, хранящиеся в архивных учреждениях Омска и Омской области (например, в БУ ОО «Исторический архив Омской области»), являются богатым лингвистическим источником, который позволяет восстановить картину развития национального языка в отдельно взятом регионе.

Ввиду того, что Омск традиционно считался городом военным, военной крепостью с собственным гарнизоном, здесь существовала собственная культура документирования, отразившаяся во всем спектре сохранившихся до наших времен документов военного делопроизводства. В нем был представлен весь спектр жанров делового письма, включавшего документы как организационно-распорядительного характера (приказы, указания), так и информационно-справочного (отчеты, справки, деловая переписка, записки).

Особый интерес представляют отчетные материалы командования, относящиеся ко второй половине XIX в. и изданные в Омске в Типографии окружного штаба. Ряд таких документов хранятся в оцифрованном фонде редкой книги Омской областной государственной научной библиотеки им. А. С. Пушкина.

Во второй половине XIX в. Сибирское казачье войско представляло собой организованную военную структуру с собственным командованием, военными подразделениями, включавшими не только военные части, но и вспомогательные структуры, и занимавшими собственную территорию, которая простиралась от границ Оренбургского казачьего войска до Омска (*Ишимская линия*), в южном направлении – вдоль Иртыша до границ с Китаем. Территория Сибирского казачьего войска насчитывала «4.995,233 дес. земли или 48.058 квадратных верст». В документах говорится, что в 70-е гг. XIX в. Сибирское казачье войско занимало территории двух областей (Акмолинской и Семипалатинской и часть Томской губернии), на что указывают часто упоминаемые в исторических источниках топонимы, а также названия казачьих линий (*Бийская казачья линия*) и казачьих военных единиц.

Многочисленны справочные источники истории и культуры сибирского казачества. Среди них можно назвать «Всеподданѣйшій (прим. 2) отчет о состояніи Сибирскаго казачьяго войска. За 1878 годъ» и справочный источник «Сибирское казачье войско. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ за 1876 годъ». Отчет содержит сведения о населении, военном составе, земле, войсковом и станичном хозяйстве, образовании, народном здравии, состоянии частного хозяйства, промышленности и торговли; он представлен в ОГОНБ им. А. С. Пушкина в оцифрованном виде, включает 104 страницы печатного гражданским шрифтом текста. Датируется 14-м июня 1879 г. Список имеет в основном справочно-описательный характер, подробно представляя географическое размещение подразделений Сибирского казачьего войска в 1870-е гг.

Военная документация Сибирского региона становится источником как русского военного, так и русского делового дискурса XIX в. Деловой дискурс, переключаясь с дискурсом военным, представлен в языке документов регионального «письмоводства». Региональное делопроизводство фиксирует следующие особенности военного дискурса (черты дискурса приводим по В. С. Григорьевой (2)):

интенциональность (направленность высказывания на достижение определенной цели);

целостность (непрерывная смысловая связанность его компонентов, которая складывается из некоторых содержательно-структурных компонентов, опознаваемых в результате восприятия дискурсивного события как комплекса);

связность (дискурсивная континуальность, обусловлена специфическими закономерностями, правилами, которые лежат в основе формирования комплексных коммуникативных единиц языка);

хронотопность (репрезентации и восприятию пространственных и темпоральных отношений);

информативность (поскольку обмен информацией является одним из непременных условий осуществления коммуникативного акта);

процессуальность;
интертекстуальность.

Особый интерес представляет хронотопность дискурса в его «региональном» выражении. Локальная закреплённость источников заключается в постоянной привязанности к географическим объектам: это указание на место квартирования, расположения войска, на диспозицию во время сражения, на расположение штаб-квартиры города Омска. Сама «раскинутость» Сибирского казачьего войска заставляет авторов документа постоянно ссылаться на географические названия: так, каждое письмо сопровождается указанием места создания (станция, город, крепость): «крѢп. Омская», г. Омскъ», «Г. Петропавловскъ» либо просто «в БійскѢ».

Документы формируют коммуникационные потоки, действовавшие в составе военного дискурса. Их направленность фиксируется в рамках информации об адресатах и адресантов писем, в отсылках к источникам распорядительных документов.

В спектре военных документов Сибирского казачьего войска представлен широкий круг документов, некоторые из них являются спецификой военнodelового дискурса XIX в., к таким относится ряд распорядительных документов (циркуляръ, наставленіе, предписание), документы по личному составу (штатъ, расписаніе (чинамъ)).

Тематика деловых документов свидетельствует о деятельности по внутреннему управлению казачьим войском: учет, контроль требовали создания документов списочного характера, военно-учетных документов, которые разграничивались по понятийным областям военного дискурса: экономика войска (ведомость, табель, статейные списки, формулярные списки, шнуровые книги), мобилизация и оснащение войска (арматурные списки, перепись, расписание (чинамъ)).

Таким образом, будучи историко-культурным источником жизни и деятельности русского казачества, военное делопроизводство Сибирского казачьего войска является и богатым лингвистическим источником военного дискурса XIX в.

Неофициальные источники русского военного дискурса. К неофициальным лингвистическим источникам военного дискурса в XIX веке относились разного рода очерки и военно-исторические повествования, в частности, «Историческій очеркъ образованія и развитія Сибирскаго кадетскаго корпуса (1826-1876)» (1).

Очерк был достаточно распространенным военно-повествовательным жанром XIX века. Построенный, как правило, по хронологическому принципу, очерк представлял собой полное событийно насыщенное, информативное описание жизнедеятельности того или иного подразделения армейских сил Российской империи. Помимо информирования читателя о тенденциях развития воен-

ного искусства и военного быта в той или иной воинской части (подразделении, учреждении), авторы очерков ставили задачей объективную оценку всех сторон жизнедеятельности войска; их скрупулезный анализ затрагивал как позитивные, так и негативные стороны армии. Очерковый характер зачастую носили близкие к очерку повествования таких жанров, как обозрение (обзор), истории, «записки», хроники, «описания» и т. п.

Очерки играют важную роль в формировании языкового мировоззрения военнослужащего и словесной репрезентации военной языковой картины мира. Являясь частью военно-языкового континуума, очерк как жанр содержит языковые единицы-репрезентанты военной понятийной сферы и концептуальные единицы – концепты-части сознания военнослужащих.

Указанный выше «Исторический очерк...» посвящен истории формирования и развития одного из крупнейших военно-учебных заведений Сибири – Сибирского казачьего военного училища – Сибирского кадетского корпуса.

На концептуальном уровне очерк включает ключевые концепты военной концептосферы XIX века, такие, как ‘оснащение’, ‘обучение’ и другие.

Концепт ‘оснащение’ представлен, в частности, субконцептом ‘материальное снабжение’ и лексемами-репрезентантами *жалованье, довольствие, деньги, средства, суммы*.

Ввиду того, что в указанном источнике большое место занимает описание образовательного процесса, в документе широко представлен концепт ‘обучение’:

- субконцепт ‘дисциплины’ – наименования учебных предметов слушателей:

*Такъ какъ для заведенія не существовало лагеря, а загородный отпускъ воспитанниковъ, судя по средствамъ ихъ родителей, соединялся с большими затрудненіями, то въ каникулярное время всѣ вообще воспитанники занимались **фронтомъ**, а старшій классъ, кромѣ того, **практической съемкой, фехтованіемъ и верховой Ыздой**. Но особенно были развиты въ училищѣ занятія **рисованіемъ и черченіемъ** [Исторический очерк кадетского корпуса: 15].*

- субконцепт ‘субъект обучения’ – лицо, организующее процесс обучения и воспитания (*приватный учитель, смотритель*):

*Въ концѣ же описываемаго нами періода получилась возможность имѣть одного **приватнаго учителя** изъ университетскихъ студентовъ [Исторический очерк кадетского корпуса: 14].*

*Начальство заведенія обязывалось имѣть **преподавателей** высшей математики и литературы, а также берейтора и фехтмейстера съ содержаніемъ*

ихъ на счетъ училищной экономической суммы [Исторический очерк кадетского корпуса: 28].

- субконцепт 'объект обучения' – обучаемые лица: *воспитанникъ, интерны, полупансионеры*:

Вскорѣ за этимъ воспитанники раздѣлены были на двѣ сотни, изъ которыхъ одну составляли интерны, а другую – полупансионеры, жившіе по квартирамъ въ городѣ [Исторический очерк кадетского корпуса: 12].

- субконцепт 'место обучения': *Слабейшею стороною училищнаго курса были французскій и нѣмецкій языки, учителя которыхъ, какъ иноземцы, почти вовсе не умѣли говорить по русски* [Исторический очерк кадетского корпуса: 14].

- субконцепт 'образовательные понятия': *войсковое образование*.

В экстралингвистическом плане очерк многообразно структурирован, в нем отражен спектр авторских замыслов и интенций, в том числе цель показать позитивное в периоды руководства каждого начальника училища. Позитивно сформированный контекст насыщен положительно окрашенными лексемами, оборотами. Эта черта характерна для многих дискурсивных источников неофициального характера:

Начальствованіе Броневскаго было благотворно для училища и мы обязаны отдать долгъ справедливаго уваженія и его свѣтлому уму и его заботливости о войсковомъ образованіи [Исторический очерк кадетского корпуса: 10].

Концептуальная составляющая текста отличается интеграцией контекстуальных признаков в разных концептах.

Концептуальный признак 'статусность' (указание на должность-статус военного) обнаруживается в:

(1) концепте 'обучение' (субконцепт 'субъект обучения': *воспитанникъ, приватный учитель*):

Внутренняя жизнь воспитанниковъ и ихъ отношенія другъ къ другу и къ постороннимъ лицамъ имѣли характеръ патріархальный, внесенный дѣтьми въ училище изъ своихъ семей [Исторический очерк кадетского корпуса: 21].

Въ концѣ же описываемаго нами періода получилась возможность имѣть одного приватнаго учителя изъ университетскихъ студентовъ [Исторический очерк кадетского корпуса: 14].

(2) концепте 'медицинское обслуживание' (субконцепт 'место лечения'):

Между тѣмъ въ Сибирское казачье войско назначень былъ первый ветеринарный врачъ); это назначеніе, ввиду того, что для войска приготовлялись фельдшера при Омскомъ военномъ госпиталѣ, подало Броневскому мысль тео-

ретиически знакомить воспитанниковъ училища, какъ будущихъ кавалеристовъ, съ физиологіей и патологіей лошади и укрѣплять полученныя свѣдѣнія лѣтними практическими занятіями. [Исторический очерк кадетского корпуса: 12].

Подобное можно отметить и в отношении концептуального признака ‘место’ = ‘помещение’: *училище, гимназія* (концепт ‘обучение’) и *Омскій военный госпиталь, лазаретъ* (концепт ‘обучение’).

В очерке обнаруживаются разного рода парадигматические отношения:

1. Синонимия, в том числе контекстуальная:

Кромѣ этого врача, заведеніе имѣло еще одного фельдшера изъ числа служившихъ въ мѣстномъ военномъ госпиталѣ, который неотлучно состоялъ при небольшомъ аптечномъ складѣ училища, замѣнявшемъ собою и лазаретъ для легко больныхъ воспитанниковъ [Исторический очерк кадетского корпуса: 29].

2. Антонимия: *комплектъ – некомплектъ военнослужащихъ, экстерны – интерны:*

Первыми сотенными командирами въ училище были: при интернахъ – состоявшій уже въ заведеніи конно-артиллерійской бригады прапорщикъ Потанинъ, а при экстернахъ – прапорщикъ той же бригады Марковъ [Исторический очерк кадетского корпуса: 12]).

Таким образом, будучи важным военно-повествовательным жанром, очерк является лингвистически ценным источником. Языковой материал, зафиксированный в «Историческом очерке образования и развития Сибирского кадетского корпуса», дает возможность глубже изучить специфику функционирования военного подъязыка в XIX веке.

Источники русского военного дискурса XIX – начала XX веков и проблема регионализации. Распространенность русского военного подъязыка и русского институционального военного дискурса на территории всей Российской Империи ставит вопрос о регионализации военно-дискурсивных явлений. Его решение позволяет установить существование периферийных модификаций дискурса и дискурсивных особенностей военного подъязыка на периферии.

Региональная специфика терминологических номинаций обнаруживается в историко-лингвистических источниках двух типов: с одной стороны, тех из них, которые созданы на отдельных территориях Российской Империи, в местах дислокации казачьих военных соединений XIX – начала XX веков, с другой стороны, региональные «военные» номинации фиксируются в справочных источниках, опубликованных Генеральным штабом Российской армии.

Таким образом, первый аспект регионализации военного дискурса – отбор того материала, который может служить свидетельством развития военного подязыка на определенной территории. Второй аспект – выработка методологии анализа таких языковых единиц. Эта методология должна, по нашему мнению, включать как сам принцип отбора языковых единиц, имеющих региональную специфику, так и критерии этого анализа.

Мы обратились к тем источникам, которые чрезвычайно информативны с позиции лингвистической информативности и содержательности, включают большое количество регионально закрепленных лексем и сочетаний. Наше исследование касается локальных аспектов развития дискурса, в частности, ряд лингвистических фактов динамики военного дискурса обнаружены при изучении материалов Сибирского казачьего войска.

В процессе исследования региональных особенностей дискурса мы обратились к материалу о казачьих подразделениях, находившихся на территории Сибири и Дальнего Востока.

Особо стоит отметить историко-культурную и лингвистическую ценность «трилогии» справочных книжек, составленных в Императорской Главной квартире под редакцией В. К. Шенк. Эти издания, появившиеся в 1900-х гг., представляют собой не только хронологически и фактически выверенные источники по истории дислоцированных на разных территориях Российской Империи военных соединений, но и являются объективным свидетельством развития военной терминологической системы, в частности такой ее составляющей, как словообразовательная. В частности, в книге *«Инженерныя и желѣзнодорожныя войска»* имеются данные о военных подразделениях, имевших место на дальневосточных территориях российского государства. В. К. Шенк подробно, в деталях рассказывает о формировании военной части и дает сведения, имеющие ономаσιологический характер.

Пример.

(1) *1897 г. Октября 9. Сформирована на Дальнемъ Востокѣ Минная рота по штату крѣпостныхъ минныхъ ротъ. 1897 г. Октября 30. Названа Амурской Минной ротой.* [3, с. 84]. (2) *1904 г. Июля 15. Учреждена Владивостокская Военно-голубиная станція 1 разряда* [Инженерные и железнодорожные войска 1909: 84].

Локальная закрепленность военной части отражена в ее названии. Особую роль на Дальнем Востоке играли железнодорожные батальоны, о которых В. К. Шенк говорит отдельно:

1903 г. Июня 24. Къ составу 1-го Уссурійскаго Желѣзнодорожнаго баталіона добавлено еще 2 роты (7-я и 8-я) и затѣмъ 4 роты выдѣлены на сформированіе 2-го Уссурійскаго Желѣзнодорожнаго баталіона.

1903 г. Июня 25. Сформировано 4 Заамурских Железнодорожных баталіона, при чемъ для этого назначено по одной ротѣ: для 1-го отъ 4-го Железнодорожнаго баталіона, для 3-го отъ 2 и 3 баталіоновъ, для 4-го отъ 1-й и 2-й Закаспійскихъ и для 2-го чины Уссурійской железнодородной бригады. [Инженерные и железнодорожные войска 1909: 105].

Методология определения локальных (периферийных) особенностей военного дискурса предполагает разделение языковых черт, обусловленных территориальным признаком (локальные, региональные черты) и нейтральных (универсальных), не связанных с территориально закрепленным военным подъязыком.

1. *Нейтральные особенности военного дискурса, не связанные с территориальным признаком.* К числу таковых можно отнести большинство институциональных признаков дискурса: круг коммуникантов, цели, стратегии и тактики взаимодействия. В языковом отношении обнаруживается немало общеязыковых особенностей на лексическом уровне: наличие терминологической лексики, словесных оппозиций, специфичных метафор; на деривационном уровне – наличие аналогичных способов образования новых лексем. Представим в сравнительном виде некоторые универсальные особенности русского военного дискурса при сравнении военно-дискурсивного пространства разных казачьих войск.

Таблица 3

**Универсальные особенности русского военного дискурса
начала XIX – начала XX веков**

Территориально закрепленные дискурсивные образования	Сибирское казачье войско	Другие войсковые соединения
Лексический подуровень: наличие лексических оппозиций	<i>Полевой – внутреннослужащій, внутренній; военный – гражданскій, земскій, станичный; внутреннослужащій – неслужилый разрядъ, регулярный – нерегулярный, иррегулярный [Всеподданнейший отчет 1879]</i>	<i>Чума, безпрестанно возобновлявшаяся на Линіи, служила поводомъ к многочисленнымъ разногласіямъ, между главными начальниками военной и гражданской части [Положение 1849: 176]</i>

Территориально закрепленные дискурсивные образования	Сибирское казачье войско	Другие войсковые соединения
Деривационный подуровень: наличие составных номинаций	<i>Сибирская пограничная линия</i> [Сибирское казачье войско 1877: LI], <i>Колывано-Кузнецкая линия</i> [Сибирское казачье войско 1877: LII].	<i>Въ 1869 г. учреждено было въ Новочеркаскъ урядничье училище</i> [Историко-статистический очерк 1890: 241]. <i>Въ 1871 году это училище переименовали въ юнкерское училище</i> [Историко-статистический очерк 1890: 241].
Лексический подуровень: парадигматические отношения синонимии	<i>Военные повинности – военно-служебныя обязанности, войсковой капиталъ – войсковые средства, военный составъ – строевой составъ, военный – войско-вой (об учебных заведениях)</i> [Всепопданнейший отчет 1879]	<i>Полевой – действительный (о службе), военный – служебный – военно-служебный (о повинности)</i>
Морфологический подуровень: изменение лексического и грамматического значения частей речи	Прилагательные (причастия) → существительные: <i>внутреннослужащихъ</i> = сущ. [Всепопданнейший отчет 1879: 17]	<i>Главнокомандующіе оставались въ Константинополь</i> [Крымская экспедиция 1855: 15]
Синтаксический подуровень: наличие дискурсивных формул военного подчинения	<i>По распоряжению Командующаго войсками Туркестанскаго Округа</i> [Всепопданнейший отчет 1879: 18]	<i>Французская армія находилась подъ начальствомъ Генерала Канробера; английскою арміею предводительствовала Генераль-Лейтенантъ Браунъ</i> [Крымская экспедиция 1855: 15]

Материал таблицы доказывает регулярность производимости основных универсальных черт дискурса на разных территориях Российской Империи в разных точках дислокации войск.

2. Территориально маркированные особенности военного дискурса.

Территориально маркированными особенностями дискурса можно считать факторы экстралингвистического фона (этнокультурные факторы дискурса, психоэмоциональные и ментальные особенности военнослужащих-представителей различных национальностей, живущих на разных территориях распространения вооруженных сил), факторы внутриязыкового пространства дискурса (наименования-экзотизмы, диалектизмы, присущие отдельным территориям, наименования специфических реалий и понятий).

Выразительную функцию специфической особенности русского военного дискурса выполняют военные топонимы. Территориально закрепленный дискурс обладает собственными, регулярно воспроизводимыми топонимами.

Топоним – сложный и многоаспектный термин. В традиционном понимании это номинация (идентификатор) географического объекта. В сфере исторического источниковедения наряду с важнейшими вопросами о склонении, функционировании топонима в языковой среде встает вопрос о прагматической стороне подобных номинаций, их роли в структуре документа. Среди особенностей этой языковой единицы: четкость, однозначность семантики, стилистическая маркированность, определенность морфологической характеристики и др. Можно сказать, что топоним выполняет не только важную локализованную языковую коммуникативную функцию, но и функцию прагматическую, так как участвует в речевом акте военной коммуникации. Топоним имеет и семиотическую основу, выполняет роль знака-символа, регулярно производимого в соответствии с функцией общения.

Ведущая роль топонима – указание на дислокацию вооруженных сил. Топоним определяет хронотопный аспект дискурсивности, характеризует пространственные рамки того, о чем говорит автор документа. Топоним выполняет важнейшие фактологическую и историко-культурную функции: с одной стороны, он свидетельствует о том, где происходит то или иное событие, с другой, идентифицировав топоним, можем дать историко-культурную оценку масштабам происходящего.

В тексте деловых документов Сибирского казачьего войска [10] встречаются топонимы, называющие поселения военнослужащих (город, крепость, слобода, поселок, станица):

Крепость Омская от Железинской крепости 202 версты. Сия крепость середина как Иртышской так и новой линиям тож и из земли игородов Тары и Тобольска чрез абацк по новопроложенной дороге на реке у Иртыш к Чернолуцкой слободе ещеж и от Такмыцкой слободы вверх по Иртышу и всья дороги... [Разная переписка..., ф. 235. оп. 1. д. 1, л. 18].

Топоним с позиции деривационной употребляется в двух основных разновидностях: как собственно топоним и как так называемое оттопонимное образование (в составе официальных названий – например, *Иртышская линия*, *Бійская линия*).

Интерес представляет указание в документе на место издания – «город Омск». В указании наблюдаются некоторые лексические и графические «колебания», которые проявились в вариантах написания топонима *Омск*. Топоним «Омск» реализуется в нескольких лексических модификациях:

1. как имя существительное (*городъ Омскъ*);

2. имя прилагательное (*крѣпость Омская*). В обоих случаях видовое наименование (имя собственное) сопровождается родовым наименованием либо «город» (сокращается до «г.»), либо «*крѣпость*» (сокращается до «креп.»/«кр.»/«крѣ»).

№ 1ⁱⁱ

Декабря 20 Дня

1848 Года

Г. Омскъ

[Разная переписка..., ф. 235, оп. 1., д. 1, л. 5]

№ 29

Февраля 12 дня

1849 года

Крѣпость Омская

[Разная переписка..., ф. 235, оп. 1., д. 1, л. 85]

№ 19ⁱⁱ

Января 27го дня

1848 года

Крѣп. Омская

[Разная переписка..., ф. 235, оп. 1., д. 1, л. 64]

№ 25ⁱⁱ

Февраля 5го дня

1849 года

Кр. омская

[Разная переписка..., ф. 235, оп. 1., д. 1, л. 80]

Реже название города фиксируется без родового наименования:

№ 1424

8 Марта 1849 г.

Омскъ

[Разная переписка..., ф. 235, оп. 1., д. 1, л. 106]

№ 4126

8 Августа 1849 года

Омскъ

[Разная переписка..., ф. 235, оп. 1., д. 1, л. 183]

Топонимы, имея важную функциональную нагрузку в структуре военного делопроизводства, являются важной прагматилистической составляющей лингвистического компонента русского военного дискурса в его диахронических модификациях.

Рассмотрим *территориально маркированные особенности дискурса* на примере военно-дискурсивного пространства Амурского казачьего войска.

Амурское казачье войско возникло по мысли генерала-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского в середине XIX века. Войско было призвано составлять новое «заселение» на юго-восточной границе Российской империи, поддерживать сообщение по Амуру и Уссури; охранять границы; нести военную службу в пределах Амурской и Приморской областей; поддерживать почтовое сообщение; заготавливать нужные материалы для войсковых помещений; нести внутренние повинности, связанные с оседлостью.

Амурское казачье войско имело в те времена не только важнейшее военно-стратегическое значение (определение границ Российской империи, урегулирование дипломатических отношений с китайцами и японцами), но и социально-экономическое, явившись средством развития приамурского края. Подтверждением этому являются слова Н. Н. Муравьева-Амурского, который считал военное присутствие России на Дальнем Востоке и военную службу казаков «важным делом», «съ которымъ тѣсно связана будущность и благосостояніе края, возвращенного Россіи» [Военная энциклопедия Сытина: т. 2, с. 410].

Остановимся на *территориально маркированных особенностях*, репрезентированных в военном дискурсе этой территории.

1) В рамки военного подъязыка в этот период активно вписались *территориально закрепленные номинации*, в частности специфические для данной территории названия военных подразделений и территорий: *1856 г. Ноября 1. Рѣшено было высѣлить на Амурскую линію отъ Забайкальскаго войска два конныхъ полка и четыре баталіона, но на самомъ дѣлѣ, до 1860 года, были пересѣлены лишь казачьи сотни: Кумарская, Нижнее-Благовѣщенская, Буреинская, Константиновская, Поярковская и двѣ пѣшихъ, изъ всѣхъ этихъ частей образована Амурская казачья бригада* [Казачьи войска 1912: 311]. Подобные сочетания являются отражением реалий региональной военной картины мира, однако, они достаточно они в однородном виде воспроизводятся в периферийных разновидностях военного дискурса XIX века на всей территории Российской Империи (ср. *Сибирское казачье войско, Астраханское казачье войско*).

2) Регионализация дискурса приводит к тому, что локально обусловленные номинации участвуют в *экстралингвистических и собственно лингвистических механизмах формирования высказывания*. Так, последнее приведенное в пример предложение говорит о таких внеязыковых фактах военной реальности XIX века, как интеграция периферийных военных структур (Забайкальского и Уссурийского казачьих войск), их укрупнение (бригада – войско), взаимодейст-

вие войска и гражданского населения, о социальной роли локально сосредоточенных войсковых частей:

До 1899 года. – Амурские и Уссурийские казаки по наряду содержали сообщения по рѣкамъ Амуру и Уссуріи, охраняли границу, отправляли почтовую и полицейскую службу въ предѣлахъ своихъ областей и поставляли на казенную надобность лошадей, дрова, жилище и прочее [Казачьи войска 1912: 323].

Большую роль в смысловой организации военного дискурса играет иерархичность военной системы, ее структурная обусловленность, зависимость одного ее элемента от другого, а именно подчинение одной войсковой единицы – другой, либо другому лицу (этот признак характерен и для военного дискурса на современном этапе):

Амурское войско подчиняется военнымъ губернаторамъ Амурской (2 конный полкъ и Амурскій баталіонъ) и Приморской (Уссурийскій) баталіонъ) областей [Военная энциклопедия Сытина: с. 410]

3) Лексический состав военного дискурса динамичен, подвержен изменениям под влиянием социальных изменений, что прослеживаются в смене языковой интерпретации названия:

1881. Января 6. 1-я и 2-я Уссурийские казачьи конные сотни отчислены из Амурскаго казачьяго войска и обращены в регулярныя. Примечание: Нынѣ Приморскій драгунскій полкъ [Казачьи войска 1912: 312].

3а) Названия подразделений свидетельствуют о:

- присутствию разных видов несения службы, в том числе на воде:

1902 г. Ноября 28. Утверждено положеніе объ Амурско-Уссурийской казачьей флотиліи [Казачьи войска 1912: 312];

- о территориальных особенностях несения военной службы – в частности, борьбе с китайцами, японцами:

1903 г. Февраля 19. Пожалованы: простое знамя – Амурскому казачьему войску; знаки отличія на головные уборы «За отличіе противъ китайцевъ въ 1900 году – 1-й сотне Амурскаго казачьяго дивизіона» [Казачьи войска 1912: 313].

3б) **Топонимические названия** участвуют в реализации основных стадий жизнедеятельности войска, в частности, формирования войска (бригада – войско), его структуризации как военной системы: *Наибольше населенные пункты: Владивостокъ и Хабаровскъ – центръ генераль-губернаторства и управленія Приамурскаго Военнаго округа [Энциклопедия Сытина: т. 8, с. 61].*

3в) Локальное несение военной службы сопровождается узуально закрепленными значениями лексем военного подъязыка, значениями, сегодня признаваемыми архаичными: *боксеръ* – участник повстанческого движения в Китае в 1900 г. против иностранцев: *Въ 1900 году. – Оба войска въ полномъ составѣ участвовали въ походѣ въ Китай противъ боксеровъ [Казачьи войска 1912: 323].*

В военно-дискурсивном пространстве Амурского казачьего войска немало *особенностей, индифферентных к территориальному признаку*.

В среде лексики того периода много общеязыковых черт русского языка XIX века:

(1) *Наличие большого числа составных номинаций*. Среди лексических единиц немало терминологических наименований, построенных по схеме «адъективный компонент (территория) + адъективный компонент (род войск) + субстантивный компонент (шеф войска) + субстантивный компонент (название войсковой единицы)»: *Амурскій казачій Генераль-Адъютанта Графа Муравьева-Амурскаго полкъ* [Казачьи войска 1912: 315].

Семантика квантитавности (количественности) в номинации военных подразделений – проявляется в нумерации военных единиц:

После упорнаго стрѣлковаго боя въ теченіе цѣлаго дня отрядъ Волжина отошелъ къ Дапиндушану, откуда 12 іюля 5-я сотня амурцевъ была отправлена въ Хуанженянь на соединеніе съ 6-й сотней [Военная энциклопедия Сытина: т. 2, с. 408].

Дифференциации подразделений по количественному признаку – была изначально заложена в концептосфере военных номинаций. Данный признак эксплицитно или имплицитно выражен в семантической группе названий военных подразделений. Эксплицитное выражение значения – сотня (= сто); имплицитное выражение – дивизионъ, баталіонъ, но: полубаталіонъ:

1879 г. Ноября 3. На основаніи новаго устава о воинской повинности Амурскаго казачьяго войска [Уссурійскій казачій пѣшій] баталіонъ переформированъ въ – Уссурійскій казачій пѣшій полубаталіонъ [Казачьи войска 1912: 319].

5 ноября полусотня 5-й сотни, находясь в сторожевом охраненіи у Дапиндушана, была отрѣзана пѣхотнымъ отрядомъ противника въ количествѣ 2-3 ротъ [Военная энциклопедия Сытина: т. 2, с. 408].

Количественные данные содержатся в статистических сведениях: *Несмотря на такія неблагопріятныя условія, въ 1857 году на Амурѣ все же прочно основалось 17 казачьихъ поселковъ, въ которыхъ размѣстились 3 конныя сотни* [Военная энциклопедия Сытина: т. 2, с. 410]. *[Переселенные семьи] образовали вдоль Амура 67 станицъ и на Уссури – 29 станиц* [Военная энциклопедия Сытина: т. 2, с. 410].

(2) Одно из явлений организации лексических средств дискурса – *наличие оппозиций*. «Оппозиция – одно из основных понятий структурно-функциональной лингвистика, в которой язык трактуется как система взаимно противопоставленных элементов. Оппозиция чаще всего определяется как лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания и наоборот» [Приходько 2011: 129].

Названия военных подразделений являются примером бинарной оппозиции номинаций военного дела в XIX веке:

конный – пеший:

1860 г. Июня 1. Утверждено положеніе объ Амурскомъ казачьемъ войскѣ въ составѣ: конныхъ полковъ № 1-й и № 2-й, **пѣшихъ** баталіоновъ: Амурскаго и Уссурійскаго и двухъ **пѣшихъ** резервныхъ баталіоновъ тѣхъ же наименованій [Казачьи войска 1912: 311].

1869 г. Мая 26. Сформирована изъ охотниковъ Забайкальскаго и Амурскаго казачьихъ войскъ и нижнихъ чиновъ Восточно-Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ Уссурійская казачья **конная** сотня, прикомандированная къ Амурскому казачьему войску.

действующий – резервный:

Округа формируютъ: полковые – два 4-сотенныхъ конныхъ полка (1-й и 2-й Амурскіе) и баталіонные - 2 Пѣшихъ 5-ротныхъ баталіона **дѣйствующихъ** (Амурскій и Уссурійскій) и два баталіона **резервныхъ** (только въ военное время) [Военная энциклопедия Сытина: т. 2, с. 410].

военный – гражданскій:

Амурское войско подчиняется **военнымъ** губернаторамъ Амурской (2 конный полкъ и Амурскій баталіонъ) и Приморской (Уссурійскій) баталіонъ) областей, пользующимся: по **гражданской** части – правами **гражданскихъ** губернаторовъ, а по **военной** – правами начальниковъ дивизій [Военная энциклопедия Сытина: т. 2, с. 410]

строевой – нестроевой:

Въ 1876 г. изъ наряда въ 588 человекъ для военныхъ цѣлей предназначалось только 240 **строевыхъ** и 48 **нестроевыхъ** казаковъ... [Военная энциклопедия Сытина: т. 2, с. 411]

Анализ лексического состава военного дискурса в региональном аспекте помогает раскрыть специфику развития специального языка на периферии, выявить его общие и частные особенности, проследить зависимость развития военного лексикона от условий, времени, места несения службы на отдельных территориях Российской империи.

ГЛАВА 2. ВОЕННЫЙ ДИСКУРС XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

2.1. К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СФЕРЕ ДИСКУРСИВНОСТИ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Одним из динамических языковых процессов в среде дискурса является процесс дискурсивной интерференции, который в последнее время приобретает все большее внимание ученых-лингвистов [Шевченко 2007].

Интерференция – процесс языкового взаимодействия различных типов дискурса. Как пишет В. Д. Шевченко, «интерференция дискурсов представляет собой наложение элементов одного дискурса (включенного) на другой (принимающий), в результате чего происходит их взаимовлияние и взаимодействие; при интерференции происходит вхождение в виде фрагмента в принимающий дискурс наряду с текстом нового социокультурного контекста, который включает в себя новых участников коммуникации, их характеристики, а также процессы и обстоятельства производства такого рода включений» [Шевченко 2007: 114].

Отметим, что такие взаимодействия обусловлены цепью надязыковых факторов: процессами интеграции социальных институтов, в частности, например, военного и политического (военно-территориальное деление), военного и учебного (военно-учебные заведения), военного и экономического (существование такой сферы, как экономика войска, тенденция к капитализации периферийных войсковых соединений, развитие бюджетных отношений в войске), военного и делового (в связи с развитием структуры и порядка военного делопроизводства и военного документооборота), военного и медицинского (военно-медицинская служба).

Интерференция дискурсов выражается на каждом структурном уровне языковой системы, но особенно на лексико-семантическом и концептуальном уровнях. Это сказалось на (1) развитии общей системы средств выражения, имеющих а) одинаковые / близкие семы; б) входящих в концептуальные области взаимодействующих дискурсов; (2) развитии общей системы коммуникации и коммуникантов, являющихся субъектными центрами разных типов институционального дискурса, не обязательно военного. Так, к «военной» системе коммуникантов можно отнести обучающихся военной службе (*юнкерь*), но обучающихся скорее отнесем к учебному дискурсу (*преподаватель, инспектор*).

Методология оценки дискурсивного взаимодействия должна, на наш взгляд, включать несколько этапов.

1. Оценка общего характера дискурсивной интерференции: анализ количества членов дискурсивного взаимодействия, их типологическая характеристика.
2. Характеристика дискурсивного пространства интерференции дискурсов: характера коммуникации, специфики коммуникантов и их языковых ролей.

3. Оценка семантического пространства речевого взаимодействия дискурса: анализ лексико-семантического состава языкового взаимодействия.

4. Оценка формального взаимодействия: присутствие словообразовательных средств того или иного дискурса.

Имеются случаи двухчленной и трехчленной системы дискурсивной интерференции, что подтверждается системой официальных источников военного дискурса. Примером двухчленного взаимодействия может служить, например, взаимодействие военного и делового дискурса (в сфере военного делопроизводства), трехчленного взаимодействия (в сфере соприкосновения военного, учебного и делового дискурса – т. к. в XIX веке происходит развитие системы *делопроизводства военно-учебных заведений*). Однако, военный дискурс – открытая и разветвленная структура, в рамках которой происходит интеграция различных типов институционального дискурса.

Интерференция дискурсов по семантическому и формальному объему может быть двухчленной и многочленной.

Двухчленная интерференция военного дискурса фиксируется, к примеру при взаимодействии военного и делового дискурса.

1. Интерференция военного и делового дискурса в контексте ‘военные действия’.

Взаимодействие военного и делового дискурса в контексте ‘военные действия’ происходит в рамках жанров военной-деловой коммуникации (военно-полевых документов): отзыва, рапорта, донесения, отношения: *Отзыв начальника полевого штаба начальнику штаба рушукского отряда отъ 19 июля* [Ловча 1881: 203]; *Рапорт начальника 16-й пБ хотной дивизии, генераль-лейтенанта Померанцева, командиру 4-го армейского корпуса. 19-го августа 1877 года. № 2 797. С. Пелишатъ* [Ловча 1881: 205]; *Приказъ № 11-й по войскамъ отряда генераль-маіора Скобелева, 18-го августа 1877 года. Бивакъ на шоссе изъ Ловчи въ Сельви* [Ловча 1881: 218].

Самоназвание документа состоит из нескольких элементов:

(1) название вида документа.

(1а) номер документа.

(2) название адресанта документа.

(3) адресат документа.

(4) дата документа.

(5) место издания документа.

⁽¹⁾ *Приказъ* ^(1а) *№ 11-й* ⁽³⁾ *по войскамъ отряда* ⁽²⁾ *генераль-маіора Скобелева,* ⁽⁴⁾ *18-го августа 1877 года.* ⁽⁵⁾ *Бивакъ на шоссе изъ Ловчи въ Сельви* [Ловча 1881: 218]. Как видно из самоназвания приказа, элемент (3) имеет незакрепленный характер в отличие от (1, 2, 4, 5), которые имеют закрепленное место.

Прагмастилистическую структуру документа рассмотрим по частям.

(1) Констатирующая часть: основание распоряжения + субъект распорядительного акта;

По полученной сегодня, 19 іюля, телеграмѢ отъ генераль-лейтенанта барона Криденера, онѢ, послѢ боя у Плевны, встрѢтивъ несоразмѢрно превосходныя силы, принужденъ былъ отойти на Булгарени. Вслѣдствіе этого Великій Князь Главнокомандующій сдѣлалъ слѣдующія распоряженія [Ловча 1881: 203].

(2) Распорядительная часть: предмет распоряжения + объект распоряжения + срок распоряжения.

Предметный характер распоряжения касается указания на место дислокации войск – сохранение этого места или передвижение на другое место («квартиры»).

Данному фрагменту характерны такие признаки официально-делового стиля, как

- обилие распорядительно-предписывающих глаголов: назначить, предлагаю (имѢть), озаботиться.

*По приказанію Великаго Князя, сообщаю вашему превосходительству для доклада Его Императорскому Высочеству, Начальнику отряда, съ тѢмъ, **чтобы немедленно приняты были всѣ мѢры**, соотвѣтствующія указаніямъ Главнокомандующаго, указанныя выше;*

Полковнику Тутолмину.

*(...) Прибывъ въ д. Паницаку, начальнку разѢзда **собратъ** по возможности опредѣлennыя свѣдѣнія: 1) о путяхъ ведущихъ: а) изъ Паницаки къ Иметліи, Зеленому-Древу, Габрову и Траяну; б) если на мѢстѣ окажется не безумно отважнымъ (подъ этимъ выраженіемъ я понимаю такое движеніе впередъ, которое по всѣмъ примѢтамъ должно будетъ повести къ гибели разѢзда), то было бы крайне желательно двинутьс изъ Паницаки въ горы по направленію къ Иметлійскому перевалу, дабы убедиться какъ въ проходимости этого пути для всѣхъ родовъ оружія, такъ, въ особенности, въ настоящемъ расположеніи непріятельскаго лѢваго фланга дѣйствующихъ войскъ противъ Шипки; стараться **собратъ всѣ свѣдѣнія** и примѢты, на основаніи которыхъ можно было бы заключить о намѢреніяхъ непріятеля [Ловча 1881: 207]*

- военно-канцелярская фразеология:

*принять мѢры, имѢть в виду, поступить в распоряженіе: Рабочіе эти **поступятъ в распоряженіе** Казанскаго пѢхотнаго полка поручика Козелло [Ловча 1881: 218]*

- **обилие номенклатурных наименований:**

11-ю пѢ хотную дивизию и 13-ю кавалерійскую дивизию оставить въ прежнемъ расположеніи [Ловча 1881: 203], дежурный по отряду [Ловча 1881: 218],

- **структурность:** наличие разделов и пунктов, разделенных графически.

- **шаблонные языковые сочетания:**

по приказанію..., указанныя выше..., въ силу полученныхъ со стороны неприятеля слуховъ [Ловча 1881: 218].

- **канцелярское лексическое многословие.**

8) на завтра назначить для производства саперныхъ работъ по 100 человекъ къ при одномъ офицерѢ отъ каждаго баталіона Казанского и отъ баталіона Шуйскаго пѢ хотныхъ полковъ [Ловча 1881: 218]. 2) Командиру Кавказской казачьей бригады назначить хорунжаго Тимофеева для производства съемки въ масштабѢ 250 сажень въ дюймѢ позиціи, занимаемой отрядомъ. [Ловча 1881: 216].

Деловые сообщения в военном дискурсе содержательно трансформируются благодаря фактологическим изменениям.

1) влияние научно-технического прогресса на содержательную часть сообщений, другими словами, с увеличением денотативной основы сообщений уточняется его содержание. Так, появляется указания типа «По полученной сегодня... телеграмѢ ...» [Ловча 1881: 203].

2) излишнее обезличивание военно-служебного состава войска:

7) Сего числа казачьимъ разѢ здамъ встрѢ чены двое нижнихъ чиновъ за линією аванпостной цѢ ти безъ оружія. Впредь и я буду взыскаивать съ ротныхъ командировъ, изъ ротъ которыхъ замѢ чены будутъ люли за аванпостною цѢ пью безъ оружія [Ловча 1881: 218].

2. Интерференция военного и делового дискурса в контексте ‘тыл’.

Взаимодействие военного и делового дискурса в контексте ‘тыл’ происходит в рамках жанров военной-деловой коммуникации (военно-полевых документов). К таковым относятся высочайшие указы.

Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату, въ С.-Петербурѣ , 6-го Декабря 1812 г., по случаю ВСЕМИЛОСТИВЬЙШАГО пожалованія Фельдмаршалу Князю Кутузову титула «Смоленскаго», для увѣковѣ ченія памяти знаменитыхъ побѣ дъ его [Изображение 1812: 84].

Самоназвание документа состоит из нескольких элементов.

(1) название вида документа.

(1а) номер документа.

(2) название адресанта документа.

(3) адресат документа.

(4) дата документа.

(5) место издания документа.

⁽²⁾ *Высочайшій Указъ,* ⁽³⁾ *данный Правительствующему Сенату,* ⁽⁵⁾ *въ С.-Петербургѣ,* ⁽⁴⁾ *6-го Декабря 1812 г., по случаю ВСЕМИЛОСТИВЬЙШАГО пожалованія Фельдмаршалу Князю Кутузову титула «Смоленскаго», для увѣковѣченія памяти знаменитыхъ побѣдъ его* [Изображение 1812: 84].

(1)

Признаками официально-делового стиля является

- нечастые архаичные распорядительно-предписывающие глаголы: *повелеваемъ, жалуемъ.*

Приказание выстроено в стиле архаичных текстов. *...жалуемъ Мы ему титулъ Смоленскаго, повелѣ вая Правительствующему Сенату заготовить на оный грамоту и взнестъ къ Нашему подписанію* [Изображение 1812: 84].

В данном документе также имеется военно-канцелярская фразеология, номенклатурные наименования, которые «украшаются» эстетически выстроенными элементами; структурность сообщения: наличие пунктов сообщения, шаблонные языковые сочетания, канцелярское лексическое многословие.

Отличием этого документа являются:

- обилие милитарных метафор.

- обилие эпитетов. *Въ память **незабвенныхъ** заслугъ Нашего Генераль-Фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова...* [Изображение 1812: 84].

- полное наименование лиц высшего руководства армией. *Въ память **незабвенныхъ** заслугъ **Нашего Генераль-Фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова...*** [Изображение 1812: 84].

- градационные обороты. *Въ память **незабвенныхъ** заслугъ Нашего Генераль-Фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова, доведшаго многочисленныя **непріятельскія** войска искусными движеніями своими и многократными побѣдами до совершеннаго **истощенія, истребленія и бегства*** [Изображение 1812: 84].

- наше = 1 л. ед. ч. = относящееся к царствующей персоне.

Рассмотрим случай дискурсивного взаимодействия военного и делового дискурса на примере документа «Отношеніе канцеляріи военнаго министра комисаріатскому департаменту отъ 2-го февраля 1816 г., за № 694»

Государь Императоръ въ воздаяніе отличныхъ подвиговъ, оказанныхъ въ сраженіяхъ въ минушую войну противъ французовъ при Краонѣ и Лаонѣ, Высочайшимъ приказомъ 13-го минушаго января всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ: полкамъ казачьимъ: донскимъ Мельникова 4-го, Мельникова 5-го и 1-му Бугскому по одному знамени въ каждый; пѣ хотнымъ: Ширванскому и Бутырскому Георгіевскія знамена съ надписью: «за сраженіе 23-го числа февраля 1814 года бличь мѣ стечка Краона» и т. д.

22-го февраля 1816 г. комисаріатскимъ департаментомъ предложено комисіонеру 12-го класса Яковлеву «изготовить рисунки знаменамъ».

27-го февраля 1816 г. рисунки были изготовлены и представлены въ комисаріатскій департаментъ, по 2 руб. 50 коп. за рисунокъ.

14-го марта 1816 г. рисунки комисаріатскимъ департаментомъ представлены военному министру.

28-го мая 1819 года предложено комисіонеру Яковлеву пріискать мастера для приготовленія знаменъ.

9-го іюня 1819 года комисаріатскимъ департаментомъ изъявлено согласіе «отдать пріисканному мастеру по прежде платимой цѣнѣ, за каждое по триста рублей.»

14-го іюня 1819 года комисаріатскому департаменту представлены изготовленныя знамена.

9-го августа 1819 года предписано: «приготовленныя для Ширванскаго пѣ хотнаго полка всемилостивѣйше пожалованный три Георгіевскія знамени, укупоренныя въ ящикъ съ принадлежащими къ нимъ кистями, копьями, подтоками и прочимъ приборомъ отправить въ комисію ставропольскаго комисаріатскаго депо, которому предписано «отпустить оныя полку при прохожденіи его въ Грузію, или отправить оныя въ тифлійское комисаріатское комисіонерство».

9-го августа 1819 года, за № 4918. Съ препровожденіемъ трехъ знаменъ съ приборомъ. Г. Командиру Ширванскаго пѣ хотнаго полка. [Походы 1889: 745]

1. Оценка общего характера дискурсивной интерференции: происходит взаимодействие коммуникационных средств военного и делового дискурса.

2. Характеристика дискурсивного пространства интерференции дискурсов: обезличенный характер коммуникантов. Коммуниканты – официальные структуры – *канцеляріи военнаго министра* и *комисаріатскій департаментъ*. Структуры выполняют роли основных коммуникантов сообщения.

3. Оценка семантического пространства речевого взаимодействия дискурса: в речевой структуре отношения доминируют языковые единицы военно-

делового дискурса (субстантивные: *коммисаріатскій департаментъ, Высочайшій приказъ, коммисаріатское комисіонерство, въ комисію ставропольскаго коммисаріатскаго депо*, глагольные: *пожаловать соизволилъ, предложено... изготовить, представлены въ коммисаріатскій департаментъ, коммисаріатскимъ департаментомъ изъявлено согласіе отдать...*, всемилостивъ *ѣше пожалованный, предписано отпустить...*).

Семантическое пространство акта дискурсивного взаимодействия связано с присутствием языковых единиц-репрезентантов концептов 'военный документ', имеющих семы 'относящийся к сфере военного делопроизводства' и 'относящийся к сфере военно-деловых отношений'

4. Оценка формального взаимодействия: присутствие характерных для того времени и для военно-делового дискурса аналитических форм выражения типа *изъявлено согласіе отдать... (вместо согласились... отдать)*, наличие устаревших слов относительных и указательных местоимений типа *оныхъ: отпустить оные полку при прохожденіи его въ Грузію, или отправить оные въ тифлійское коммисаріатское комисіонерство*.

Формальное взаимодействие военного и делового дискурсов проявляется и в делопроизводственной структуре документов: в наличии внутренней структуры: разделенность на пункты, наличие фактического материала (дат и номеров):

14-го іюня 1819 года коммисаріатскому департаменту представлены изготовленныя знамена.

- номеров документов:

9-го августа 1819 года, за № 4918. Съ препровожденіемъ трехъ знаменъ съ приборомъ. Г. Командиру Ширванскаго пѣ хотнаго полка.

- разного рода названий и номенклатурных наименований:

9-го августа 1819 года предписано: «приготовленныя для Ширванскаго пѣ хотнаго полка всемилостивъ ѣше пожалованный три Георгіевскія знамени, укупоренныя въ ящикъ съ принадлежащими къ нимъ кистями.

- фактических сведений: номера класса служащего чиновника.

22-го февраля 1816 г. коммисаріатскимъ департаментомъ предложено комисіонеру 12-го класса Яковлеву «изготовить рисунки знаменамъ».

Формальное взаимодействие связано с наличием специфических наименований лиц, относящихся к концепту 'персона': **командиръ, комиссіонеръ, военный министр** и др.

Интерференция военного и учебного дискурса.

На лексическом уровне наблюдается продуктивное образование составных номинаций с элементами-репрезентантами концептов 'учреждение' и 'персона' и имеющие семы 'относящийся к военному делу' 'военно-учебный'. Так, в контексте *27-го января 1850 года выходит указъ о преобразованіи Александрискаго Сиротскаго института въ Александринскій Сиротскій кадетскій корпусъ*

и о приспособленіи зданія, занимаемаго институтомъ къ нуждамъ корпуса [Александринский 1901: 10] лексема **кадетскій** относится к военному дискурсу, **корпусъ** и **институтъ** – к военно-учебному дискурсу.

Военно-учебный дискурс подвергся усиленному процессу интерференции, ввиду его тесной интеграции с разными сферами жизни общества, а также сложностью и разветвленностью учебно-бюрократической структуры военно-учебных заведений. В учебном дискурсе помимо собственно военного, отразились элементы и делового и экономического дискурсов.

Собственными элементами учебного дискурса можно считать объект коммуникации: деятельность военно-учебных заведений, режим этого обучения, систему коммуникантов (преподаватели, воспитатели, обучающиеся в учебных заведениях). Коммуниканты учебного дискурса при окончании обучения «попадали» в коммуникативное пространство собственно-военного дискурса: Неспособные и перестарки изъ общихъ классовъ выпускались унтеръ-офицерами въ армейскіе полки [Александринский 1901: 11].

Трехчленная интерференция военного дискурса

Интерференция военного, учебного и делового дискурсов обнаруживается на уровне документирования деятельности военно-учебных заведений, что выразилось в:

(1) наименовании жанров делового подъязыка военного делопроизводства военно-учебных заведений. *Указъ о преобразованіи Александринскаго Сиротскаго института въ Александринскій кадетскій корпусъ* [Александринский 1901: 11].

(2) в формульных номинациях-клише, используемых в деловом дискурсе военно-учебного делопроизводства: *предназначался, с цѣ лью..., согласно...*:

Право избранія малолѣ тнихъ для помѣ щенія въ корпусъ, согласно установленнымъ порядкамъ, по степени сиротства, предоставлено было Московскому Опекунскому Совѣ ту, но съ утвержденія главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній [Александринский 1901: 11].

Интерференция военного, учебного и экономического дискурсов обнаруживается на уровне анализа финансово-хозяйственной деятельности военно-учебных заведений, что выразилось в:

(1) наименовании бюджетных отношений военно-учебных заведений, указание на виды содержания и снабжения военных корпусов и училищ:

На годовое содержаніе корпуса въ составѣ 400 кадетъ положено было отпускать 144 тысячи рублей (127 тыс. руб. изъ Московскаго Опекунскаго Совѣ та и 17 тыс. руб. изъ Комиссаріата) [Александринский 1901: 12].

(2) информация коммерческого и финансового характера сопровождается точными фактическими данными о расходовании средств и каналах получения этих средств. Это языковое пространство содержит многочисленные численно-статистические данные.

(3) в наименовании финансово-хозяйственных документов военно-учебных заведений: *табель, ведомость* и др.;

*Изъ этой суммы въ 144 тыс. рублей по **штату** (содержаніе чиновъ) приходилось 48 тыс. руб., а по **табели** (содержаніе кадетъ, прислуги и зданія) – 96 тыс. рублей. Столовое довольствіе разсчитывалось по 14 коп. на человѣка [Александринский 1901: 12].*

(3) процессуальная составляющая дискурса свидетельствует о динамической цепи финансово-хозяйственных отношений: образовывались суммы → заимообразно взяты деньги → расходъ превысилъ → были отпущены (средства):

По цѣ намъ на продукты того времени надо признать этот отпускъ весьма достаточнымъ. Это видно изъ того, что въ корпусахъ образовывались большіе экономическіе капиталы. Изъ такихъ капиталовъ были заимообразно взяты деньги на своевременное окончаніе и перестройку зданія Александринскаго Сиротскаго кадетскаго корпуса, когда дѣйствительный расходъ превысилъ смѣтныя предположенія, изъ экономическихъ капиталовъ 2-го Московскаго кадетскаго корпуса 10 тыс. рублей и Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ 12 тыс. рублей. Помимо этого отпущено было на первоначальное обзаведеніе 10.750 рублей и всемилостивѣйше пожалованы Государемъ Императоромъ на вещи, необходимыя при военномъ воспитаніи, 7285 руб. 50 коп.

*(Условные обозначения: дискурс – военный дискурс, дискурс – учебный дискурс, дискурс – экономический дискурс; **дискурс** – субстанциональная составляющая дискурса, **ДИСКУРС** – процессуальная составляющая дискурса).*

Взаимодействие разных типов институционального дискурса обеспечивается активной парадигматизацией отношений лексических единиц: синонимизация единиц экономического дискурса: капиталы – деньги – ... рублей – средства, отпускъ – расходъ и т. п.

Характеристика дискурсивной интерференции военного и других типов институционального дискурса требует от исследователя решения ряда актуальных для диахронической дискурсологии задач: 1. Определение и конкретизация методологии анализа дискурсивного взаимодействия разных типов дискурса в историко-лингвистическом коммуникативном пространстве. 2. Определение алгоритма анализа дискурсивного взаимодействия. 3. Определение основных типов двучленного и трехчленного взаимодействия дискурсов.

Проанализировав феномен речевого взаимодействия разных типов дискурсов с военным дискурсом, мы пришли к выводу, что языковая интерференция была широко распространена в дискурсивном пространстве военного дискурса исследуемого периода, а при ее скрупулезном анализе встает вопрос о выделении и типологии трансдискурсивных явлений: существовании военно-делового, военно-учебного, военно-экономического типов дискурса.

2.2. СИНТЕЗ ВОЕННОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСОВ

Анализ художественного текста в современной филологической практике заставляет исследователя обращаться к новым аспектам изучения поэтического и прозаического текстов, в частности, к дискурсивному. Поэтический текст – «сгусток» дискурсивных явлений, он объединяет в себе элементы разных дискурсивных практик. Показательным в этом плане является поэзия Серебряного века и стихи В. В. Маяковского.

Эпатажная, новая для своего времени поэзия поэта-футуриста интересна с позиции представленности в ней элементов военного дискурса XIX – начала XX веков.

Наряду с общими признаками, присущими всем видам дискурса, военный дискурс обладает такими специфическими особенностями, как:

- *межвременной актуальный характер*. Речь военнослужащих имела место во все времена, однако в каждый период она обладала свойственным тому времени колоритом. Этот колорит прослеживается в таких стихотворениях Маяковского, которые «навеваны» событиями Первой мировой войны: «Война объявлена» (20 июля 1914 г.), «Мама и убитый немцами вечер» (1914), «Мысли в призыв» (1914 г.), «Я и Наполеон» (1915), «Военно-морская любовь» (1915) и др.

- *ярко выраженная маскулинность семантики* – «служба в армии и участие в боевых действиях традиционно считаются одними из основных средств формирования настоящей мужественности» [Данилова 2005: 110]. На эту черту военного дискурса указывают многие исследователи языка военного дела, а также ученые-психологи и социологи, изучающие военный дискурс как в современном, так и в межвременном ракурсе. Эта экстралингвистическая черта военного подъязыка вызывает интерес и у представителей других гуманитарных наук, в частности, гендерологии. Как замечает О. Шабурова [Шабурова 2005], армия «остаётся главной гендерной технологией по производству мужественности».

- *тесная взаимосвязь с другими, смежными видами дискурса* – военно-политическим [Андреев 2011], военно-патриотическим, а также с теми видами дискурса, с которыми военный дискурс на лингвистическом уровне (метафорическими моделями, метафоризацией – например, спортивным дискурсом [Малышева 2011]). Интересно, что в поэзии Маяковского обнаруживается яркое взаимодействие военного дискурса и геополитического, военно-технического дискурсов. Об этом говорит постоянное обращение поэта к государствам, «развязавшим» военные действия Первой мировой войны.

Особое выражение находят в военном дискурсе универсальные черты дискурса. Так, *хронотопность* военного дискурса проявляется в регулярной отнесенности языка военных (а отсюда и их реальности) к *месту* и *времени* военной службы. Локальное размещение военнослужащих, время начала службы, время

окончания службы (увольнение в запас) создает спектр пространственно-временных значений военного дискурса.

Авторитетность как признак дискурса также находит в военном дискурсе специфическое выражение. Жизнедеятельность военных подчинена волеизъявлению вышестоящих должностных лиц, авторитету нормативных актов, регламентирующих военную службу.

В 1910-е годы наблюдается бурное развитие русской поэзии: углубляются смыслы, развивается структура стиха, расширяется спектр затрагиваемых точек зрения и концептов. В связи с происходившими на исторической арене событиями (Первой мировой войной, Гражданской войной) в творчестве русских поэтов Серебряного века находит отражение военная концептосфера. Нашей задачей было проследить, как в стихах раннего В. В. Маяковского представлены военные смыслы и реалии.

О Маяковском-«военном художнике» пишет А. И. Иванов [Иванов 2012]: «Обращаясь к теме «Маяковский и война», исследователи, как правило, выстраивают «линейную», «плоскостную» картину, в которой к тому же вольно или невольно механически смешиваются или подменяются друг другом социальные, этические и эстетические начала. Кроме того, в поисках ответов на вопрос об отношении Маяковского к войне зачастую отождествляются восприятие и понимание, ощущение и изображение, не всегда учитывается эволюция его взглядов» [Иванов 2012: 145]. А. И. Иванов с позиции литературоведа исследует «лубочную» (дореволюционную массовую) литературу В. В. Маяковского. Исследователь приходит к выводам, которые свидетельствует обо всем принципе отражения войны в стихах поэта: «Военный лубок Маяковского интересен единством социального, «прикладного», обусловленного войной с собственно поэтическим, поисковым, новаторским, с последующим его творчеством» [Иванов 2012: 150].

Проанализируем военно-дискурсивное пространство поэзии В. В. Маяковского, в частности, оценим морфологический состав стихов.

Субстантивная парадигма представлена лексемами, репрезентирующими концепты 'Вооружение'. Причем границы употребления этих лексем «раздвигаются» возможностями метафоризации, переносного словоупотребления, или так называемого семантического словообразования.

*С неба, изодранного о штыков жала,
слёзы звезд просеивались, как мука в сите,
и подошвами сжатая жалость визжала:
«Ах, пустите, пустите, пустите!»*

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

Именно яркая, цепкая метафора позволяет Маяковскому называть победу убийцей.

*Бронзовые генералы на граненом цоколе
молили: "Раскуйте, и мы поедем!"
Прощающейся конницы поцелуи цокали,
и пехоте хотелось к убийце - победе.*

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

Адъективная парадигма. В сфере прилагательных и причастий масса цветообозначений. Цветовая гамма стихотворений этого периода пестрит *красным, алым, багровым* как символами бессмысленной кровавой войны.

*"Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!"
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
багровой крови пролилась струя!*

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

*Громоздящемуся городу уродился во сне
хохочущий голос пушечного баса,
а с запада падает **красный снег**
сочными клочьями человеческого мяса.*

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

Ряд «цветовых» лексем – чисто неологизмы В. В. Маяковского.

*Морду в кровь разбила кофейня,
зверьим криком багрима:
"Отравим кровью игры Рейна!
Громами ядер на мрамор Рима!"*

«Война объявлена» (20 июля 1914 г.)

Особую стилистическую функцию выполняют окказионализмы. Так, характерным примером в этом отношении является стихотворение «Военно-морская любовь», в текст которого инкрустированы окказионализмы, производные от военных номинаций: *миноносица, миноносочка, миноносий, миноносина.*

*По морям, играя, носится
с миноносцем **миноносица.**
Льнет, как будто к меду осочка,
к миноносцу **миноносочка.***

*И конца б не довелось ему,
благодарушью **миноносью**.
Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину **миноносочки**.
Как взревет медноголосина:
"Р-р-р-астакая **миноносина!**"*

«Военно-морская любовь» (1915)

Стихотворение показывает, насколько продуктивны отсубстантивные окказионализмы в стихах В. В. Маяковского.

Своеобразен синтаксический строй таких стихотворений, например, в качестве определения автор активно использует генетив (родительный падеж): *войны барабан*, *сталь **штыка***. Повсеместные инверсионные обороты «расставляют» акценты в строчках стихов Маяковского: переставляются сказуемые и подлежащие, стих имеет ярко выраженный динамический характер, и естественно то, что процессуальность в стихах Маяковского доминирует:

***Гремит** и **гремит** войны барабан.
Зовет железо в живых **втыкать**.
Из каждой страны
за рабом раба
бросают на сталь **штыка**.
За что?
Дрожит земля
голодна,
раздета.
Выпарили человечество кровавой баней
только для того,
чтоб кто-то
где-то
разжился Албанией.*

«К ответу» (1917)

Стихи Маяковского пестрят синекдохами, «элементы» Старого Света Маяковский переносит на всю «злую» силу войны: падает на мир за ударом удар (=удары войны), сапог землю растаптывает скрипящ и груб (=вражеские силы):

*Сцепилась злость человеческих свор,
падает на мир за ударом **удар**
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
проходили чьи-то суда.*

*Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра.
И душу вытащат.
И растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию,
Во имя чего
сапог
землю **растоптывает** скрипящ и груб?
Кто над небом боев -
свобода?
бог?
Рубль!*

«К ответу» (1917)

Отметим, что чем старше становился Маяковский, тем в большей степени военный дискурс проникал в его стихотворения, и стихи, затрагивавшие не только темы войны, но и революции, новаций в искусстве, литературе, культуре становились проникнутыми пространством военной риторики. В концептосфере Маяковского все чаще появляются понятия «марш», «бунт» и иные: «Приказ по армии искусства» (1918), «Левый марш (матросам)» (1918) и др. Однако художественный метод остается прежним: стилистика стихотворений насыщена метафорами (пули оса) и метонимиями, синекдохами, сравнениями (оружие – песня), различными стилистическими фигурами.

*Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.(...)*

*Есть ли наших золот небесней?
Нас ли **сжались** пули оса?
Наше оружие - наши песни.
Наше золото - звенящие голоса.*

«Наш марш» (1917).

Изучив поэзию В. В. Маяковского с позиции представленности военного дискурса, мы обнаружили несколько ярко выраженных констант, вокруг кото-

рых организуется военно-событийное содержание стихотворений, а отсюда – и их семантическое пространство.

Война имеет ‘глобальный характер’ (захватывает мировое пространство, «шагает по Европе»), ‘трагический характер’ (война «обагрят мир кровью»):

*Морду в кровь разбила кофейня,
зверьим криком багрима:
"Отравим кровью игры Рейна!
Громами ядер на мрамор Рима!"*

(«Война объявлена», 20 июля 1914 г.)

Стихи Маяковского о войне носят лозунговый, декларативный характер, наполнены ненавистью поэта к войне.

*Газетчики надрывались: "Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!"
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.*

(«Война объявлена», 20 июля 1914 г.)

Война имеет ‘непонятный, бессмысленный характер’, свидетельством этому в стихах В. В. Маяковского являются многочисленные риторические вопросы. Мнение автора о [Первой Мировой] войне не меняется на протяжении многих лет, в стихах как 1914, так и 1917 годов присутствуют одни и те же константы:

*Когда же встанешь во весь свой рост
ты,
отдающий жизнь свою им?
Когда же в лицо им бросишь вопрос:
за что воюем?*

«К ответу» (1917)

Нелепость войны обнаруживается в таком стихотворении Маяковского, как «Великолепные нелепости» (1915). Стихотворение пестрит неожиданными сравнениями, поэт словно с сарказмом изображает бытовавшее в те времена оправдание Первой мировой войны.

*Бросьте!
Конечно, это не смерть.
Чего ей ради ходить по крепости?
Как вам не стыдно верить
нелепости?!*

*Просто именинник устроил карнавал,
выдумал для шума стрельбу и тир,
а сам, по-жабьи присев на вал,
вымаргивается, как из мортир.*

«Великолепные нелепости» (1915)

*Ах, не говорите:
"Кровь из раны".*

*Это - дико!
Просто избранных из бранных
одаривали гвоздикой.
Как же иначе?
Мозг не хочет понять
и не может:
у пушечных шей
если не целоваться,
то - для чего же
обвиты руки траншей?*

«Великолепные нелепости» (1915)

В этом стихотворении страшная правда войны «перемежается» с абсолютно невоенными реалиями. В концептосфере военного и художественного дискурсов сталкиваются абсолютно несопоставимые понятия: цветы – гангрена:

*Никто не убит!
Просто - не выстоял.
Лег от Сены до Рейна.
Оттого что цветет,
одуряет желтолистая
на клумбах из убитых гангрена.
Не убиты,
нет же,
нет!
Все они встанут
просто -
вот так,
вернутся
и, улыбаясь, расскажут жене,
какой хозяин весельчак и чудака.
Скажут: не было ни ядр, ни фугасов
и, конечно же, не было крепости!*

*Просто именинник выдумал массу
каких-то великолепных нелепостей!*

«Великолепные нелепости» (1915)

И опять же бесконечная метафорика: *обвиты руки траншей, пушечные шеи и т. п.*

Таким образом, военно-дискурсивные элементы XIX – начала XX веков в данный период выполняют и весомую художественную и стилистическую функции, т. к. именно они подчеркивают отношение поэта к войне, передают состояние внутреннего мира лирического героя, красноречиво говоря о нетерпимом характере военных событий.

2.3. ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА XIX В.

В рамках изучения русского военного дискурса важно проанализировать источники с позиции прагмастилистики. М. Н. Кожина заключает: «Прагмастилистика изучает закономерности речевого воздействия на адресата в определенных ситуациях общения, вопросы определения истинных намерений говорящего (подтекст) и способов достижения ожидаемого (перлокутивного) эффекта». Прагмастилистика – междисциплинарная наука, затрагивающая вопросы функционирования коммуникативных единиц на границе языкознания, коммуникативной лингвистики, риторики, герменевтики, текстологии. Именно прагмастилистика изучает то содержание, которое скрыто в речевом акте: интенции – намерения говорящего, целенаправленность и целеполагание его речи.

Сложность применения прагмастилистического анализа к дискурсивным моделям другой эпохи состоит в отсутствии *текущей* ситуации общения, однако элементы коммуникации функционируют как в незафиксированном речевом акте, так и в зафиксированном – письменном речевом произведении, чем и является большинство источников русского военного дискурса. Цель исследователя состоит в фиксации интенций автора документа-источника, в определении стилистической задачи источника. Интенция служит неременной прагматической составляющей текста, его прагматическим значением [Григорьева 2007].

С позиции прагмастилистики важно определить стилистическое и прагматическое расхождение официальных и неофициальных источников военного дискурса. Обратимся к анализу языковых средств с целью выяснения данного расхождения.

Язык официальных источников – структурированный текст, оформленный в соответствии с нормами официально-делового стиле; язык неофициальных источников примыкает к публицистическому стилю либо к художественному стилю. Основное намерение автора официального текста – *сообщить*, в то время

как автора неофициального текста – *рассказывая, воздействовать*. Помимо этого субъективность изложения делает публицистический текст неофициальных источников эмоционально-экспрессивным, что отличает от выдержанного стиля изложения официальных источников.

Официальные источники русского военного дискурса XIX в. связывают язык военных с деловым дискурсом – военная концептосфера репрезентируется в официально-деловой речи, формируемой в рамках делопроизводственных операций: деловой переписки, составления, согласования, утверждения деловых документов военных подразделений.

Рассмотрим функционирование военного дискурса в официально-деловой речи материалов делопроизводства Сибирского казачьего войска, а также отдельных казачьих военных подразделений Западной Сибири (Тобольского пешего казачьего батальона, Тобольского конного полка).

Во второй половине XIX в. Сибирское казачье войско представляло собой организованную военную структуру с собственным командованием, военными подразделениями, занимавшими собственную территорию, которая простиралась от границ Оренбургского казачьего войска до Омска (Ишимская линия), в южном направлении – вдоль Иртыша до границ с Китаем. Территория Сибирского казачьего войска насчитывала «4.995,233 дес. земли или 48.058 квадратных верст». В документах указывается, что в 70-е гг. XIX в. Сибирское казачье войско занимало территории двух областей (Акмолинской и Семипалатинской и часть Томской губернии), на что указывают часто упоминаемые составителем отчета топонимы, а также названия казачьих линий (Бийская казачья линия) и казачьих военных единиц.

Наше внимание привлекли «Всепопданѣйшій отчетъ о состояніи Сибирскаго казачьяго войска. За 1878 годъ» и справочный источник «Сибирское казачье войско. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ за 1876 годъ». Отчет содержит сведения о населении, военном составе, земле, войсковом и станичном хозяйстве, образовании, народном здравии, состоянии частного хозяйства, промышленности и торговли; он представлен в ОГОНБ им. А. С. Пушкина в оцифрованном виде, включает 104 страницы печатного гражданским шрифтом текста. Датируется 14-м июня 1879 г. Список имеет в основном справочно-описательный характер, подробно представляя географическое размещение подразделений Сибирского казачьего войска в 1870-е гг.

Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку (СПб. 1849) относится к распространенному в XIX в. жанру военного делопроизводства – положению – и охватывает организационные и учредительные аспекты деятельности Тобольского батальона и конного полка.

Сравним в прагматистическом отношении «Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска съ приложеніемъ статьи о домашнемъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ» (далее *Очеркъ*) и «Положеніе о Тобольскомъ пе-

шесть казачьемъ баталіонѢ и Тобольскомъ конномъ полку» (далее *Положеніе*). Оба источника созданы в XIX в. Характеризуя одну предметную область – казачье военное подразделение, однако отличаясь по признаку официальности/неофициальности, источники имеют стилистические сходства и различия.

В экстралингвистическом плане источники похожи: отраженные реалии однородны: и Очерк, и Положеніе фиксируют деятельность соответствующих военных подразделений. Однако Очеркъ не привязан к определенному времени – автор делает «бѢ глѣй взглядъ на историческое развитіе восточныхъ и юго-восточныхъ окраинъ Московскаго государства», в частности на «появленіе в [Оренбургскомъ] краѢ четырехъ группъ казаковъ и ихъ значеніе» [Очерк, оглавление]. К тому же автор очерка останавливается на сведениях, напрямую не относящихся к военной службе, однако влияющих на нее, в частности, на географическое и топографическое описание земли Оренбургскаго казачьего войска, домашнем быте, нравах казаков. Очерк имеет более энциклопедический, нежели собственно отчетно-статистический характер.

Очерк преследует цель всеобъемлюще описать положение войска, остановившись на положительных и отрицательных моментах его развития. Кроме того, автор очерка в некоторых моментах склоняется к анализу полученных данных. Положение в строго выдержанной, предписательной форме кратко фиксирует правила управления военным подразделением.

И очерку, и положению характерны общие особенности военного дискурса XIX в.:

1. Отражение военной концептосферы XIX в. Так, один из репрезентируемых концептов – 'управление военным подразделением' реализуется в схожих, однородно коммуникативно построенных контекстах:

Очеркъ	Положеніе
<p><i>В военно-административномъ отношеніи Оренбургское казачье войско подчиняется командующему войсками Казанскаго военнаго округа, но по войсковой хозяйственной части – непосредственно главному управленію казачьихъ войскъ [с. 158]. МѢ стное управленіе состоитъ в вѢ дѢ ніи войсковаго атамана, которому присвоены права начальника дивизии (онъ-же губернаторъ)</i></p>	<p><i>Управленіе баталіона и полка подразделяется на главное и мѢ стное. Главное управленіе принадлежит Командирующаго отдѣльнаго Сибирскаго корпуса [Положеніе: 21]</i></p>

Реализация концепта 'Состав военного подразделения' так же аналогична.

Очеркъ	Положеніе
<i>На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія о военной службѣ казаковъ Оренбургскаго войска служилый составъ подразделяется на три разряда: приговорительный, строевой и запасный [с. 185].</i>	<i>Составъ баталіона и полка определяется прилагаемыми штатами [Положеніе: 3]</i>

2. Экстралингвистическая закрепленность понятий (в «дискурсивной» терминологии – хронотопность дискурса) – пространственная (географическая) и временная зависимость понятий – связана со спецификой военной службы – постоянным перемещением. Приведем примеры контекстов, отражающих временную закрепленность:

Очеркъ	Положеніе
<i>Все казаки по достиженіи 18-лѣтнею возраста, зачисляются в приговорительный составъ [с. 185].</i>	<i>Съ достиженія 19 лѣтъ всѣ малолѣтки зачисляются зачисляются въ казаки и приводятся к присяге. [Положеніе, с. 21]</i>

3. Наличие понятийных оппозиций.

*Списочное состояніе генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ образуется изъ всѣхъ лицъ **войскового и невойскового сословія**, имѣющихъ офицерскіе чины, находящихся какъ на службѣ в строевыхъ частяхъ, такъ и въ войскѣ на льготѣ [Очерк: 186].*

Составители Очерка и Положения при коммуникативном и собственно стилистическом построении текстов используют различный фонд языковых средств. Так, в Очерке доминирует общеупотребительная, а не специальная лексика. Автор Положения в большей степени ориентируется на терминологическую лексику. Сравним фрагменты текста о доходах военных подразделений.

Очеркъ	Положеніе
<i>Средствами к поддержанію и развитію благосостоянія Оренбургскихъ казаковъ служатъ: 1) пользованіе предоставленными имъ угодьями, 2) занятіе разными промыслами, 3) торговля [Очерк: 159]</i>	<i>В доходы баталіона и полка поступаютъ: а) Прибыль отъ отдачи въ оброчное содержаніе запасныхъ земель и рыбныхъ ловель, которыми будутъ надѣлены баталіонъ и полкъ, на основаніи сего Положенія; б) Сборъ с перевозовъ на земляхъ, баталіону и полку принадлежащихъ; в) Сборъ с казаковъ [Положеніе: 40].</i>

В то же время в очерке активно применяются стилистически маркированная лексика, образные средства языка, стилистические фигуры, например, перифрастические выражения, специфическая фразеология (*быть в боевой готовности*):

Данные эти показали, что общія боевые силы войска составляют 40792 всадника, или 25,2 всего населенія мужского пола [Очерк: 189].

В тексте встречается высокая, торжественная лексика:

Оренбуржцы, слБ дую примБ ру своихъ славныхъ предковъ, около ста пятидБ сяти лБ ть не только мужественно оберегали порубежныя свои границы, отъ вторженія средне-азіятскихъ ордъ, но въ тяжелыя для отечества години, съ беззавБ тнымъ самоотверженіемъ изъ среды своей всБ хъ наличныхъ товарищей посылали въ ряды арміи туда, гдБ того требовали нужды и польза Государства [Очерк: 189-190].

Субъективность авторской позиции обнаруживается в намерении установить «пробелы» в деятельности войска предыдущих периодов:

Вообще нужно замБ тить, что казаки первое время учились гдБ и какъ случится [Очерк: 170]. По своей доступности для массы казачьяго населенія, станичныя и поселковыя школы служатъ главнымъ и даже единственнымъ разсадникомъ грамотности и первоначальнаго образованія [Очерк: 174].

Нечеткость формулировок свидетельствует об их реальной или потенциальной многозначности. Так военное министерство называется автором очерка по-разному: военное вБ домство, войсковое ведомство.

Изучив прагматические и стилистические особенности деловых источников военного дискурса XIX в., мы пришли к следующим выводам. С позиции прагматики текста указанные материалы обладают следующими признаками:

- дифференцированность интенциональности источников. Документы разных делопроизводственных жанров имеют разную документальную и коммуникативную функцию: цель составителя документа сообщить (отчет), доложить (рапорт), обязать (приказ, предписание, распоряжение), в некоторых случаях – предложить, рекомендовать.

- влияние интенциональности источника на стилистическое оформление источника: преобладание соответствующих ситуации коммуникативных средств. Например, спектр однородных языковых средств используется при распоряжении по войску:

1. Глаголы со значением волеизъявления (в форме инфинитива или повелительного наклонения): *поставлено в обязанность доставить Г. Шепелеву подробныя имянныя Арматуры [Разная переписка: л. 176]; обязать Гг. полковыхъ командировъ, дабы они ускорили окончаніемъ постройки вещей [Разная переписка: л. 176];*

2. Наличие существительных со значением «волеизъявление», «повеление»: распоряжение, предписание,

Стилистика официальных источников обусловлена прагматической стороной документов: выбор языковых средств обусловлен задачей составителя документа и преобладанием цели информирования / воздействия / волеизъявления.

2.4. СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX ВЕКА

Когнитивные процессы в дискурсивной реальности реализуются в таком речевом событии, как речевой акт. «Обращение к речевому акту как минимальной / элементарной единице говорения и понимания вполне закономерно, если учесть степень его разработанности со стороны иллокутивной направленности, а также условий успешности, имеющих когнитивную природу» [Татарникова 2012: 1]. Именно в речевом акте имплицитно реализуется диалогическое взаимодействие, направленность коммуникации на адресата в соответствии с профессионально ориентированным контекстом. В основе речевого акта находится дискурсивно обусловленная языковая ситуация. Согласимся с Н. М. Татарниковой в том, что «понятие дискурса обычно связывается не с одним речевым актом, а с более длительной интеракцией, с обменом речевыми актами, представляющими собой единое целое – один глобальный или макроречевой акт» [Татарникова 2012: 1].

Дискурсивно образующее понятие для речевого акта – понятие речевой стратегии, создаваемые особыми когнитивными структурами – интерпретационными схемами. М. Л. Макаров в книге «Основы теории дискурса» пишет: «Интерпретативные схемы помогают формировать интенции и мнения (конечно, обусловленные контекстом), направляющие действия людей. (...) Говорящий выбирает тип действия и способ его осуществления из ряда альтернатив. Это называется стратегией. Понимаемая таким образом стратегия не предполагает сознательного планирования» [Макаров 2003: 62]. Речевая стратегия служит своего рода «планом» речевого акта, процесса речевой коммуникации «в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 2008: 54].

Стратегия говорящего продуцируется на продукт высказывания – речевой результат речевого акта.

Речевой акт образуется под влиянием надязыкового содержания высказывания. Сюда входят экстралингвистические условия, коммуникативные интенции, языковые личности, задействованные в сообщениях, языковая картина мира, пресуппозиции. Как считает Л. С. Пихтовникова, «дискурс возникает под влиянием определенных целей и ограничений. Их набор можно в некотором смысле отождествить с интенциями (замыслами) автора текста, нормами изложения, экстралингвистическими условиями, а также с архетипами коммуникан-

тов. В набор целей и ограничений возможно и включение иных сущностей, например, языковой картины мира, которая в данной культуре является глобальным ограничителем контекстов» [Пихтовникова 2009].

Дж. Остин выделяет пять разновидностей речевых актов по иллокутивным целям: **вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы.**

«Сёрль различает иллокутивные типы высказываний: цель, направление «приспособления» между словами и миром *world to word* или *word to world*, психологические состояния, интенсивность иллокутивной силы, статус коммуникантов, способ соотношения высказывания с их интересами, соотношение с дискурсом, пропозициональное содержание (по индикаторам иллокуции), способ и стиль осуществления акта, институциональность, перформативность» [Макаров 2003: 173].

В. И. Карасик предлагает следующую классификацию категорий дискурса: 1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии); 3) содержательные (семантико-прагматические), раскрывающие смысл текста

(адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия) [Карасик 2002: 201].

Стратегия представляет собой «общий план реализации коммуникативной задачи адресанта, необходимый для максимально эффективного достижения цели общения и осуществляемый посредством активизации в тексте определенного набора тактик» [Самойлова]. Тактика - «практическая реализация микрозадачи адресанта посредством выбора языковых средств, значение которых помогает ее достигнуть» [Самойлова].

Типология основных стратегий речевого поведения В. И. Карасика включает такие стратегии, как:

- 1. Объясняющая.**
- 2. Оценивающая.**
- 3. Контролирующая.**
- 4. Содействующая.**
- 5. Организующая.**

Стратегии речи военнослужащих, их структура и компонентный состав должны в обязательной степени учитывать внутрисистемную специфику русского институционального военного дискурса. Подход к классификации таких стратегий должен быть ориентирован как на сферу применения военного дис-

курса (военный дискурс в военной и/или гражданской среде), так и на основную цель речевого акта.

Отметим, что несмотря на разнородность представленных речевых стратегий в речи военнослужащих и военно-дискурсивном пространстве имеются некоторые стратегии, которые можно отнести к доминирующим стратегиям. В данном случае следует говорить об особых стратегиях односторонней коммуникации, при которой одна из сторон является главной, а вторая — второстепенной. Воспринимающая роль второстепенной стороны обусловлена общей спецификой военной коммуникации.

Таким образом, под военно-речевой коммуникативной стратегией мы понимаем общую направленность коммуникативного акта в структуре военного дискурса, тональность и интенциональность которого варьируется и обусловлена тактической стороной речи.

По нашему мнению, классификация военно-речевых стратегий включает стратегии *информативную, объясняющую, оценивающую, убеждающую*.

Информативная (информационная) военно-речевая стратегия нацелена на передачу информационного сообщения разного характера и разной степени насыщенности, но в обязательной степени относящейся к предметной области военных событий. Тактиками, применяемыми в информативной военно-речевой стратегии, могут считаться тактика непосредственного информирования, тактика целевого информирования, тактика срочного информирования и иные. Данные тактики дифференцируют информативную военно-речевую стратегию по разным принципам.

Объясняющая (аргументативная) военно-речевая стратегия — имеет вынужденно-коммуникативный характер, обусловлена сложившимся ходом событий, носит аргументативно-констатирующий характер. В рамках объясняющей стратегии возможны тактики субъективного и объективного объяснения, общего и сжатого объяснения.

Оценивающая стратегия — нацелена на скрупулезную оценку свершившегося события. Применяется при необходимости введения в речевой акт собственной оценки военных событий. Оценивающая стратегия включает тактики позитивной и негативной оценки.

Убеждающая (волюнтативная) стратегия — вызвана сформировавшимся мнением на ход событий и желание убедить другое (вышестоящее) лицо в действиях, в которых заинтересован адресант. Применяется тогда, когда адресанту требуется «навязать» свои действия в том или ином случае.

Все данные разновидности военно-речевых стратегий применимы в текстовом и речевом массивах русского институционального военного дискурса, причем в некоторых случаях они дополняют и взаимозаменяют друг друга. Оценивающая стратегия в большей степени характерна для системы нисходящей вертикальной коммуникации. Объясняющая, оценивающая и убеждающая

— для восходящей вертикальной коммуникации, а также для некоторых видов горизонтальной коммуникации.

Оценивающая стратегия – характерна для вертикальной нисходящей коммуникации (коммуникативного канала от вышестоящего лица к нижестоящему).

Информативная стратегия характерна для широкого спектра источников информационно-коммуникативного характера: информационных сообщений, военных рапортов, донесений.

Рассмотрим примеры речевых стратегий на примере книги «Документы русской военной контрразведки в 1812 г.*/Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного.

Приведем пример сообщения — речевого акта в информативной стратегии с тактикой ожидания ответной информации: *может быть и вашему Сиятельству угодно будет для взаимного содействия к достижению цели вышней воинской Полиции учинить подобные распоряжения в высочайше вам вверенной Армии, в разсуждении чего и буду ожидать уведомления вашего Сиятельства*

1ая армия

По части воинской
вышней полиции

С препровождением

Дополнения к инструкции

Директору вышней полиции

«11» апреля 1812

№ 1

Секретно.

Господину Главнокомандующему

2ой Армию

Генералу от инфантерии

Князю Багратиону

Я имел честь препроводить к вашему Сиятельству список с высочайше утвержденной инструкции Директору вышней полиции при армии. Ныне сделав в следствие того некоторыя дополнения, к упомянутой инструкции, при вверенной мне Армии, я препровождаю при сем к вам Милостивый Государь мой копии с оногo, предполагая, что может быть и вашему Сиятельству угодно будет для взаимного содействия к достижению цели вышней воинской Полиции учинить подобные распоряжения в высочайше вам вверенной Армии, в разсуждении чего и буду ожидать уведомления вашего Сиятельства.

Военный министр Барклай де Толли²

<подпись>

Стратегия информативная констатирующая: Сейчас получил я повеление вашего высокопревосходительства, чтобы возвратиться мне на первый мой лагерь и, остановясь там, дожждаться присоединения авангарда II Западной

армии, а потом принять следование направо к Холму на Пореченскую дорогу, что мною и будет исполнено.

Приведем пример из рапорта П. М. Волконского главнокомандующему 1-й армией М. Б. Барклаю-де-Толли [Волконский]. В отрывке используется *информативная целеполагательная стратегия*, которая рассчитана на достижение адресантом не только информационной цели (доведение до сведения информационного сообщения), но и цели предметно-адресной (получения ответного сообщения, совершения каких-либо действий, отправление ответа и т. д.)

С<анкт>-Петербург.

25 декабря 1816 г.

№ 2710

По Высочайшей воле честь имею представить Вашему Сиятельству записку о девизах избранных для помещения одного из них в герб Ваш, с тем, что выбор из них такового Его Императорское Величество предоставляет собственной Вашей воле. О чем покорнейше прошу меня уведомить.

Начальник Главного Штаба князь Волконский

Помета: Получе<но> 4 января 1817

Информативная ответная стратегия используется в ответном сообщении П. М. Волконскому о получении им записки с девизами [Барклай-де-Толли]

№ 54

6 января 1817 г.

М<илостивый> г<осударь> мой к<нязь> Петр Михайлович!

Во исполнение Высочайшей, объявленной мне в рапорте с № 2710, при коем препроводить изволили записку с четырьмя девизами для помещения одного из них в герб мой, с тем, что выбор из них такового Его Императ<орское> Величество предоставляет собственно мне. Имею честь уведомить, что я избрал девиз 4-й т. е. “Верность и терпение” извещая о сем Вас М<илостивый> Г<сударь> мой и препровождая при сем обратно записку о девизах имею честь.

Помета: Снять копию и зап<иску> о девизах. NB

Языковая ситуация – обсуждение действий М. И. Кутузова осенью 1812 г. *Коммуниканты* – Император Александр I, Князь Михаил Илларионович Кутузов. *Тактика* – имплицитное осуждение действий полководца. *Речевой жанр* – рескрипт (письменная коммуникация).

Контекст:

Князь Михайло Ларіонович! Получилъ я донесеніе Ваше до 24-го октября. Съ крайнимъ съ тованіемъ вижу Я, что надежда изгладить общую скорбь о потерь Москвы, пресъ ченіемъ врагу возвратнаго пути, совершенно исчезла. Непонятное бездѣйствіе Ваше послѣ щастливаго сраженія 6-го числа передъ Тарутинымъ, чѣмъ упущены тѣ выгоды, кои оно предвѣщало... уничтожило все преимущество положенія Вашего; ибо Вы имѣли всю удобность ускорить непріятеля въ его отступленіи подѣ Вязьмою [Изображение 1912: 73].

Воодушевляющая стратегия – характерна для вертикальной нисходящей коммуникации (коммуникативного канала от вышестоящего лица к нижестоящему, либо к группе лиц).

Языковая ситуация – действий российских войск осенью 1812 г. *Коммуниканты* – Князь Михаил Илларионович Кутузов, жители Смоленской Губернии. *Тактика* – имплицитный призыв к жителям России. *Речевой жанр* – воззвание (устная коммуникация).

Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнейше и достойнѣйшіе соотечественники! Да услышитъ моленія Ваши: да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго и да водворитъ паки во единное семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались [Изображение 1912: 79].

Резолютивная стратегия – применяется при выражении категорически однозначной точки зрения (возможна в различных коммуникативных каналах от вышестоящего лица к нижестоящему, либо к группе лиц, от равноуровневых должностных лиц, от нижестоящего – к вышестоящему).

Языковая ситуация – разговор Фельдмаршала Князя Кутузова съ генераломъ Лористономъ, посланным от Наполеона в конце сентября 1812 года к Князю Кутузову с предложением заключения перемирия мира. *Коммуниканты* – Князь Михаил Илларионович Кутузов, генерал Лористон. *Тактика* – эксплицитный отказ в заключении перемирия. *Речевой жанр* – полемический диалог (устная коммуникация).

Контекст:

[После предложеній о перемирии]. «Князь Кутузовъ, соскуча предложеніями сими, произнесъ съ гнѣвомъ: «Какъ? мнѣ предлагать миръ? и кто? тотъ, который попираетъ священные права народа? Нѣтъ! Не будетъ сего, пока въ Россіи есть Русскіе! Я докажу противное тому, что врагим моего Отечества предлагаютъ. Согласиться на миръ? и кому? Русскимъ? И гдѣ? Въ Россіи! нѣтъ! Никогда сего не будетъ! Увѣрю всѣхъ торжественно: двадцать лѣтъ въ предѣлахъ моего отечества могу вести войну съ чѣмъ угодно и наконецъ заставлю всѣхъ мыслить о Россіи такъ, какова она есть существенно» [Изображение 1912: 81].

Императивная стратегия – направлена на достижение цели – выполнение адресатом определенного, указанного адресантом действия (коммуникативного канала от вышестоящего лица к нижестоящему).

Языковая ситуация – обращение фельдмаршала Голенищева-Кутузова к помещице села Тарутина А. Н. Нарышкиной с просьбой о неприкосновенности укреплений, расположенных в местах великих сражений русской армии. *Коммуниканты* – Князь Михаил Илларионович Кутузов, А. Н. Нарышкина. *Тактика* – эксплицитный просьба «оставить в неприкосновенности и сохранности» военные укрепления. *Речевой жанр* – письмо-просьба (письменная коммуникация).

Контекст:

Село Тарутино, вамъ принадлежащее, ознаменовано было славною побѣдою Русскаго войска надъ непріятельскимъ. (...) Покорнѣйше прошу васъ, Милостивая Государыня, чтобъ укрѣпленія, которыя устрашили полки непріятельскіе и были твердою преградой, близъ коей остановился быстрый потокъ разорителей, грозившій наводнить всю Россію, чтобъ сіи укрѣпленія остались неприкосновенными [Изображение 1912: 85].

Объясняющая стратегия- применяется для аргументативного объяснения свершившихся фактов и событий (возможна в различных коммуникативных каналах от вышестоящего лица к нижестоящему, либо к группе лиц, от равноуровневых должностных лиц, от нижестоящего – к вышестоящему).

Языковая ситуация – обсуждение действий русской армии в 1812 году. *Коммуниканты* – Вильгельм Фридрих Гецель, Коллежскій Совѣтникъ и Профессоръ Дерптскаго Университета. *Тактика* – эксплицитный объяснение правильности действий русской армии. *Речевой жанр* – письмо (письменная коммуникация).

Контекст:

Если бы можно было вселить въ Императорское Россійское воинство то увѣреніе, что оно Провиденіемъ избрано къ прекращенію въ нынѣшнемъ 1812 году тѣхъ бѣдствій, кои Наполеонъ навлекъ на всю Европу, то сіе усугубило бы бодрость духа и облегчило бы одержаніе побѣды [Изображение 1912: 61].

2.5. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

При анализе дискурсивных явлений в современной лингвистике наряду с важнейшими лингвистическими категориями дискурса, его лингвистическим компонентом, представляющим сегодня интерес для ученых-лингвистов [Карасик 2002, Уланов 2012, Уланов 2013, Просвирнина 2013] встает вопрос типологии языковых личностей [Шпомер 2011].

Поведение языковой личности связано с ее основными коммуникативными задачами. Коммуникативное поведение языковой личности может приводить к разным результатам: либо обеспечивать успешное коммуникативное взаимодействие, либо приводить к коммуникативной неудаче. По мнению Е. А. Шпомер именно дискурсивный подход к типологизации языковой личности «позволяет видеть перспективу личностного развития и не замыкаться на статике таксономии: в зависимости от ситуации и коммуникативного партнёра тип личности дискурсно может меняться: в одной ситуации, с определённым собеседником это конфликтный агрессор, с другим собеседником – манипулятор, с третьим даже пассивный кооператор» [Шпомер 2011: 46].

Классификация языковых личностей в современной дискурсологии – сложный и дискуссионный вопрос. Свою классификацию языковых личностей приводит В. И. Карасик в известной книге «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [Карасик 2002]. С. С. Сухих «выделяет экспонентный, субстанциональный и интенциональный уровни измерения языковой личности, на первом уровне знаковая деятельность коммуниканта может быть активной, созерцательной, убеждающей, сомневающейся, голословной, на втором уровне – конкретно или абстрактно вербализующей опыт, на третьем уровне – проявляющей себя юмористично или буквально, конфликтно или кооперативно, директивно или интегративно, центрированно или децентрированно» [Сухих 1998].

Так или иначе «языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность — обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002: 19]. По мнению В. И. Карасика, коммуникативная личность может рассматриваться с точки зрения ценностного, познавательного и поведенческого плана.

«Ценностный план коммуникативной личности содержит этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период. (...) Познавательный (когнитивный) план коммуникативной личности выявляется путем анализа картины мира, свойственной ей. На уровне культурно-этнического рассмотрения (именно применительно к данному уровню обычно говорят о языковой личности) выделяются предметно-содержательные и категориально-формальные способы интерпретации действительности, свойственные носителю определенных знаний о мире и языке. (...) Поведенческий план коммуникативной личности характеризуется специфическим набором намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения» [Карасик 2002: 20].

В русском институциональном военном дискурсе встречаются следующие разновидности языковых личностей:

1. **Информатор** дифференцируется на активного и пассивного – функция активного информатора состоит в доведении сообщения, требующего немедленного исполнения. Функция пассивного информатора состоит в доведении информации справочного характера.

2. **Манипулятор** манипулирует информацией в своих собственных целях, его коммуникативное поведение ситуативно и прагматически обусловлено.

3. **Кооператор**. Основная функция кооператора – поддержать кооперативную стратегию общения (поздравление с победой, изъявление восхищения).

Наше исследование посвящено русскому военному дискурсу XIX – начала XX века. В русском военном этого периода представлены дискурсивные практики применения кооперативной языковой личности. Пример приведен из мемуарного источника «Блокада Карса» – собрания писем очевидцев событий 1855 г.

«Ваше Высокопревосходительство!

Отъ полноты души, въ лицѣ всего городскаго сословія позвольте поздравить Васъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Побѣ да надѣ Карсомъ – преддверіемъ Оттоманской Порты, возвеселила весь край и укрѣпила еще въ немъ великія надежды на русское оружіе. Примите, Ваше Высокопревосходительство, настоящую встрѣчу, какъ отголосокъ безпредѣльныхъ сердечныхъ желаній моихъ согражданъ, и позвольте имѣть счастье отъ искренности сердца выразить Вамъ передъ всѣми: «Слава Отечеству и побѣ дителю!» [Аналитический 1833: 138].

Отметим, что в дискурсивном пространстве военно-исторических источников более всего представлена информационная функция военной языковой личности, направленная на непосредственное информирование вышестоящего начальства о произведенных действиях: высказывания отличаются информационно насыщенным характером, множеством фактов и деталей.

По случаю возложенія мною на командовавшаго Дѣйствующимъ Корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ, Генераль-Лейтенанта Князя Бебутова, на время отсутствія моего изъ Тифлиса, командованія войсками Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, не входящими въ составъ Дѣйствующаго Корпуса, я поручаю командованіе симъ послѣднимъ Начальнику Артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Лейтенанту Бриммеру.

О чемъ объявляю по Высочайше въ реннымъ мнѣ войскамъ [Аналитический 1833: 10].

Исходя из этого сообщения можно заключить, что военная языковая личность отличается: предельной фактологичностью высказывания, экономичностью языкового выражения, стандартизованностью официальных средств вербализации, апеллятивностью к установленным образцам действующих порядков и установлений (*По случаю возложенія мною на командованія войсками..., поручаю командованіе симь...*). Языковая личность 'офицер' применяет языковые конструкты в соответствии с субординацией и действующей номенклатурой вооруженных сил: *я поручаю командованіе симь послѣднимъ Начальнику Артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Лейтенанту Бриммеру.*

Наиболее ярко различные типы языковых личностей представлены в книгах мемуарного ретроспективного характера, представляющих собой воспоминания о прошедших событиях.

Проанализируем особенности военной языковой личности в книге Г. Гоштовта «Дневникъ кавалерійскаго офицера», вышедшей в Париже в 1931 году и полноценно характеризующей сферу коммуникативное поведение российских офицеров высшего звена.

Этот документ может быть использован в качестве ценного прагматистического источника, т. к. письменно зафиксированная речь кавалерійскаго офицера является отражением комплекса прагматистических категорий, воссоздаваемых спектром коммуникаций основного коммуниканта – автора текста.

Документ подтверждает, что офицер являлся средоточием коммуникаций, среди которых: (1) безличные коммуникаторы, (2) персонифицированные коммуникаторы. Коммуникаторы ранжируются по степени персонифицированности автором.

Приведем примеры.

(1) Коммуникатор – неизвестный внешний источник информации:

Вскорѣ было получено донесеніе, что нѣ мѣцы вели легкое наступленіе на Ширвиндтъ, обстрѣ ливая его артиллерійскимъ огнемъ, и вскорѣ отошли [Гоштовт 1931: 53].

Черезъ часъ ко мнѣ пришло новое приказаніе – выслать нѣ шую развѣдку на тотъ берегъ оврага, послѣ чего спуститься и пройти вдоль него цѣпью до деревни Каушень, на окраинѣ котораго будетъ ждать меня проводникъ къ конводамъ. Высылаю унтеръ-офицера Людвига съ шестью кирасирами на противоположный берегъ. [Гоштовт 1931: 71].

(2) Коммуникатор – известный по должности /имени внешний источник информации:

Здѣсь мы встрѣтили роту, уходящую на востокъ. Ея командиръ сообщилъ мнѣ, что линія охраненія оттягивается еще на три километра назадъ, на опушку большаго Гердауенскаго лѣса, и что его правая застава должна стать въ деревнѣ Шенвальде [Гоштовт 1931: 54].

Возвратившийся **Рыбаковъ** привезъ конвертъ съ надписью, что свѣдѣнія отъ уланъ запоздалыя, - нѣмцы ушли, и Пилькаленъ находится твердо въ нашихъ рукахъ; въ припискѣ Начальникъ Штаба сообщаетъ, что 1-я Отдѣльная бригада должна двигаться въ нашемъ направленіи и чтобы мы не приняли ее за непріятели [Гоштовт 1931: 86]. В этом контексте содержатся данные о высокой роли письменной коммуникации в военной среде того времени.

Утромъ является эскадронный писарь **Пьстунъ** и докладываетъ, что на сегодня назначена дневка; штабъ полка предлагаетъ по сему случаю заняться починкой вещей, стиркой бѣлья, выводкой лошадей и прочими хозяйственными делами [Гоштовт 1931: 92].

(3) Коммуникатор – неизвестный по должности, но известный по месту расположения внешний источник информации. Заметим, что в военном дискурсе возможны самые различные каналы получения информации, ранжирующиеся по топосу сообщения и статусности источника сообщения: разведка - граница (линія) боевых действий – разъезды - Штаб дивизіи – Штабъ арміи:

Донесенія с линій охраненія говорятъ о томъ, что участки велики и караулы поэтому поставлены рѣдко; вечеръ безпокойный, такъ какъ вся мѣстность вокругъ кишитъ непріятельскими развѣздами [Гоштовт 1931: 71].

Поздно вечеромъ Христіани привезъ новости изъ **Штаба дивизіи**: наша пѣхота имѣла вчера удачный бой, взяла трофеи и быстро движется впередъ [Гоштовт 1931: 71].

Развѣзды отъ нашей конницы слышали вчерашній день отголоски горячаго боя и сплошной канонады; обнаружили уходъ 1-й отдѣльной бригады и донесли о глубокомъ обходѣ нѣмцами праваго фланга нашей пѣхоты [Гоштовт 1931: 71].

Дѣйствіями нашей конницы, съ точки зрѣнія стратегической, **Штабъ Арміи крайне недоволенъ**, что же касается доблести частей и ихъ добросовѣстной работы – то съ этой стороны мы получили оцѣнку самую лестную [Гоштовт 1931: 93].

От развѣдки приходятъ свѣдѣнія, что противникъ поспѣшно отходитъ [Гоштовт 1931: 99]

Таким образом, коммуникационный спектр языковой личности офицера представлен следующими коммуникаторами:

Коммуникационный круг офицера может включать как прямые устные и письменные коммуникации, так и косвенные, связанные с внешним опосредованным коммуникативным воздействием. Такое воздействие на него оказывают такие коммуникаторы, как Военный Совѣтъ и главнокомандующій-полководец.

Однако между офицером и данными коммуникаторами возможны несколько промежуточных звеньев, среди которых и *Главный штабъ*, и *штабъ военной части*, где служит офицер. Приведем цитаты из «Аналитического обзора глав-

ныхъ соображеній военнаго искусства и объ отношеніяхъ оныхъ съ политикою государствъ (Сочинено барономъ Жомини, генераломъ отъ инфантеріи и генераль-адъютантомъ его императорскаго величества. Санкт Петербургъ 1833) [Аналитический... 1833]:

Смѣ лость предпріятій много зависитъ также отъ вліянія Кабинета на дѣ йствія арміи. Полководецъ, имѣ ющій полную свободу дѣ йствовать по своему благоусмотрѣ нію, всегда съ выгодною будетъ бороться съ такимъ, коего распоряженія зависятъ отъ одобренія Военнаго Совѣ та [Аналитический... 1833: 58]

Превосходство искусства в полководцахъ, неоспоримо, есть одинъ изъ вѣ рнѣ йшихъ залоговъ побѣ ды, особенно въ томъ предположеніи, что всѣ прочія выгоды съ обѣ ихъ сторонъ равны [Аналитический... 1833: 58].

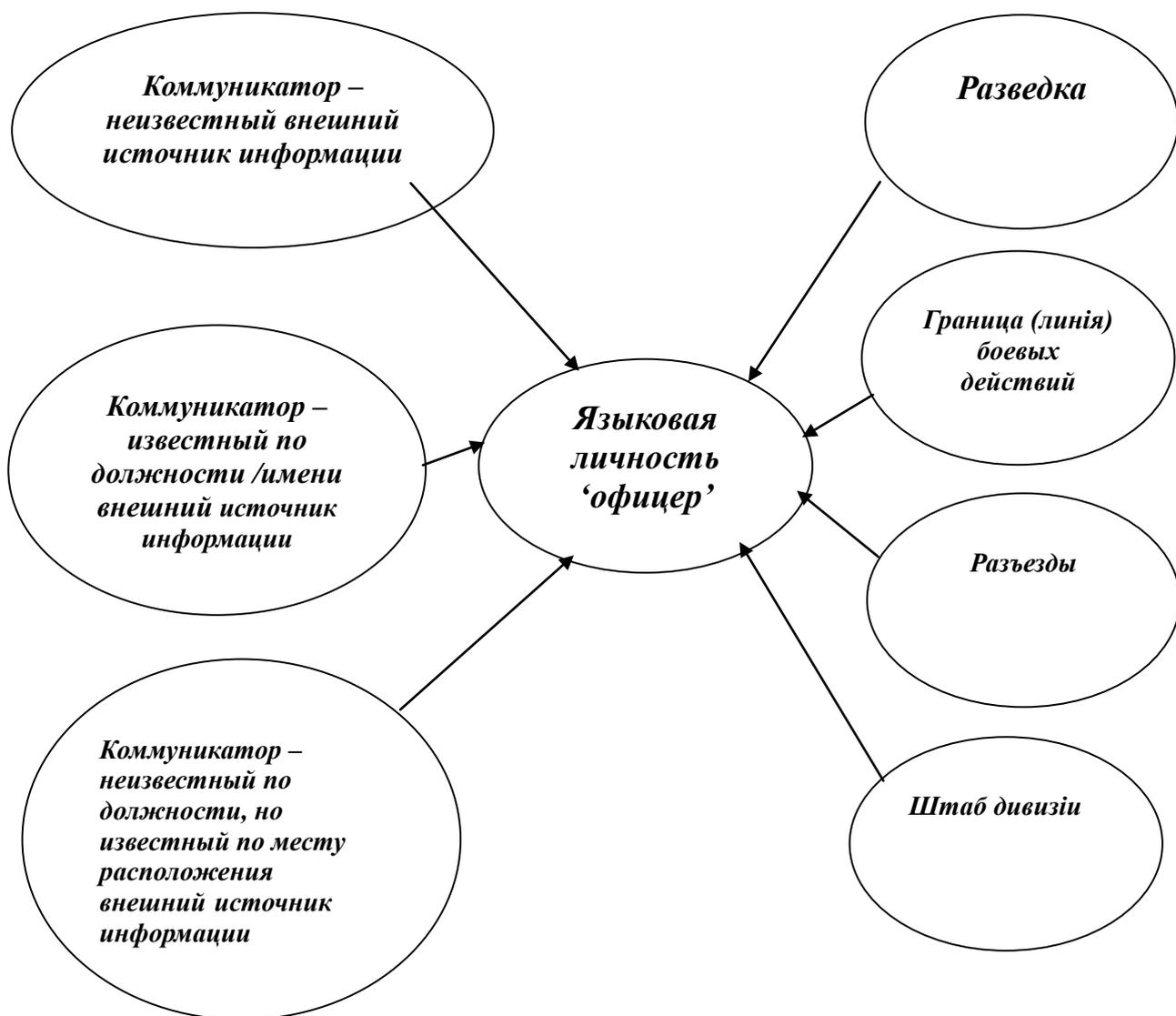

Рис. 3. Схема коммуникативного взаимодействия языковой личности 'офицер'

В военной среде могут образовываться и явления межнациональных коммуникаций, вызванных **межнациональным коммуникативным воздействием** в период военных действий на территории разных государств и регионов:

На крыльцѣ , нашъ дивизионный врачъ Мундтъ бесѣдуетъ с германскимъ военнымъ врачомъ [Гоштовт 1931: 96].

Неожиданно изъ подъ одного изъ кустовъ выбѣгаетъ нѣмецкій солдатъ въ каскѣ и бѣжитъ опростелываясь передъ нами. Нѣ сколько человекъ сразу кидаются за нимъ. Дервель во всю силу своихъ легкихъ кричитъ «halt» [Гоштовт 1931: 71].

Элементами межнациональной коммуникации являются: аспекты межкультурных взаимоотношений в местах дислокации войск на узконациональных территориях; аспекты языкового взаимодействия; аспекты боевого взаимодействия (в случае проведения военных действий).

Таким образом, коммуникационное пространство военнослужащего обладает следующими характеристиками: разнонаправленностью, интенсивным коммуникативным взаимодействием, возможностью межнациональных и обязательностью внутриконтингентных взаимодействий. Коммуникационный круг обладает постоянной степенью императивности («приказано») и документарности («донесение», «приказ») военной сферы.

Языковая личность офицера обладает спектром интенциональных и коммуникационных характеристик.

Интенциональные характеристики:

- **императивная**, создаваемая императивностью суждений и поступков, ярко выраженная распорядительность основных поведенческих актов (создается спектром языковых средств – от инфинитивов со значением побуждения к действию до существительных со значением поставленной задачи:

Данная имъ задача – занять и обезпечить за собой переправу между Ширвиндтомъ и Владиславомъ [Гоштовт 1931: 54]

Подъ вечеръ Начальникъ дивизіи приказаль назначить въ нарядъ полуэскадронъ, командирѣ коего явиться за получениемъ задачи к Начальнику Штаба [Гоштовт 1931: 54]

- **информационная**, создаваемая информационной насыщенностью речевого сообщения: *Здѣ съ мы встрѣтили роту, уходившую на востокъ. Ея командиръ сообщилъ мнѣ , что линия охранения оттягивается еще на три километра назадъ, на опушку большого Гердауенского лѣса, и что его правая застава должна стать въ деревнѣ Шенвальде [Гоштовт 1931: 54]*

- **операциональная**, связанная с динамической интенсивностью действий офицера. Операциональность вызвана характером службы военнослужащего, связанного с большим объемом служебных операций, военным маневрированием, сменой места дислокации войска:

Оставивъ кирасиръ для связи при командирѣ роты, я вернулся поскорѣй къ заставѣ . Немедленно выслалъ – караулы въ Алленау, Кригервальде и въ хуторъ, лежащій на полдорогѣ между ними, а также людей для связи въ № 2-й

эскадронъ. Подробно **донесъ** о всемъ въ Штабъ дивизіи, **приложивъ** кроки моего девятикилометрового участка. Вечеромъ **выслалъ** еще одинъ караулъ отъ 4-го взвода, влѣ во отъ Кригервальде.

(...) Съ утра въ районъ занимаемаго мною ночью сторожевого участка **будетъ направленъ** еще одинъ эскадронъ. **Посылаю** взводнаго 1-го взвода Гриця **объехать** караулы и **приказать** имъ въ 4 ч. утра **сняться и самостоятельно слѣ довать** въ мѣ стечко Алленау [Гоштовт 1931: 54]

Во исполненіе нашей новой задачи, спускаемся въ оврагъ и проходимъ его цѣпью [Гоштовт 1931: 71]

Коммуникационные характеристики - официальность сообщений, создаваемая частотными номенклатурными названиями: *Порядокъ на мосту поддерживается дежурными офицерами и унтеръ-офицерами; ихъ власть здѣсь неограничена и подчиняться имъ всѣ должны безпрекословно* [Гоштовт 1931]

Ментальные и психоэмоциональные характеристики

Для языковой личности офицера характерны такие сформировавшиеся к этому времени ментальные константы русского институционального военного дискурса, как (расположим данные константы по мере их выраженности в языковой картине мира военнослужащего):

Константа ‘религиозность’:

Одна изъ нихъ (могил) подлѣ дороги, еще не готова – ее только роютъ; но рядомъ ужде лежитъ ровная шеренга мертвецовъ во всемъ сѣ ромъ; лица прикрыты ихъ же касками въ защитныхъ чехлахъ. Поровнявшись, мы всѣ снимаемъ фуражки и крестимся, многія солдатскія уста шепчутъ «Упокой господи» [Гоштовт 1931: 96].

Константа ‘ответственность’:

Ответственность за многочисленных раненыхъ, за плѣнныхъ и трофеи подсказывала намъ сугубую осторожность [Гоштовт 1931: 86].

Константа ‘отношение к смерти’. Реализация этой константы специфичная в условиях языковой ситуации, приближенной к военнымъ действиямъ. Чужая смерть в условиях военныхъ действий перестаетъ быть «впечатлением» для военнослужащего, соприкасавшегося эмоционально с этимъ явлениемъ ни раз: *У дороги лежалъ убитый конногвардеецъ. При видѣ его я вспомнилъ, что до войны видѣ каждаго трупа производилъ неизмѣнно волнующее впечатлѣніе и всегда хоть на небольшой срокъ западалъ въ память. Теперь же, на войнѣ, - отъ вида смерти не остается никакого впечатлѣнія и забывается она моментально* [Гоштовт 1931: 102].

Негативная активизация психоэмоциональных характеристик военнослужащихъ наблюдается при дисбалансе психоэмоционального состояния военнослужащего, который можетъ быть вызван: (1) пленением: *Взятые только что въ плѣ нъ прусскіе кирасиры принадлежали къ 3-му полку, стоявшему до войны гарнизономъ въ Кенигсбергъ . Лейтенантъ видимо былъ очень удрученъ неож-*

даннымъ плб номъ; мы отлично понимали его душевное состояніе и ни о чемъ его не спрашивали [Гоштовт 1931: 86]. (2) ранением: Позитивная активизация психоэмоциональных характеристик, наоборот, связана с позитивными результатами военных действий:

(1) победой в военной операции:

Всб эти пріятныя новости я поспбшилъ передать офицерамъ и затбмъ кирасирамъ, - настроеніе сразу поднялось, лица у всбхъ просвбтлбли. Нашъ мотоциклетъ затарахтблъ по шоссе въ поискахъ Штаба дивизіи, съ донесеніемъ о подходб къ Пилькалену пбхотнаго полка [Аналитический 1833]

Так или иначе константы языковой личности объединяются в завершительных частях сообщений и отражают все приоритеты языкового менталитета военнослужащих того времени. Среди этих приоритетов — вера в самодержавную власть, уважение к соратникам, к командованию, к городу, являющемуся объектом защиты.

Гостовъ было немного, но всб они были отъ чистаго сердца и шли прямо къ сердцу: тостъ за здравіе Государя Императора и Августбйшей Фамиліи, которымъ кончается всякій русскій оббдъ, какъ начинается крестомъ; за здоровье нашихъ братій по крови, чувствамъ и оружію, непоколебимыхъ защитниковъ Севастополя; здоровье отббжающаго военачальника, преложенное Г. Главнокомандующимхъ; здоровье Главнокомандующаго, ... и здоровье новаго корпуснаго командира... Мы провозгласили тостъ за все, что дорого намъ: за Помазанника Божія, за несокрушимый Севастополь и за людей, въ лицб которыхъ сосредоточены надежды кавказскаго воина [Блокада 1856: 14]

Таким образом, предпринятая нами попытка типологизации языковых личностей говорит о широкой представленности различных типов в структуре русского институционального военного дискурса.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА: ДИАХРОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЯЗЫКОВАЯ ДИНАМИКА

3.1. К ВОПРОСУ О ДИАХРОНИИ В ДИСКУРСЕ

Динамичность, связанная с подверженностью речи человека изменениям под влиянием социальных изменений, является неоспоримо важным признаком дискурса как языкового образования. Как замечает Н. Коч, «динамика является реальным существованием не только языковых, но и ментальных единиц – концептов» [Коч 2010: 317]. Категория динамичности в лингвистике соотносима с категориями времени, процесса, развития.

Диахронический анализ чрезвычайно важен при изучении отдельных типов институционального дискурса, в частности, военного. Диахрония касается трех граней дискурсивных исследований: проблемы историко-лингвистического изучения проблемы дискурсивности; историко-лексикологическое рассмотрение проблемы концепта и концептосферы; анализа исторического становления военного термина, что также невозможно без общего обращения к методологии диахронических и сопоставительных исследований в лингвистике.

Оппозиция понятий «диахроническое» и «синхроническое» в классическом языкознании связана с именами И. А. Бодуэна де Куртене и Ф. де Соссюра. «И. А. Бодуэн де Куртене разделял лингвистику на статическую (описательную) и динамическую (историческую), различая в фонетике и грамматике явления сосуществования (*Nebeneinander* – «рядом друг с другом») и последования (*Nacheinander* – «следом друг за другом»). Наибольшую значимость проблема синхронии-диахронии обрела в концепции Ф. де Соссюра» [Патюкова 2010: 116].

«Синхрония – это рассмотрение языка (или какой-либо другой системы знаков) с точки зрения соотношений между его составными частями в один период времени» [Патюкова 2010: 116]. «Диахрония (от греческого (*dia* – «через» и *chronos* – «время», т.е. «разновременность») традиционно определяется как понятие о развитии и изменении языка во времени» [Патюкова 2010: 117].

Обратимся к основным тенденциям применения диахронического метода в современной лингвистике.

3. **вопрос о диахронии в концептологии.** Этот вопрос в последнее время приобретает все больший интерес со стороны исследователей-лингвистов. Наблюдается увеличение объема историко-когнитивных исследований, что подтверждается увеличением терминологического аппарата, появлением новых узко-научных номинаций: например, «диахронический концепт», «диахроническая константа».

Термином «диахронические константы» М. М. Гухман обозначает общие закономерности типологических изменений и развития языков. Она отмечает, что «диахронические константы призваны моделировать инвариантные тенден-

ции развития» [Антипова 2007: 78]. По мнению А. С. Антиповой [Антипова 2007], диахронические константы отражают закономерности бытования концептов в сознании носителей языка и существуют на протяжении всей жизни этноса.

Именно в процессе культурной эволюции концепты могут модифицировать свое ассоциативное поле, приобретая новые ассоциации и теряя старые, при этом изменяя степень актуальности составляющих его сущностей и их содержание.

Приведем мнения исследователей о пользе применения диахронического подхода в сфере когнитивных исследований.

1. Изучение слов, отражающих представления носителей определенного языка о том или ином концепте как в статике (синхронии), так и в динамике (диахронии) необходимо для выявления мировоззрения представителей определенной эпохи и его диахронических изменений [Пак 2009].

Концепты могут трансформироваться в диахронии, происходит это под влиянием деятельности человека, увеличения объема его познавательной деятельности, изменения социальных институтов. Это экстралингвистические факторы изменения концепта.

«Лингвистическими факторами, детерминирующими развитие концепта «отрицательные эмоции» в диахронии, являются асимметрия языкового знака, расширение диапазона человеческого общения, социальная и стилистическая дифференциация языка (формирование функциональных стилей и речевых жанров) и заимствования» [Пак 2009: 149].

2. Диахронический подход позволяет осуществить семантическое моделирование языковой картины мира.

По мнению Р. М. Скорняковой, «понимание значения слова как когнитивной структуры дает возможность рассмотрения процесса становления значения, а не только констатации его составляющих, как в других лингвистических моделях значения. В данном случае концепт рассматривается как специфическая модель значения, акцентирующая роль языкового значения в познавательных процессах. Поэтому семантическое моделирование рассматривается как исследовательская процедура, целью которой является создание конструкта, воспроизводящего в упрощенном и формализованном виде способность языка к саморазвитию под воздействием общественных факторов» [Скорнякова 2005].

4. **вопрос о диахронии в терминоведении.** Диахроническое исследование терминологии важно ввиду того, что «диахронический аспект изучения семантических изменений терминов особенно важен с точки зрения установления основных особенностей и признаков номинации в сфере терминологии» [Мякшин 2007]. «Диахронические исследования лексики (в т.ч. терминологической) помогают уяснить, за счет каких резервов языка происходит расширение его возможностей в сфере номинации» [Мякшин 2007].

Как верно замечает К. Я. Мякшин, «в современной лингвистике исследования в сфере лексической семантики развиваются в двух направлениях: с одной стороны, интерес для лингвистов представляет изучение качественных изменений в составе и структуре словесных значений, с другой – в изучении количественных изменений в лексическом составе языка» [Мякшин 2007]. «Изучением изменений данного типа занимается квантитативная лингвистика, предоставляющая в распоряжение лингвистов самые разнообразные и точные математические данные о языке и речи» [Мякшин 2007: 171].

При диахроническом анализе встает вопрос о количественных и качественных изменениях в языковом (словарном) составе языка. В этом ключе Г.Г. Ивлева, например, выделяет, две группы процессов (...). К процессам, влияющим на *количественные преобразования* в словарном составе она относит:

1. заимствование;
2. словообразование;
3. распад слов на омонимичные лексические единицы;
4. дифференциацию вариантов слов;
5. процессы лексикализации, когда происходит семантическая изоляция той или иной морфологической формы и ее обособление в самостоятельную лексическую единицу;
6. делексикализации – обратного явления – формального и семантического слияния отдельных лексических единиц и пр.

К процессам же, влияющим на качественные преобразования в словарном составе, по ее мнению, можно отнести:

2. взаимодействие различных лексических пластов;
3. переход слов из одних категорий частей речи в другие;
4. вариантность слова и пр.» [Мякшин 2007: 171]

5. вопрос о диахронии в дискурсологии.

В последнее время отмечается увеличение количества дискурсологических исследований историко-лингвистического характера, написанных в диахроническом аспекте [Кочетова 2012]. Подобные работы, с одной стороны, применяют диахронический метод при изучении дискурсивных явлений и сфер русского языка. С другой стороны, прикладные лингвистические исследования пользуются методологией дискурсивного анализа [Колокольникова 2010].

По мнению М. Ю. Колокольниковой [Колокольникова 2010], важно, что «подобные исследования позволяют проследить как синхронную вариативность лексем, так и диахронную, которая во многом берет свое начало в функциональной, социальной, социокультурной или географической дифференциации (неоднородности) языковых явлений». Исследовательница заключает, что «в современной лингвистике все более широкое распространение получает так называемый «бисинхронный» подход. Он, в частности, предполагает анализ и описание языковых фактов не в рамках единой системы правил и исключений, а в

рамках двух сосуществующих систем – более старой и более новой» [Колокольникова 2010: 3].

Исследования, о которых идет речь, требуют, естественно, привлечения значительного количества текстов, различных по своей жанрово-дискурсивной и хронологической принадлежности [Колокольникова 2010: 3].

Диахроническое описание дискурса затрагивается и Э. Н. Акимовой [Акимова 2009], коснувшейся современных тенденций исторической лингвистики текста и исторической дискурсологии. Историческая лингвистика в современности имеет промежуточный характер, она может затрагивать разные направления языкознания, в том числе и когнитивно-дискурсивное. Э. Н. Акимова [Акимова 2009] замечает, лингвистика текста в историческом языкознании – направление неразработанное и не сформировавшееся. В связи с этим возникает ряд вопросов, которые предстоит решить ученым:

- 1) разработка понятий и методологической базы исторической лингвистики текста и дискурсологии;
- 2) разграничение понятий текста и дискурса в диахронии;
- 3) оценка экстралингвистического и лингвистического наполнения дискурса в диахронии.
- 4) определение первичного характера дискурса по отношению к тексту в диахроническом разрезе.
- 5) проблема структуризации дискурсивных и текстовых образований в диахронии.

Основным же вопросом исторической лингвистики текста является «выявление закономерностей связей между смысловой структурой текста, семантикой языка и картиной мира, существующей в коллективном сознании социума и в сознании субъекта текста» [Акимова 2009: 429].

Э. Н. Акимова обращает внимание, на то, что признание дискурса в том числе диахроническим явлением в лингвистике не общепризнанно [Акимова 2009: 427]. Например, Н. Д. Арутюнова полагает, что диахронически может быть рассмотрено только понятие «текст», но не «дискурс», т. К. Последнее не может быть непосредственно связано с «живой жизнью». Мы согласимся с выводом А. Н. Экимовой, которая заключает, что «Трактуя дискурс как связный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами определенной исторической эпохи, а также текст в его интерпретационной потенции, мы вполне допускаем употребление этой дефиниции в описании фактов языковой диахронии» [Акимова 2009: 428].

У текстов другой исторической эпохи могут отличаться структурные единицы и основные текстовые категории, однако это в большинстве своем характерно для древних текстов, для текстов же рассматриваемой нами эпохи подобные понятия можно считать вполне сформировавшимися.

Диахроническое исследование используемой в рамках военного дискурса лексики облегчается путем привлечения лексикографических и справочно-информационных данных. Так, сопоставляя семантическую представленность понятия *авангард* ‘передовая часть флота или эскадры’ в словарях конца XIX века и первой половины XX века («Энциклопедия военных и морских наук» (1883), Военная энциклопедия (1832-1833)), можно прийти к выводу, что если в первом случае *авангардъ* – название действующей части флота, то во втором – отряд из разных родов войск, выступающий при наступательном марше колонной войск. Имеет место историческое развитие семантического наполнения слова, расширение его контекстуальных функций.

Сегодня рассмотрение дискурсивных образований сквозь призму языковой динамики заставляет исследователей расширять терминологическую базу исследования, вводятся относительно новые понятия для современной науки, одним среди которых является понятие *диахронической коммуникации*.

В рамках исследования дискурса открываются возможности для изучения явлений дискурсивности в их историческом развитии. И несмотря на необходимость разработки особой методологии и базы изучения диахронического развития дискурса, в настоящее время дискурсивные образования зачастую подвергаются сопоставительному анализу в рамках оппозиции «диахроническое – синхроническое».

3.2. ДИАХРОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ДИСКУРСА XIX ВЕКА

Рассмотрение дискурсивных образований сквозь призму языковой динамики заставляет исследователей расширять терминологическую базу исследования, вводятся относительно новые понятия для современной науки, одним среди которых является понятие *диахронической коммуникации*, которому посвящены труды Р. В. Патюковой [Патюкова 2010, 2011].

При рассмотрении дискурса и системы коммуникации важно разграничивать явления текста, дискурса и коммуникации. Если текст представляет собой простую последовательность языковых знаков, то дискурс – это целая совокупность системных категорий «текст – событие – действие – интеракция – сознание» [Патюкова 2010]. Текст продуцируется в дискурсе. Коммуникация же связана с дискурсом комплексом отношений, но их специфика зависит от типологической характеристики дискурса.

Дискурс имеет «генеративно-тематический характер» (термин В. Е. Чернявской) и мы присоединимся к мнению Р. В. Патюковой [Патюкова 2011] и В. Е. Чернявской [Чернявская 2001] в том, что дискурс – «конкретное коммуникативное событие, привязанное к определенным прагматическим, ментальным условиям порождения и восприятия сообщения и определенным моделям текстопорождения – типам текста» [Чернявская 2001: 19].

Институциональность дискурса заключается в его ориентации на конкретные общественные институты, военный дискурс в своей основе имеет социальный институт – военную структуру, однако функционирование дискурса построено на использовании коммуникативных средств, оно включает процесс коммуникации, но не исчерпывается только им, так как помимо этого процесса, включает еще «и текст, и вокругтекстовый фон» [Патюкова 2010]. В то же время военный дискурс, как и любой другой институциональный дискурс (религиозный, политический, рекламный, педагогический или любой иной), базируется на элементах коммуникации, в числе которых и ритуалы поведения, и социальные и коммуникативные функции, и «поведенческие стереотипы».

Коммуникация внутри военного дискурса обладает следующими особенностями.

1. Имеет социально ограниченную коммуникативную сферу, включающую круг коммуникантов: представителей вооруженных сил, представителей вооруженных сил, связанных коммуникативными узлами с военной сферой.

2. Систему коммуникаций, обеспечивающих процесс коммуникации и соответственно взаимодействия элементов этой системы.

3. Систему коммуникативных средств общения, принятых в данной коммуникативной среде и имеющих статусно-ролевую закреплённость.

Один из важнейших аспектов изучения дискурса — процесс диахронической коммуникации дискурсивных образований.

Диахроническая коммуникация – система языкового взаимодействия коммуникантов, рассматриваемая в совокупности коммуникативных средств определенной институциональной коммуникативной сферы на протяжении анализируемого периода времени. Таким образом, на наш взгляд, определение диахронической коммуникации имеет терминологически-методологический характер, связанный в большей степени с методом анализа коммуникации, нежели чем с непосредственным функционированием языка.

Изучение диахронических дискурсивных и коммуникативных явлений сталкивается с трудностью оценки источников коммуникации, носящих только письменно закреплённый характер. С другой стороны, письменная зафиксированность явлений коммуникации позволяет с точностью и скрупулезной верностью проанализировать языковую репрезентацию феномена дискурса. Это возможно ввиду обращения к широкому спектру документальных источников дискурса.

Глубокий теоретико-методологический характер для изучения дискурса в диахроническом аспекте имеют работы Р. В. Патюковой [Патюкова 2010, 2011]. В частности, в них решаются вопросы, возможно ли сочетание межкультурного и диахронического изучения языка; трансформируется ли лингвистическое пространство в историческом процессе. Таким образом, диахроническая коммуникация связана с непрерывной подвижностью языковой системы; выражением

изменений лингвистического пространства в системе текст – коммуникация – дискурс; изменением статуса и коммуникативных функций коммуникантов; изменением качественного состава коммуникантов; углублением и изменением экстралингвистического (околоязыкового) фона коммуникации.

В процессе диахронической коммуникации возможно возникновение так называемого «дискурсивного запаса» (термин Р. В. Патюковой) – спектр текстуальных образований, языковых единиц, утративших актуальность и перешедших из активного дискурсивного пространства в пассивный.

В то же время при анализе явлений диахронической коммуникации невозможно и без апеллирования к синхроническому аспекту, т. к. исследователю необходимо акцентировать внимание на отдельных языковых фактах и лингвистической реальности определенного этапа развития языка. Однако оценка диахронической коммуникации возможна лишь при сравнительно-историческом анализе языкового пространства.

Наше исследование направлено на исследование письменных дискурсивных практик русского институционального военного дискурса, интенсивно развивающегося на протяжении XIX – начала XX века. Процесс развития основан на историческом переходе дискурсивных явлений от одного диахронического пласта к другому. В военном дискурсе XIX века особенно выделяются пласты начала и второй половины XIX века.

Диахронический пласт 1810 гг. Экстралингвистическое содержание данного временного пласта имеет интенциональную направленность (характеристика по цели) на отражение мнения военных и гражданских лиц о событиях, связанных с военными действиями с наполеоновской Францией. Доминирующую позицию занимают речевые конструкты — информационные и убеждающие сообщения, назначение которых — убедить в правильности стратегии российских войск в военных действиях с армией Наполеона. Композиционная структура данных сообщений как дискурсивных образований направлена на реализацию информативной и убеждающей функций дискурса.

Диахронический пласт 1870 гг. Экстралингвистическое содержание этого временного пласта имеет интенциональную направленность (характеристика по цели) на отражение мнения военных и гражданских лиц о событиях, связанных с военными действиями в эпоху Русско-турецкой войны. Доминирующую позицию занимают речевые конструкты — информационные и резолютивные сообщения, назначение которых — убедить в правильности стратегии российских войск в военных действиях с турецкой армией. Композиционная структура данных сообщений как дискурсивных образований направлена на реализацию информативной и резолютивной функций дискурса.

Проанализируем некоторые явления диахронической коммуникации на примере источников, относящихся к различным временным пластам: 1810-м годам и 1870-м годам: Изображеніе военныхъ дѣйствій (кириллический «ять»

обозначаем знаком «Ъ») 1812-го года. Сочинение Баркляя де-Толли [Изображение... 1912]; Ловча, Плевна и Шейново (изъ исторіи русско-турецкой войны 1877-1878 гг.). А. Куропаткинъ. СПб., 1881 [Ловча... 1881].

Указанные источники относятся к двум разновременным пластам диахронического развития русского военного дискурса — 1810 гг. и 1870 гг. Охарактеризуем данные исторические периоды с точки зрения фиксации в них определенных дискурсивных практик, дифференцированных по типу, цели, назначению, композиционной структуре.

Сопоставив экстралингвистический фон двух диахронических пластов, мы пришли к выводу, что, с одной стороны, меняется в сторону дополнения этнолингвистическая составляющая дискурса (доминирование этноса-реципиента в 1810 гг. - французы, в 1870-е гг. - турки и татары). Подтверждением этому являются ряд письменных документов-источников военного дискурса, в частности «Записка о том, сколько я памятую о Крымских и Турецких походах» анонимного автора, участника русско-турецкой войны 1735-1739 гг.» [15].

Диахроническое развитие коммуникативного пространство военного дискурса на протяжении XIX века подтверждается путем сравнения двух произведений [Изображение... 1912, 13].

В сочинении Баркляя де-Толли фиксируются:

1. Типичные черты коммуникативных средств, характерные для русского языка конца XVIII – начала XIX вв.

- сложность синтаксических конструкций, создающая витиеватость текста: *Я имѢль особенное право, въ качествѢ Военнаго Министра, объявлять ВЫСОЧАЙШУЮ волю ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, но въ дѢлахъ столь важныхъ, въ дѢлахъ, отъ коихъ зависѢла участь всей Россіи, я не дерзаль употребить сего права безъ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія* [Изображение... 1912, с. 10].

- преобладание лексических единиц-славянизмов: *Поставя ему на видѣ сей несовмѣстный поступокъ, требую отъ Васъ дѢятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы никогда не имѢли никакихъ свиданій и колыми паче подобныхъ переговоровъ съ непріателемъ, стараясь всемѢрно оныхъ избѢгать* [Изображение... 1912: 73]

- частотность перифрастических выражений: *Первоначальное намѢреніе непріателя и главный предметъ его усилій состояли въ отдаленіи Армій другъ отъ друга и проложеніи чрезъ то себѢ прямого пути въ нѢдра Россіи* [Изображение... 1912:5]

- лексика и фразеология, бывшая в начале XIX века в активном дискурсивном запасе: *Князь Михайло Ларіоновичъ! Изъ донесенія Вашего, съ Княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстилсЯ о бывшемъ Вашемъ свиданіи съ французскимъ генераль адъютантомъ Лоринстономъ верить* [Изображение... 1912:72].

Лингвистическое пространство этого текста изобилует сложными предложениями, книжными конструкциями, а также частями речи, в большей степени встречающимися в письменной речи – прилагательными в превосходной степени, разного рода аналитическими конструкциями (*человѣку, слишкомъ привязанному къ своимъ мнѣніямъ, или слишкомъ надѣвающемуся на себя* [Изображение... 1912: 57]). Нередки процессуальные фразеологизмы – *имѣть свиданіе, поставить на видъ и т. п.*

Отметим, что этот источник связан коммуникативными узлами со спектром коммуникантов, к которым постоянно апеллирует сочинитель – от «государя-императора» к генаралам и высшим военным чинам.

Сравнив коммуникативное пространство сочинения Баркляя де-Толли с сочинением А. Куропаткина, мы пришли к выводу, что в нем произошли такие существенные изменения, как

1. Усиление фактологического начала в тексте: увеличение доли фактического материала – дат, цифр, номеров, точных названий. Все это в сочинении Баркляя де-Толли приводится описательно и редко.

22-го іюня былъ отданъ приказъ по дѣйствующей арміи о сформированіи особаго рушукскаго отряда. Въ составъ его вошло 49 баталіоновъ, 41 эскадронъ, сотня и 224 орудія. [Ловча... 1881: 4]

2. Появление эмоциональной сдержанности.

3. Процессуальное сильнее предметного начала в высказывании. Текст отражает непрерывность действия армии.

4. Упрощение синтаксиса: обилие простых неосложненных предложений: *Весь лишній обозъ отправленъ въ Сельви. Вмѣстѣ съ нимъ отправлены и ранцы. Не мало также заботъ потребовало установленіе, на бивакѣ отряда, строгой чистоты* [Ловча... 1881: 99].

5. Особо реализуется перенос значения. «Мы» = наши вооруженные силы. *На югъ занятая нами часть територіи вдавалась за Балканы узкимъ клиномъ, доходившимъ до городовъ Эски-Загры и Іени-Загры.* [Ловча... 1881: 6]. Метафоры носят уже устоявшийся характер: силы = вооруженные силы, армия. *Силы непріятеля, защищавшаго Плевну, 18-го Іюля не могутъ быть опредѣлены въ точности* [Ловча... 1881: 9].

6. Эмоционально-экспрессивная оценка сменяется ментальной оценкой действий армии. *Въ три недѣли войска наши съ относительно малыми потерями перешагнули двѣ главнѣйшихъ оборонительныхъ линіи: Дунай и Балканы, взяли крѣпость Никополь, заняли города Систово, Тырновъ, Бѣлу, и такимъ образомъ путь на вторую столицу Турціи – Адрианополь былъ закрытъ* [Ловча... 1881: 6]

7. Проникновение в высказывания элементов деловой официальной речи. *Войскамъ отдана по случаю боя диспозиція, опредѣляющая распределеніе частей какъ въ боевой линіи, такъ и въ резервахъ. Командиру сотень, расположен-*

ныхъ въ Демьяновѣ, эсаулу Грузинову послано повтореніе относительно наблюденія путей къ Траяну и сбора свѣдѣній [Ловча... 1881: 98].

В рамках диахронического исследования дискурсивных явлений мы пришли к следующим выводам.

1. Наблюдается усиление официального характера изложения.
2. Увеличивается набор коммуникативных средств терминологического и специального характера.
3. Уменьшается степень эмоционально-экспрессивной модальности дискурса.
4. Речевая организация приобретает строгий характер.
5. Происходит увеличение объема фактологической насыщенности коммуникативной сферы.

Таким образом, в процессе развития военного дискурса и в процессе диахронической коммуникации происходит увеличение информационной насыщенности и содержательности текстовых единиц, уменьшение эмоциональной оценочности с одновременным усилением ментальной, упрощение языковой структуры речи сопровождается ее переходом от в большей степени описательного характера на повествовательно-аналитический характер. Все эти явления свидетельствуют о необходимости подробного анализа процессов, сопровождавших развитие лингвистического пространства военного дискурса XIX – начала XX веков.

3.3. РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА XIX ВЕКА

Русский военный дискурс XIX века являлся динамической системой, подверженной всем продуктивным способам словообразования, в числе которых были и средства семантической деривации. Одним из наиболее распространенных средств семантического словообразования была милитарная метафора.

Современная лингвистика рассматривает это понятие исключительно с «экстравоенной» точки зрения, безотносительной к военному дискурсу, с позиции иных типов институционального дискурса. Однако истоки семантического взаимодействия разных типов дискурса в сфере «военно» обусловленных номинаций лежат в истории русского языка и русской речевой культуры. Целью нашей работы является показать внутридискурсивную активность военной (или как распространено фиксировать это понятие в научно-лингвистическом контексте – *милитарной*) метафоры.

Перед анализом развития милитарной метафоры в военном дискурсе важно определиться с понятиями *метафора* и *метафорические системы* применительно к военному дискурсу. «Под метафорической системой понимается сово-

купность метафорических употреблений. Метафорическая система, или «система метафорических моделей – это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией» [Матыгина 2009: 87]. Метафорика служит средством понимания менталитета военно-служащего.

В метафорических системах дискурсов, по мнению Е. Б. Матыгиной, существует особая концептуальная метафора. «Концептуальная метафора состоит из проекции между элементами сферы-магнита, в результате этого элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-магнит» [Матыгина 2009: 87]. Таким образом терминологический аппарат семантической деривации в дискурсивном аспекте включает такие понятия, как *метафора, метафорическая система, метафорика, концептуальная метафора*.

Явление военной метафоры собственно в военном дискурсе анализируется редко. «Современная лингвистика пришла к убеждению, что метафора – это не просто образное средство, связывающее два значения слова, а «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможности использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Кондратьева 2011: 54]. В современной науке за понятием «военная метафора» закрепилось терминологическое сочетание «военная метафора», однако, на наш взгляд, оба понятия функционально полностью взаимозаменяемы. Отметим, что терминологическая номинация «военная метафора» более распространена в отечественном языкознании на современном этапе его развития.

Стоит отметить, что явление военной метафоры активно функционирует в трудах по теории и практике спортивного и политического дискурсов, а также в работах по стилистике художественного текста [Кондратьева 2011, Кудрин 2010, Матыгина 2009, Фурсова 2010]. Как верно подчеркивает О. Н. Кондратьева, «особенно велика роль военных метафор в конструировании мира политики и спорта, данные сферы уже достаточно полно освещены в лингвистических исследованиях» [Кондратьева 2011: 54]. По мнению О. Н. Кондратьевой, «концептуальный милитаризм» был свойственен многим сферам человеческой деятельности, в частности, религиозному дискурсу (*воинъ христовъ* = монах, святой, ангель). О. Н. Кондратьева исследует особенности военных метафор, репрезентирующих внутренний мир человека в литературе Древней Руси:

«Активно в духовной битве участвовала и душа человека, именно на нее направлены основные нападки, она в течение жизни человека борется с искушениями, одерживает победу над страстями, стремится к спасению и жизни вечной. Все это определяет активное использование в процессе концептуализа-

ции души военной метафорике» [Кондратьева 2011: 55]. В рамках военной метафорике Древней Руси исследовательница выделяет военные метафоры, организованные во фреймах «Военные действия» (лексемы бороться, ратьствовать, борьба, битва, подвигъ и др.), «Участники вооруженного конфликта» (ратьникъ, воинъ, врагъ), «Оружіе» (*страхъ Божій – начало добродѣтели. Симвъ вооружается душа*) [Кондратьева 2011: 57]. Рассмотрение явления военной метафоры в религиозном дискурсе свидетельствует о факте обращения науки к фактам прошлого состояния русского языка, к диахронии дискурсивных практик, что имеет место и в нашем исследовании.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что *военная метафора* – одна из наиболее изучаемых метафорических моделей в дискурсологии и когнитивной лингвистике. Развитие представлений о военной метафоре в других типах институционального дискурса разворачивает терминологическую базу изучения способов семантической деривации: метафорическое проецирование, метафорическая модель, метафорическая экспансия. Об этих явлениях говорит И. Н. Фурсова: «Одним из способов метафорического проецирования действительности является применение социоморфной метафорической модели, в рамках которой можно выделить военную метафору. Высокая продуктивность и широкие возможности в развертывании военной метафоры непосредственно связаны с тем, что сознание человека глубоко милитаризовано. Жизнь для человека – эта череда испытаний, противостояний, сражений, побед и поражений. Большая степень милитаризации сознания подкрепляется тем, что на судьбу едва ли не каждого человека приходится война, и поэтому военная лексика – это один из основных источников метафорической экспансии на самых разных этапах развития человеческого сознания» [Фурсова 2008: 93].

Военная метафора обладает, с одной стороны, современным характером, с другой стороны, характером вневременным, однако важно проанализировать возможность функционирования военной метафоры в среде военного дискурса. Военный дискурс как институциональный тип дискурса обладает такими особенностями, как неизолированность и открытость, которые способствуют появлению интердискурсивности, или интерференции дискурсов. В этом в плане военный дискурс похож на спортивный дискурс, который «направлен на широкую аудиторию потребителей. Это влечет за собой апелляцию к базовым архетипам человеческого сознания. Данные архетипы материализуются в словесной ткани спортивного репортажа в форме базовых метафор, которые транслируют культурные смыслы других значительных дискурсов – являются узлами интердискурсивности» [Кудрин 2010: 77]. Таким образом, военная метафора в других типах институционального дискурса отражает архетипы военного дискурса, с одной стороны, с другой – является средством интерференции дискурсов.

В рамках дискурса метафора рассматривается как явление дискурсивное: «метафора – один из инструментов нашего видения и понимания мира. Это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы. Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Кудрин 2010: 78].

По мнению С. А. Кудрина, одной из базовых метафор спортивного дискурса является «футбол – это война». Исследователь подчеркивает, что каждая базовая метафора имеет фреймовую организацию и может быть разделена на более мелкие метафоры. С. А. Кудрин анализирует «фрагменты базовой метафоры «спорт – это война», иллюстрирующие соприкосновение двух дискурсов: спортивного и военного – и привносящие определенные культурные смыслы в спортивный дискурс» [Кудрин 2010: 78]. «Более мелкими метафорами» в рамках базовой метафоры «футбол – это война» являются метафоры «соперник – враг» («трансформация конкретной команды во вражескую перед игрой неизбежна и необходима для актуализации ролевой ситуации, присущей войне» [Кудрин 2010: 79]) и «игра – битва» («действия, происходящие на футбольном поле, метафорически выражаются в форме военных действий, военных операций, баталлий, штурма» [Кудрин 2010: 79]).

Метафора в среде военного дискурса является разнонаправленной. С одной стороны, (1) неспециальные (невоенные) средства выражения становятся репрезентантами военных понятий и явлений. С другой стороны, (2) военные номинации экспансируются в другие предметные области. Возможен и вариант (3) расширения семантического объема номинации внутри военного дискурса.

Приведем примеры.

(1) *Хвостъ* ‘задняя часть войска’: *за нимъ шель 1-й Московскій, а 2-й С.-Петербургскій находился на хвостѣ. Начались трудности страшныя!* [Донской полк... 1891: 20].

Театръ военныхъ дѣйствій: Съ 1873 года мѣняется для Бутырскаго полка театр военныхъ дѣйствій и переносится сначала на Сѣверный кавказъ, а потомъ – на Закавказье, гдѣ онъ, подъ разными названіями, почти безъ перерывовъ до 1864 г., ведетъ борьбу то съ персіянами, то съ турками [Подарок... 1892: 8].

Дбло ‘сражение, битва’: *ограничусь лишь указаніемъ лишь однихъ важнѣйшихъ дблъ, которыя записаны крупными буквами въ полковой исторіи [Подарок... 1892: 8]*

Силы ‘войска’: *Шахъ-Заде, по словамъ плѣнныхъ, поджидаль только прихода своей отставшей тяжелой артиллеріи – съ пушками большаго калибра, чтобы обрушиться на русскихъ со всею массою своихъ силъ [Подарок... 1892: 29]*

Летучий ‘быстрый’: *Въ 9 час. пріѣхали къ полю у Калуги, на которомъ были выстроены: 9-й пѣхотный Ингерманландскій, 10-й Новоингерманландскій, 3-я артиллерійская бригада и два летучихъ артиллерійскихъ парка [Дневник 1923: 148].*

Тучи, полчища ‘войска’: *загрохотали ночь. Большія персидскія орудія, а затѣмъ цѣлыя тучи непріятельской кавалеріи ринулись на нашъ лагерь [Подарок... 1892: 30].*

(2) Данные примеры подтверждаются лексемами типа *магазинъ, милиція, репетиторъ, репетиціи, дежурство*, ушедшие позже из военной концептосферы в другие понятийные области.

Магазинъ: *пополненіе израсходованныхъ запасовъ изъ полковыхъ обозовъ производилось обыкновенно подвозомъ изъ магазиновъ, заложенныхъ на базѣ: въ Турецкую войну 1806-1812 г.г. такіе магазины были заложены въ Подольской, Кіевской и Херсонской губерніяхъ... [Курс 1913, т. 7: 136]*

Милиція – *Однако, чтобы хотя нѣсколько облегчить населеніе, правительство пріѣгло къ слѣдующимъ мѣрамъ: во 1-хъ, къ замѣнѣ части рекрутъ так называемыми кантонистами, во 2-хъ, - къ образованію милиціи и ополченія, и въ 3-хъ, - къ образованію военныхъ поселеній [Курс 1913: 56].*

Репетиторъ – *по назначенію инспекторовъ классовъ репетиторы помогаютъ преподающимъ въ веденіи практическихъ занятій, производствѣ репетицій и т. п. [Энциклопедія 1883, т. 1: 93].*

Репетиціи – *въ теченіе курса производятся репетиціи, а при выпускѣ – экзаменъ [Энциклопедія 1883, т. 1: 97]. Репетицій по отдѣламъ пройденныхъ курсовъ не производитъ, а для повѣрки знаній юнкеровъ спрашивать ихъ возможно чаще въ теченіе всего курса [Виленское училище 1900: 15].*

Дежурство – Такъ, напримѣрь, всѣ штабы состояли изъ двухъ частей: квартирмейстерской и дежурства, и не только начальникъ штаба дивизіи состоялъ «въ точномъ подчиненіи» начальнику штаба корпуса, а этотъ послѣдній – начальнику штаба арміи, но въ такомъ же смыслѣ подчинялись и чины квартирмейстерской части и чины **дежурства**, т. е. дивизионный квартирмейстеръ подчинялся корпусному оберъ-квартирмейстеру, который подчинялся генераль-квартирмейстеру арміи [Курс 1913, т. 7: 100]

(3) **оружіе** ‘вооружение’ – **оружіе** ‘военные силы, армия’: славу поддерживалъ, участвуя въ неоднократныхъ успѣхахъ **россійскаго оружія** противу турокъ, персіянь и горскихъ племенъ [Подарок... 1892: 11].

Кто-же изъ нихъ не исполнялъ его предписаній, тѣхъ онъ быстро и рѣшительно, силою **оружія**, приводилъ ихъ к неповиновенію [Подарок... 1892: 15].

Было совершено съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, а равно о благополучномъ путешествіи и возвращеніи Намѣстника Кавказскаго и о дарованіи **русскому оружію** торжества надъ врагами. [БК 1856: 2].

Данная милитарная метафора иногда дополняется лексемой с семой ‘этническая (национальная) принадлежность’: **русское оружие**.

Мечъ ‘оружие, вооружение’: *если заставите меня вынуть **мечъ мой**, то увѣрю васъ въ брѣю мою, ужъ не возвратитесь вы въ землѣ, гдѣ родились, гдѣ предки ваши и сродники васъ возрастили* [Подарок... 1892: 16].

Рать ‘войско’ – **ратъ** ‘огромное войско’: *Тогда Аббасъ-Мирза двинулъ свою 40-тысячную **ратъ** къ Араксу, выславъ впередъ 10-тысячный авангардъ подъ начальствомъ сардаря Пиръ-Кули-Хана* [Подарок... 1892: 19].

Под ружьемъ ‘находясь на военной службе’: *И по штатамъ-то число людей во всѣхъ частяхъ не превышало 15 тысячъ; на самомъ же дѣлѣ, **подъ ружьемъ** не было и 8 тысячъ* [Подарок... 1892: 20].

Номинации, возникшие в результате метафорического словообразования, характеризуются

- по критерию (1) персональность / (2) предметность:

(1) **Кадръ** ‘военнослужащій’: *Къ тому-же, для образованія **кадровъ** «новыхъ» полковъ, Петръ взялъ не мало людей изъ обоихъ «старыхъ» - и особенно изъ Бутырскаго* [Подарок... 1892: 6].

Начальник ‘полководец’: *храбрѣйшій начальникъ русскаго отряда неизмѣнилъ способа своихъ дѣйствій: подпустивъ атакующихъ на близкую дистанцію, он осыпалъ ихъ дождемъ пуль и картечи* [Подарок... 1892: 30]

Богатырь ‘воин, солдат’: *Циціановъ, котораго самъ великій Суворовъ ставилъ въ примѣръ своимъ чудо-богатырямъ, заповѣдуя въ одномъ изъ своихъ приказовъ 1794 года «сражаться также, какъ сражается храбрый генералъ, князь Циціановъ», и котораго Екатерина Великая называла «своимъ генераломъ»* [Подарок... 1892: 18].

(2) **Команда** ‘подразделение’ → **команда** ‘руководство’: *первая изъ нихъ [колонна] поступила подъ команду сына Шаха* [Подарок... 1892: 19].

- по критерию объема номинации: одночленные, двучленные, многочленные.

Другим – менее распространенным средством семантической деривации в сфере военного дискурса была милитарная метонимия. Метонимизация в большей степени отражается на образовании наименований лиц и связана с сужением понятия по метонимической модели ‘один человек’ □ МНОЖЕСТВО Л

Чинь ‘человек определенного звания’: *Шахъ-Заде отвѣтилъ на это, что у него нѣтъ никакихъ русскихъ солдатъ, и что всѣ нижніе чины погибли тогда въ бою* [Подарок... 1892: 40]

Непріятель, врагъ ‘неприятельская армия’ (аналогично враг ‘вражеская армия’): *Около восьми часовъ утра получено было донесеніе изъ укрѣпленія, занимаемаго 62-мъ Суздальскимъ полкомъ, что непріятель въ значительныхъ силахъ наступаетъ* [Ловча... 1881: 205];

Объ этомъ стали подумывать еще и потому, что во время Восточной войны, благодаря громадному развитію нашихъ вооруженныхъ силъ для отраженія могучаго врага, явился большой недостатокъ въ строевыхъ офицерахъ арміи [Виленское училище 1900: 6].

Солдатъ ‘солдаты, военнoслужашіе’: *Если объ офицерахъ, произведенныхъ въ армію изъ кадетскихъ корпусовъ, говорилось, что они по выпускѣ изъ корпуса не только не могли руководить солдатомъ, но еще сами нерѣдко нуждались въ дядькѣ, и что въ нихъ была развита самоуверенность и замѣчался недостатокъ научныхъ знаний* [Виленское училище 1900: 3]

Другая продуктивная метонимическая модель укрепление ‘процесс’ – укрепление как ‘военно-техническое сооружение’ – укрепление как ‘место распо-

ложения дополнительных войск': *Около восьми часов утра получено было донесение из укрепления, занимаемого 62-мъ Суздальскимъ полкомъ, что непріятель въ значительныхъ силахъ наступаетъ. Посему тотчасъ были посланы три роты на подкрѣпленіе, за ними баталіонъ съ 3-й батареей – и весь бивакъ былъ поднятъ, причемъ 63-й Углицкій полкъ направленъ былъ въ резервъ нашего праваго фланга [Ловча... 1881: 205].*

Конверсия как средство семантической деривации выражена в среде персонифицированных номинаций, реализуется путем перехода прилагательных и причастий в категорию существительных:

рулевой [Энциклопедия 1883, т.1: 101],

рядовые [Нижние чины 1891: 2],

строевые [Курс 1913, т. 7: 12],

нестроевые [Курс 1913, т. 7: 12],

колонновожатые [Курс 1913, т. 7: 104],

увѣчные [Военная энциклопедия, т. 18: 339],

отставные [Военная энциклопедия, т. 18: 339],

раненые [ВЭ Сытина, т. 18: 339],

уволненные въ отставку [Военная энциклопедия, т. 18: 340].

Контекст:

Организація полевого управления была неудачна: непосредственно главнокомандующему, кромѣ начальника штаба, подчинялись 10 лицъ: интендантъ, начальники артиллеріи, инженеровъ и военныхъ сообщений, полевой главный контролеръ, полевой главный казначей, поход [Энциклопедия 1883, т. 6].

Средства семантической деривации занимают особое место в речевой культуре русского военного дискурса, анализ функционирования военной метафоры позволяет исследовать процессы взаимодействия разных типов дискурса, а также изучить семантические явления военного дискурса.

3.4. ДИНАМИКА ВОЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА XIX ВЕКА

XIX век как век развития российского государства и всех его институциональных структур ознаменовался становлением специальных пластов русской языковой системы, особое место в которой занимали «отраслевые» языковые образы представителей русской государственности, среди которых были и представители армии.

Языковой образ военнослужащего неразрывно связан с совокупностью понятий, окружающих военную сферу, проникающих в нее. В их число входит понятие военной структуры. Военный дискурс XIX века пронизан большим ко-

личеством номенклатурных наименований разного порядка, отражающих реалии военного быта и военной конъюнктуры того периода.

По мнению А. А. Зализняк [Зализняк], «понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки». Таким образом, понятие картины мира обязательно соотносится с национальным, а с другой стороны, представляет собой противоположность чисто научным представлениям о мире.

Вопросы ментальности и языкового кругозора военнослужащих редко становятся темой научных публикаций. Зачастую к этому вопросу обращаются при решении практикоориентированных задач. Например, Л. И. Лурье, Р. М. Нургалиева подчеркивают необходимость учета ментальности военнослужащих стран-союзников и стран-противников, а также языковое сознание гражданского населения в его отношении к военнослужащим [Лурье, Нургалиева 2010: 98]. Относительно новым в лингвистических исследованиях является обращение к номинациям военной структуры в аспекте развития, а не статичного состояния языковой подсистемы.

Военнослужащий проходит необходимый путь социализации, который сопровождается: «формированием навыков социализации; приобщением военнослужащих к профессиональной культуре и многообразию культурных пластов, сопровождающих их деятельность; пониманием речи противника (для военнослужащих язык является не только сферой сотрудничества с сослуживцами, но и фактором противостояния противнику)» [Лурье, Нургалиева 2010].

Военнослужащие как социально-профессиональная группа имеют ярко выраженные социокультурные и социально-бытовые особенности. Служба в армии – это период приобщения к языковой культуре войсковой структуры как социального института. Формирование языковой личности военного «осуществляется в условиях такой социальной организации, которая жестко регламентирует все стороны жизни индивидов. Освоение профессии военнослужащего предполагает не только изучение определенного набора дисциплин, приобретение тех или иных компетенций, но и адаптацию в мире, где правила унификации, решительные действия по приказу распространяются на все области человеческой жизни» [Лурье, Нургалиева 2010]. Таким образом, «военный» тип общения и военную языковую картину мира образует социальная организация армии, построенная на высокой социально-профессиональной регламентации действий (в том числе языковых) и на высокой степени контроля жизнедеятельности военных.

Военной языковой картине мира присущи собственные языковые модели, понятийные и лингвокультурные оппозиции, отношения разного уровня и по-

рядка. Характерная черта военного подъязыка – бинарные лингвокультурные пары, в числе которых есть оппозиция «война – мир» [Кацюба, Калмыкова 2011: 88]. Данная оппозиция заняла прочное положение в языковой картине мира военных, что подтверждается языковым опытом русского народа (источниками фольклорного происхождения). Однако любое явление языковой картины мира должно быть оценено не только с лингвокультурной стороны, но и с семантической и семиотической сторон, без чего не может быть сделана объективная оценка его функционированию в реальной языковой среде того или иного периода.

Представление военнослужащего о реальном мире связано с представлением о военной структуре, а именно административной иерархии армии. Военная система, с одной стороны, является характерной чертой военной сферы, с другой стороны, становится частью менталитета военнослужащих. Задачей нашего исследования является исследование процесса вербализации понятия военной структуры в языковой картине мира военнослужащего XIX века.

Оценка лингвистического описания иерархии должна начинаться с оценки экстралингвистического фона. Иерархия в армии регламентировалась на протяжении XVIII-XIX веков следующими документами: Уставом Воинским (1816 г.), Учреждениемъ для управленія большою действующею арміею (1812 г), Уставомъ для управленія арміями в мирное и военное время (1846 г.), Положением о полевом управлении войск в военное время (1868 г.) и иными актами.

Большую группу в сфере номинаций структуры составляют названия военных ведомств. Официальные названия военных ведомств и подразделений ранжируются по принципу соподчинения (иерархии). В плане *экстралингвистическом* подобные номинации различаются по той роли, которую они играют в жизнедеятельности армии и в ее функциональном кругообороте. В плане *лингвистическом* можно выделить несколько «граней» подобных сочетаний и лексем, в частности, обратить внимание на словообразовательные особенности и морфологический состав номинаций, которые представляют собой либо однословное субстантивное наименование (*департамент*), либо двусловное адъективно-субстантивное сочетание (*генеральный штабъ*). Применительно к дискурсу целесообразно также коснуться *прагматилистического плана* (аспекта анализа).

Номинации военной структуры имеют важную смысловую и функциональную (коммуникативную) нагрузку в военном дискурсе. В рамках различения функционала военнослужащих они подчеркивают четкое ранжирование военной системы, ее организованность, упорядоченность. В то же время изменение названий, внедрение новых названий говорит о динамике развития экстралингвистического фона военного дискурса, а также о тех социальных, содержательных изменениях, которые сопровождают развитие вооруженных сил Российской империи.

Приведем контекстные употребления официальных названий военной структуры в порядке убывания «веса» соответствующих понятий в армейской иерархии (крупное – мелкое, значительное – незначительное).

Генеральный штаб [варианты: **генераль-штаб**, **главный штаб**]:
Чтобы покончить съ этимъ, по приказанію кн. Волконскаго и подъ непосредственной редакціей Толя было издано "Руководство къ отправленію службы чиновникамъ (офицерамъ) дивизионнаго генераль-штаба.

Поэтому былъ созданъ **Главный штаб** Его Императорскаго Величества, в составъ котораго входили: 1) начальникъ штаба, 2) военный министръ, 3) инспекторъ артиллеріи, и 4) инспекторъ инженернаго корпуса [Курс 1913: 90].

Тобольскій Гражданскій Губернаторевъ каждый годъ, к назначенному Генераль-Губернаторомъ Западной Сибири сроку, доставляетъ въ **Штабъ** Командира Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса подробное расписаніе о числѣ пѣшихъ и конныхъ нижнихъ чиновъ баталіона и полка, потребномъ гражданскому вѣдомству для исполненія постоянныхъ и временныхъ должностей [Курс 1913: 7].

Управленія, департаменты:

Снабженіе арміи медицинскими средствами вѣдало два органа, **медицинскій и комисаріатскій департаменты** [Курс 1913: 89].

Преобразование **генераль-аудиторскаго департамента**, отнынѣ подчиненнаго Военному министру, заставило его утратить характер независимаго высшаго военно-судебнаго установленія [Курс 1913: 90].

Главный полевой штабъ состоялъ изъ четырехъ "главныхъ отдѣленій штаба": 1) управленія начальника Главнаго Штаба арміи, 2) **полевого артиллерійскаго управленія**, 3) **полевого инженернаго управленія** и 4) **интендантскаго управленія** [Курс 1913: 96].

Слово «подразделения» активно заменяется на лексемы «**ведомство**», «**часть**».

Окончательная передача в руки **артиллерійскаго вѣдомства** снабженія арміи огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ [Курс 1913: 89].

Полная передача в руки **инженернаго вѣдомства** постройки, содержанія, отопленія и освѣщенія казармъ и воинскихъ зданій [Курс 1913: 89].

При всемъ томъ необходимо отмѣтить въ новомъ положеніи весьма важную политическую сторону, это именно включеніе въ составъ центрального военнаго управленія **квартирмейстерской части** и постановку ея на соответственное мѣсто [Курс 1913: 92].

Въ завѣдываніи дежурнаго генерала находилось все, относящееся до завѣдыванія по личному составу арміи, по **строевой, обозной, военно-полицейской и военно-судной частямъ**, по завѣдыванію почтой, военными дорогами и госпиталями [Курс 1913: 96].

Начальники артиллеріи и инженеры вѣдали **войсковыми частями** соответствующихъ родовъ оружія, парками и пр. [Курс 1913: 96].

Более мелкие подразделения именуются **«отделы», «комитеты», «инспекціи», «депо»:**

Военно-топографическое депо, на которое было возложено: собираніе, составленіе и храненіе картъ, плановъ [Курс 1913: 89].

Военно-ученый комитетъ, цѣль учрежденія котораго состояла въ "усовершенствованіи ученой части военного искусства и въ распространеніи военно-научныхъ свѣденій [Курс 1913: 89].

Дальнѣйшее развитіе положенія 1815 года состояло въ учрежденіи **генераль-инспекціи** артиллеріи и инженеровъ, во главѣ которыхъ были поставлены генераль фельдцейхмейстеръ Великій Князь Михаилъ Павловичъ и генераль-инспекторъ инженернаго корпуса, Великій Князь Николай Павловичъ [Курс 1913: 92].

Положеніемъ этимъ было повѣлено: Оренбургское казачье войско по-прежнему оставить въ зависимости войсковой канцеляріи, съ подчиненіемъ по дѣламъ военнымъ инспектору **Оренбургской инспекціи** (военный губернаторъ), а по гражданскимъ губернскому начальству [Курс 1913: 92].

Проанализировавъ состав репрезентантовъ военной языковой картины мира, мы пришли к выводу, что иерархия является территориально закрепленной. Соответствующие номинации являются унифицированными, однородно структурированными для разныхъ территорий (военныхъ округов). Сема 'отношение к территории', присущая ряду «военныхъ» лексем, связана, во-первыхъ, с отнесенностью к определенной территории, во-вторыхъ, с близостью или удаленностью от «центра»:

Въ мирное время всѣ отрасли сосредоточиваются въ центральномъ военномъ Управленіи... [Энциклопедія 1883: т. 8, с. 51].

Сема 'подвижность' / 'неподвижность' связана с наличием службы в структуре войска или «отдельно»: *Часть этихъ органовъ состоитъ при войскахъ, другіе – неподвижны [Энциклопедія 1883: т. 8, с. 50].*

Отсутствие четкой лингвистической интерпретации большинства элементов иерархии свидетельствует, с одной стороны, о зыбкости этихъ понятий в языковомъ сознании говорящихъ, с другой – об активномъ становлении военной лексической системы в языке XIX в. Формирование военной структуры оформляется внедрениемъ в русскую речевую практику новыхъ номенклатурныхъ номинацій: ***коллегія – министерство, экспедиція – департаментъ***:

Военная коллегія дѣлилась на 3 экспедиціи: 1)армейскую - Дѣла по кавалеріи и инфантеріи, 2) гарнизонную, и 3) артиллерійскую и фортификаціонную [Энциклопедія 1883: т. 2, 200];

1798 г. Военная коллегія дѣлилась на экспедиціи: армейскую, гарнизонную, приказную, иностранную, рекрутскую, ремонтную и учебную (по учр-ію о школахъ), кромѣ того, при ней были особыя экспедиціи: военная, счетная, инспекторская, генераль-аудиторіатъ, комисаріатская, привіантская, артиллерійская, чертежная съ архивомъ и морское артиллерійское депо [Энциклопедія 1883: т. 2, 200].

Динамический процесс развития военной структуры, при которомъ происходитъ усложнение структуры департаментовъ, усложнение военной конъюнктуры, представленъ в таблицѣ 4.

Таблица 4

Процесс развития военной структуры

	XVIII век: Коллегія	XIX век: Министерство
Общее название органа	Военная коллегія	Военное министерство
Название отдела	Экспедиція	Департаментъ, Комитетъ (инспекторскій, провіантскій, комисаріатскій, артиллерійскій, инженерный, военныхъ посѣлений. Медицинскій, аудиторскій)
Название руководителей	Президентъ, вице-президентъ	Военный министръ

Экстралингвистический фон номинаций военной структуры связан с их негативной оценкой в языковом сознании военнотружущих XIX века. В частности, в «Энциклопедии военных и морских наук» говорится:

*Совокупность органовъ для высшего управленія арміями въ военное время. Характерные особенности его: 1) **недовѣріе** к единоличнымъ распоряженіямъ начальников; 2) существованіе въ арміи различныхъ должностныхъ лицъ, **подчиненныхъ только своему спец. начальству, но не начальнику той части, при которой состояли** (квартирмейстеры, комиссарскіе чины, профосы, фискалы), что приводило к разногласію въ распоряженіяхъ и недоразумѣніямъ [Энциклопедия 1883: т. 2, с. 72].*

В дискурсах субъективность авторов может отражаться в оценке отдельных аспектов устройства армии:

Составъ полевого управленія былъ громаденъ: 18 генераловъ, 109 офицеровъ, 314 чиновниковъ, 767 нижнихъ чиновъ, 800 повозокъ, 2 ½ т. лошадей [Энциклопедия 1883: т. 2, 72].

По системе репрезентантов можно судить об устройстве концепта **‘военная структура’**. Последний включает такие категории, как:

- ‘иерархические отношения’: *начальник, главный – подчиненный, подчинить:*

***Начальникъ** штаба дивизіи подчинялся былъ подчиненъ начальнику штаба корпуса, а тотъ - начальнику штаба арміи [Энциклопедия 1883: т. 2, с. 72].*

*Организація полевого управленія была неудачна: непосредственно главнокомандующему, кромѣ начальника штаба, подчинялись 10 лицъ: интендантъ, начальники артиллеріи, инженеровъ и военныхъ сообщений, полевой **главный** контролеръ, полевой главный казначей, походный атаманъ, главноуполномоченный общества краснаго креста, заведующіе гражданскою и военно-судн. частями [Энциклопедия 1883: т. 2, с. 72].*

- ‘объект иерархии’:

***Органъ:** Но еще до примѣненія его на практикѣ, признано необходимымъ дать большое развитіе тѣмъ органамъ, кои должны были вѣдать сообщеніями арміи, подвозомъ всего необходимаго ей, вывозомъ раненыхъ, и проч. [Энциклопедия 1883: т. 2, с. 72].*

- ‘субъект иерархии’: *командиръ, заведующій, начальникъ, главный (...)*

Нѣсколько расширена власть хозяйственныхъ распорядителей по заготовленіямъ и проч. [Энциклопедия 1883: т. 2, с. 72]. Подчиненные... этихъ лицъ подчинялись строевымъ начальникамъ [Энциклопедия 1883: т. 2, с. 72].

Репрезентация концепта 'военная структура' в языковом сознании военнослужащих связана с указанием на статусность военнослужащих, их последовательное соподчинение. Так, из предыдущего контекста ясно, что начальник штаба корпуса является одновременно и начальником, и подчиненным.

Каждый элемент военной структуры обладает следующими отраженными в языке особенностями:

1. Наличие руководителя: департаментъ – директоръ:

Во главѣ департаментовъ поставлены директора и они именовались инспекторъ артиллеріи, генераль-провіантмейстеръ, инспекторъ инженерного корпуса, генераль-кригскомиссаръ, генераль-штабъ-докторъ и генераль аудиторъ [Энциклопедия 1883: т. 2, 235].

2. Наличие включаемых подразделений: министерство – департамент – отдел:

Военное министерство должно было состоять изъ: 1) департаментовъ Артиллерійскаго, Инспекторскаго, Провіантскаго; 2) канцеляріи; 3) особыхъ установлений - Воен.-Учен. Комитета, воен.-Топогр. Депо и Военной типографіи [Энциклопедия 1883: т. 2, 235].

Обратим внимание на то, что для военного дискурса XIX века характерны метонимические модели: **учрежденіе** 'создание подразделения' – 'название подразделения' – 'документ, устанавливающий подразделение': *въ 1811 г. издано «Общее учрежденіе министерствамъ»*; **присутствіе** – 'присутствіе чиновниковъ' – 'место для приема посетителей по разным вопросамъ'; 'военное дежурство, смена', 'дежурство' – штаб, дежурные офицеры:

Для дѣлъ, требовавшихъ общаго соображенія, въ каждомъ департаменте образовалось общее присутствіе, изъ начальниковъ отдѣлений и особо назначенныхъ лицъ [Энциклопедия 1883: т. 2, 235].

3. Четкое разграничение функций и полномочий:

инспекторы артиллеріи и инженерного корпуса, управляя департаментами, о хозяйственныхъ дѣлахъ представляли военному министру, а по остальнымъ – начальнику штаба [Энциклопедия 1883: т. 2, 235].

4. Четкое разграничение функций в мирное и военное время:

Главный штабъ въ мирное время не составлялъ административной инстанціи, и только нѣкоторые чины его управляли особыми частями; въ воен-

ное время онъ могъ дѣйствовать въ приведенномъ составѣ только по особому высочайшему повелѣнію, причѣмъ въ повелѣніи долженъ былъ оговариваться кругъ деятельности Главнаго штаба и отдѣльныхъ чиновъ его [Энциклопедія 1883: т. 2, 236].

В формальном отношеніи элементы, называющіе военные номенклатурные названия, обладают ярко выраженными словообразовательными особенностями, характерными суффиксами (например, морфемами **-ать, -тор: комиссаріать, генераль-аудиторіать:**

званіе начальника Главнаго штаба Е. И. Вел. Упразднено; вновь учреждены Военный совѣтъ и Генераль-аудиторіать [Энциклопедія 1883: т. 2, 236]; *инспекторъ, аудиторъ, директоръ (департамента)*. Многие названия образовались способом

-сложения слов с элементом «военно-»: *Военно-ученый комитетъ* [Энциклопедія 1883: т. 2, с. 236], *Военно-медицинское управленіе, управленіе военно-учебныхъ завѣденій, Военно-судное управленіе* [Энциклопедія 1883: т. 2, с. 237], *военно-конскіе заведенія, военно-походная канцелярія* [Энциклопедія 1883: т. 2, с. 239]: *до 1881 г. при военно-походной канцеляріи состояло особое отдѣленіе для завѣдыванія собственными дѣлами Е. Вел., но въ этомъ году оно упразднено* [Энциклопедія 1883: т. 2, с. 239].

-присоединения префиксоидов: *генераль-аудиторъ, генераль-фискаль, оберъ-аудиторъ* [Энциклопедія 1883: т. 2, с. 200], *генераль-кригсъкомиссаръ, генераль-штабъ-докторъ.*

Проследив отраженіе в военной языковой картине мира представленія о военной структуре, мы пришли к выводу, что репрезентируемый концепт 'структура' выполняет основополагающую и организующую функцию как в военной концептосфере XIX века, так и в сфере военного подъязыка.

3.5. ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИЗАЦИИ

Несомненно, важнейшую роль военная лексика (военные архаизмы и историзмы) выполняют в качестве средства исторической стилизации. Яркий пример этому – стилизация исторических событій и лиц XIX века. Проанализируем представленность единиц военного дискурса в романах Ю. Тынянова о пушкинской эпохе.

Неистовый республиканец, поэт, драматург и журналист, Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797-1846) был одним из тех, кто 14 декабря 1825 года

вышел на Сенатскую площадь. После поражения восстания он был приговорён к смертной казни, заменённой многолетней каторгой. Имя Кюхельбекера на долгие годы было забыто, потомки поэта в достаточной мере не оценили его творчество, его роль в литературной жизни 1820-х годов. Между тем он был защитником самобытности русской литературы, боролся за чистоту русского языка. Со времен лица Вильгельм Карлович был другом Пушкина, обратившего к нему многие строки и в стихотворении «19 октября» (1825) назвавшего его «братом родным по музе, по судьбам».

Роман «Кюхля» ознаменовал собой приход в русскую литературу мастера исторической прозы Юрия Николаевича Тынянова (1894-1943), заслугой которого стало восстановление исторической правды и справедливости по отношению к Кюхельбекеру.

Тематически все главные художественные произведения Тынянова связаны с прошлым России и её культуры. Можно сказать, что Тынянов как учёный был не только филологом, историком литературы, но и историком России. Тынянов превратил исторических персонажей в живых людей, соединив их психологические черты со своими собственными. «В Кюхле он воплотил свою собственную романтическую веру в литературу, в Вазир-Мухтаре – широту ума и глубокий скепсис, в Пушкине – дух свободы и творческой веселости» [Новиков 1998: 400].

Юрий Тынянов отлично владел приёмом исторической стилизации, точно воспроизводил особенности речи разных эпох. Как замечает В.Каверин, Тынянову «было достаточно одной подробности, чтобы восстановить весь её строй – исторический, этнографический, лексический, - к которому она относилась» [Каверин 1981: 7]. По мнению А.Алпатов, «автор исторического произведения, в особенности автор-реалист, стремится в какой-то степени отразить особенности речевого строя эпохи не только в высказываниях героев, в диалогах, но и в общем стиле изложения» [Алпатов 1970: 16]. Для воссоздания эпохи декабристов в романе «Кюхля» Тынянов использует устаревшую военную лексику, которая соответствует речевому строю первой четверти XIX века:

1) наименования воинских подразделений и родов войск: *Один молодой офицер ответил нехотя: «В Семёновском полку замешательство»* [Тынянов 1975: 113]. *Он схватил Мишеля цепкой рукой: «В гвардейской конной артиллерии не хотят присягать – поезжай туда»* [Тынянов 1975: 307]. *Он догадывается: скачет где-то конница* [Тынянов 1975: 314]. В тексте встречаются названия отдельных войсковых единиц: **Московский полк, Финляндский полк, правительственные полки.**

2) наименования лиц (персоналии):

по воинскому чину: **поручик** - офицерский чин рангом выше подпоручика и ниже штабс-капитана, а также лицо, имеющее этот чин: *За столом уже сидели гости и пили чай: Булгарин в венгерке, сосавший чубук, какой-то поручик,*

маклер и домашние [Тынянов 1975: 310]. **Унтер-офицер** - первый военный чин, после звания рядового или ефрейтора: *вдруг со всех сторон...набежали сторожа, унтера, а впереди всех, с пистолетом в руке, бежал потрясенный генерал* [Тынянов 1975: 74]. **Штабс-капитан** - в пехоте и в драгунах: чин между поручиком и капитаном: *Миша Бестужев, штабс-капитан... говорит Рылееву: «Мне Якубович не нравится»* [Тынянов 1975: 297].

по воинской должности: *Этот молодой генерал...был уже начальником штаба гвардейского корпуса* [Тынянов 1975: 138]. **Полковой командир Шварц** был выученик аракчеевской школы [Тынянов 1975: 114]. он заставлял Николая играть жалкую и пустую роль **бригадного и дивизионного командира** [Тынянов 1975: 270]. **Ординарец** - офицер для поручений при командующем: *За ним [за генералом] ехали ординарцы* [Тынянов 1975: 117]. **Фельдъегерь** – военный или правительственный курьер для доставки важных, преимущественной секретных документов (2.2;325): *летели фельдъегери с эстафетами в Варшаву и в Петербург* [Тынянов 1975: 216].

по принадлежности к родам войск: **гренадер** – солдат особых отборных воинских частей: *Он спрятал батальон павловских гренадеров с заряженными ружьями в экзерциргаузе* [Тынянов 1975: 115]. **Гусар** – военный из особых частей лёгкой кавалерии, отличающихся формой венгерского образца: *Пушкин спрыгнул на стол между бутылок. Гусары захлопали* [Тынянов 1975: 77]. **Лейб-гвардейцы** – офицеры или рядовые лейб-гвардии, привилегированного войско в ряде монархических государств, в том числе в дореволюционной России; личная охрана монарха (2.2;158): *Саша Одоевский был родственник Грибоедова, молоденький лейб-гвардеец, румяный, с синими глазами* [Тынянов 1975: 246].

3) наименования наград, знаков отличия: **лента** – надеваемая наискось через плечо и грудь широкая шёлковая полоса, к которой прикрепляется орден высшей степени: **лента через плечо** – орден первой степени, с лентой через плечо: *Сам министр – с лентой через плечо, толстый, курчавый, ... завитой и напояженный* (1.1;41). **Орден в петличке (петлица** – обметанная или нашивная петля на верхней одежде): *его держит за руку человек в черном фраке, с орденом в петличке* [Тынянов 1975: 38].

4) наименования оружия: **алебарда** – фигурный топорик на длинном древке: *В будке...спал старый будочник, прислонив к стене свою алебарду* [Тынянов 1975: 305]. **Клинок** *вонзился в дерево, трепеща* [Тынянов 1975: 79]. *Саша протянул ему с готовностью длинный караульный пистолет с шомполом* [Тынянов 1975: 311]. *[Молодой гвардеец] прилаживает ружьё к плечу* [Тынянов 1975: 317]. **Шпага** – колющее оружие с прямым длинным клинком: *«Извольте идти под арест и отдайте вашу шпагу»* [Тынянов 1975: 274]. *Часовой загородил путь штыком: «Не велено пускать»* [Тынянов 1975: 317].

5) наименования предметов обмундирования: **ботфорты** – нарядные сапоги со стоячими голенищами выше колен, с раструбом и подколенной вы-

резкой; употребляются в тяжелой коннице: *он... натянул ботфорты и с удовольствием посмотрел на себя в зеркало* [Тынянов 1975: 41]. **Венгерка** – гусарская куртка с нашитыми поперечными шнурами (2.3;70): *За столом уже сидели гости и пили чай: Булгарин в венгерке, сосавший чубук, какой-то поручик, маклер и домашние* [Тынянов 1975: 310]. **Гвардейские лосины** – белые штаны из лосиной кожи как часть военной формы: *Приехал к ней...молодой кузен Альбрехт, затянутый в гвардейские лосины* [Тынянов 1975: 32]. **Ментик** – короткая гусарская куртка со шнурами и меховой опушкой: *Каверин в расстегнутом ментике, в белоснежной рубашке, сидел в креслах* [Тынянов 1975: 76]. **Мундир** – форменная одежда с золотым или серебряным шитьём для военных и гражданских чинов: *Барон надевает старомодный мундир с орденами* [Тынянов 1975: 38] **Шинель** – форменное военное пальто: *В санях сидит офицер. Он ...куда-то собирается и кричит другому, который стоит без шинели, в одном мундире* [Тынянов 1975: 316]

б) другие слова: **амуниция** - всё, что составляет одежду и вооружение военнослужащего: *послал в полк приказ привести роту...в экзерциргауз для справки амуниции* [Тынянов 1975: 117]. **Казарма** – казённое здание, предназначенное для размещения воинской части; **фрунт** – фронтовая, строевая служба (2.1.4;539): *«Фрунт, казарма, Аракчеев – Лицей пропал, - пронеслось у него в голове. – Конец...нашему доброму Лицею»* (1.1;69). **Муштра** - суровая система военного обучения: *[царь] с утра до ночи занимался теперь муштрой в полках* [Тынянов 1975: 69]. **(Гвардейский) экипаж** – подразделение императорской гвардии: *У Адмиралтейского канала уже стоит... Гвардейский экипаж* [Тынянов 1975: 321].

Ряд наименований употребляется в переносном значении: **мундир** «предмет одежды» - «люди в этой одежде»: *Вильгельм зажмурил глаза – столько было золота на мундирах* [Тынянов 1975: 42]. *В креслах сидели мундиры, чёрные фраки* (1.1;62); **ружьё** «вид огнестрельного оружия» - «военное обучение»: *«Ты ружьё к ноге составь, будет время целиться»* [Тынянов 1975: 317]. *Энгельгардт пошёл к царю и сказал ему: «Ваше величество, разрешите мне оставить Лицей, если в нём будет ружьё»* [Тынянов 1975: 70]. **Кинжал, стилет** «виды оружия» - «непреодолимая, карающая сила судьбы» (в значимых исторических событиях): *В 1919 году блеснул кинжал студента Занда, и кинжал этот поразил не одного шпиона Коцебу* [Тынянов 1975: 101]. *Вслед за кинжалом Занда засверкал стилет Лувеля: в феврале был убит герцог Беррийский* [Тынянов 1975: 101]. [Занд Карл-Людвиг - немецкий студент, убил писателя Коцебу, приверженца Священного союза и тайного агента Александра I. Лувель Луи-Пьер - французский ремесленник, из ненависти к династии Бурбонов убил герцога Беррийского, племянника Людовика XVIII].

Ю. Н. Тынянов обращается к военной лексике (как к устаревшей, так и к современной) как к выразительному средству художественной речи. Военная

лексика выполняет в романе «Кюхля» разные стилистические функции, среди которых создание исторического колорита эпохи декабристов. М.Н.Нестеров замечает: «Как художник, Ю.Тынянов видит свою первостепенную задачу не в том, чтобы исторические факты подменять авторским вымыслом, а в том, чтобы художественно раскрыть их» (3.5;91). Художественному раскрытию атмосферы декабристского восстания способствует военная лексика, которую автор часто использует при описании событий декабря 1825 года: *У Московского полка шум, солдаты строятся, одни разбирают боевые патроны, другие заряжают ружья, тащат знамена. Среди солдат Щепин-Ростовский, а в стороне незнакомый офицер. Кругом заваруха, говор, крик, а во дворе, кажется, идёт на стоящая свалка* [Тынянов 1975: 313].

Одновременно военная лексика является средством речевой характеристики персонажей. Тыняновские герои, обсуждая детали восстания, часто используют «военные» слова, что свидетельствует об их активном участии в общем деле декабристов:

Пуцин сказал Вильгельму деловито:

- Достань тотчас же манифест, там отречение Константина давнишнее, нужно показывать солдатам, говорить, что оно вынужденное, поддельное. У меня один только экземпляр. Достанешь у Греча, у него наверное есть. А потом на площадь. Когда войска придут, - говори с солдатами, кричи ура конституции.

- Но прежде всего, - возразил Штейнгель, - ездить по казармам. В

конной артиллерии мы рассчитываем на двух офицеров. И потом Гвардейский экипаж, мы пока из Экипажа вестей не имеем [Тынянов 1975: 309].

Военная лексика в романе «Кюхля» - средство создания образа автора. Благодаря «военным» словам создаётся впечатление того, что он является участником всех описываемых событий.

И он помчался в Экипаж, в офицерские казармы, к Мише, а Саша пошел к Рылеву. В Гвардейском экипаже Миша сказал ему, что уже идет большой бунт среди москвичей, что у них генерала Шеншина убили и еще двоих - батальонного и полкового командира, - и тотчас послал брата к москвичам - узнать, выступили ли они. Как только Московский полк выступит, Миша и Арбузов скамандуют выступление Экипажу [Тынянов 1975: 311].

В ряде случаев с помощью включённой в повествование военной лексики автор выражает своё отношение к событиям и героям. Так, Тынянов (вместе с героями) негативно оценивает солдатскую муштру в рассказе о полковом командире Шварце, всячески издевавшемся над солдатами:

Для солдат Шварц создал небывалую каторгу - с утра до ночи фронт бесконечный, репетиции парадов чуть не каждую неделю. Он перестал пускать солдат на работу, говоря, что они, поработав, теряют солдатскую стойку, но

денег у солдат не было, а аракчеевский ученик требовал чистоты необыкновенной [Тынянов 1975: 114]

Одно и тоже слово, одна и та же реалия в романе могут быть как средством портретной характеристики героя, так и средством авторской иронии. Слово **пистолет** используется для создания комического эффекта – при описании действий Кюхельбекера во время восстания:

От них бежит на площадь маленький черный человек.(...)Где Вильгельм встречал его? (...)Маленький быстро говорит о чем-то с солдатами и перебегает обратно в толпу. (...) Вильгельм вынимает из кармана пистолет, опять прячет его и снова вынимает.

- Где же Трубецкой?

Вильгельм смотрит на Пуцина, хватается за голову и опрометью бежит к набережной, где в доме Лавалья живет Трубецкой. По пути он спотыкается. Пуцин глядит ему вслед и кричит:

- Да пистолет-то спрячь!

Он смотрит на длинного Кюхлю, размахивающего пистолетом, на секунду вспоминает Лицей и улыбается[Тынянов 1975: 319]

Далее **пистолет** используется как деталь, характеризующая постепенное усиление напряженности героя, его волнение за судьбу восстания:

Бритый швейцар впускает тяжело дышащего, с сумасшедшими глазами человека, смотрит на него (...), потом угрюмо снимает с него шинель.

Вильгельм вспоминает: у него в руке пистолет, и сует его в карман [Тынянов 1975: 319-320]

Описание действий Кюхельбекера в доме у Трубецкого:

Залы спокойные, с фарфором на мраморных столах, картины старых мастеров. Вильгельм проходит мимо картины, на которой изображена полуобнаженная девушка с виноградной веткой, смотрит на нее с недоумением и сжимает в кармане пистолет. [Тынянов 1975: 320].

В одном из эпизодов описывается, как «веселый мастерской отнял палаш у жандарма» и, «подмигивая», сказал Кюхельбекеру: «Ваше благородие, что же вы с пистолетиком одним разгуливаете? Палаш возьмите, пригодится», - и «сунул ему в руку палаш». При описании восстания Тынянов рассказывает о неудачной попытке Кюхельбекера застрелить генерала Воинова (трижды осечка!).

В конце восстания «с Вильгельмом происходит непонятная перемена – острота сознания остается, но злости уже нет, а есть только тонкая осторожность, сумасшедшая хитрость преследуемого зверя. (...) Он все замечает по-прежнему. Он осознает в один миг, что он без шинели, в одном фраке, и что в руке его по-прежнему зажат **пистолет**, а они должны лицом к лицу пройти сейчас мимо семеновцев. И он, наклоняясь, беззвучно роняет пистолет в снег. Рука онемела и неохотно его выпускает: за день пистолет сросся с рукой. И они проходят мимо семеновцев [Тынянов 1975: 344-345].

Следовательно, слово *пистолет* в контексте романа служит не только для создания комического эффекта, но и для характеристики эмоционального состояния героя.

Лексика военного дискурса в романе Ю.Н. Тынянова «Кюхля» является не только средством создания исторического колорита, но и средством речевой характеристики персонажей, а также средством создания образа автора. С помощью «военных» наименований писатель не только воссоздаёт эпоху декабристов, воспроизводит общественную жизнь России начала XIX века, но и рисует подробный портрет героев того времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляя собой сложное, многообразное явление, дискурс обладает неисчерпаемыми ресурсами для научно-исследовательского поиска, изучения особенностей коммуникативной структуры речевого общения.

Несмотря на сложность и многогранность понятия дискурса ученые сходятся во мнении, касающемся экстралингвистической обусловленности дискурса, его внутренней организации. Невзирая на нерешенность некоторых вопросов дискурсивности, институциональные особенности дискурса современной наукой обозначены определенно, задачей современного исследователя является их скрупулезное изучение на материале отдельных разновидностей дискурса.

Наше исследование говорит о том, что военный дискурс XIX – начала XX веков представляет собой сложно организованную целостную систему. О дискурсивности языка военных в тот период говорит объемная база источников, подтверждающая наличие спектра коммуникативных средств языка, являющихся способом передачи военного опыта и жизни военных XIX в.

Коммуникативные единицы военного дискурса функционируют в военном подъязыке национального языка всех периодов его истории, однако его формирование приходится на середину-вторую половину XIX в. Экстралингвистический фон военного дискурса XIX века формируется за счет ментальных, психологических и этнокультурных факторов; их сочетание играет важную роль в структуре дискурсивной коммуникации.

Именно диахронический – историко-лингвистический – анализ крайне важен в дискурсологических исследованиях, так как он помогает понять строение концептосферы и структуры языка в целом.

Изучив прагматические и стилистические особенности источников военного дискурса XIX в., мы пришли к следующим выводам.

С позиции прагматики текста указанные материалы обладают следующими признаками:

- дифференцированность интенциональности источников. Документы разных делопроизводственных жанров имеют разную делопроизводственную и коммуникативную функции;
- влияние интенциональности источника на стилистическое оформление источника: преобладание соответствующих ситуации коммуникативных средств.

Модусные категории, реализуемые в военном дискурсе, позволяют передать эмоционально экспрессивные оттенки речи военнослужащих, их отношение к происходящим событиям.

Проанализировав отношения языковых единиц внутри военного дискурса в диахроническом аспекте, мы пришли к выводу, что их структура качественно и количественно изменяется, причем трансформация касается не только лексем-

ного состава дискурса, но и его прагмастилистического и семантического наполнения.

Русский военный дискурс, как и любой другой институциональный дискурс, обладает спектром особенностей, которые свидетельствуют о его неисчерпаемых ресурсах для науки и большой историко-культурной и языковой ценности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Александринскій сиротскій кадетскій корпусъ съ 1851 по 1863 годъ, и Александровское военное училище съ 1863 по 1901 годъ. Москва, 1901.
2. Аналитическій обзоръ главныхъ соображеній военнаго искусства и объ отношеніяхъ оныхъ съ политикою государствъ. Санкт-Петербург, 1833. 342 с. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
3. Атаман Платов, из письма главнокомандующему Первой Западной армии генералу Барклаю-де-Толли: ГАРО, ф. 46, оп. 3, д.16, лл. 1 и 5. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
4. Барклай де Толли М. Б. Сообщение П. М. Волконскому о получении им записки с девизами // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. С. 58. [Т. XII]. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
5. Блокада Карса. Письма очевидцевъ о походъ 1855 года въ Азіятскую Турцію. Тифлис, 1856. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
6. Блокада Карса. Письма очевидцевъ о походъ 1855 года въ Азіятскую Турцію. Тифлис, 1856. 148 с. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
7. Волконский П. М. Рапорт главнокомандующему 1-й армией М. Б. Барклаю де Толли // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2003. С. 58. [Т. XII]. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
8. Всеподданѣйшій отчетъ о состояніи Сибирскаго казачьяго войска. За 1878 годъ. Омскъ: Типогр. окружн. штаба, 1879 (фонд ОГОНБ им. А. С. Пушкина).
9. Всеподданѣйшій отчетъ о состояніи Сибирскаго казачьяго войска. За 1878 годъ. Омскъ: Типогр. окружн. штаба, 1879 (фонд ОГОНБ им. А. С. Пушкина).
10. Военная энциклопедия: В 18 т. СПб.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911–1915. Т. 6. 369 с. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
11. Гоштовтъ Г. Дневник Кавалерійскаго Офицера. Парижъ, 1931. 196 с. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
12. Дебу І. О кавказской линіи. СПб., 1828.
13. Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО ИсА
14. Дневникъ императора Николая II. Берлинъ: Слово, 1923. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
15. Донской казачій № 1-й полкъ. Краткая исторія для нижнихъ чиновъ. Составиль хорунжіи Бородинъ. Москва, 1891. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

16. Духъ Петра Великаго императора Всероссийскаго и соперника его Карла XII, короля Шведскаго. Издано трудами... Унтеръ-Библиотекаря Осипа Ббляева. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наук 1798 года. 250 с.

17. Записка о том, сколько я памятую о Крымскихъ и Турецкихъ походахъ анонимнаго автора, участника русско-турецкой войны 1735-1739 гг./ Турецкая войны при императрице Анне // Русский архив. № 1. 1878. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

18. Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812-го года. Сочиненіе Баркляя де-Толли. Кроме того, рескрипты, письма и другіе документы... СПб., 1912.

19. Императорская гвардія. Изданіе 2-е. Исправлено и дополнено под редакціей В. К. Шенкъ. По 1-ое Мая 1910 года. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Спб., 1910. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

20. Инженерныя и желѣзнодорожныя войска. Изданіе 2-е. Исправлено и дополнено под редакціей В. К. Шенкъ. По 20 Мая 1909 года. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Спб., 1909. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

21. Инструкція коннаго полку полковнику съ приложеніемъ формъ и таблицъ конфирмованная отъ ея императорскаго величества. 1766 года, Въ Санктпетербургѣ. 80 с.

22. Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска съ приложеніемъ статьи о домашнемъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ, рисунковъ со знаменъ и карты. Составилъ Войсковой старшина Ф. Стариковъ. Оренбургъ. Типо-литографія Б. Брослина, 1891. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

23. Историческій очеркъ образованія и развитія Сибирскаго кадетскаго корпуса (1826-1876). Составленъ по официальнымъ источникамъ. Омскъ. [фонд ОГОНБ им. А. С. Пушкина].

24. Исторія 22-го пѣхотнаго нижегородскаго полка 1700-1800. СПб., 1900.

25. Казачьи войска: хроники гвардейскихъ казачьихъ частей (справочная книжка императорской Главной квартиры [электронный ресурс]. – СПб., 1912. – С. 552. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

26. Крымская экспедиція. Разсказъ очевидца / Пер. с франц. – СПб., 1855.

27. Курс истории русскаго военнаго искусства Выпуск VII. Эпоха Императора Александра I. СПб., 1913. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

28. Казачьи войска: хроники гвардейскихъ казачьихъ частей (справочная книжка императорской Главной квартиры. СПб., 1912. С. 552. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

29. Курс истории русского военного искусства Выпуск VII. Эпоха Императора Александра I. СПб., 1913. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

30. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 1. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. Челябинск: Челябинский педуниверситет, 2000. 271 с.

31. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. II. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. – Челябинск: Челябинский педуниверситет, 2001. 242 с.

32. Ловча, Плевна и Шейново (изъ исторіи русско-турецкой войны 1877-1878 гг.) (съ планами и чертежами). А. Куропаткинъ. СПб., 1881. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

33. Нижніе чины Георгіевскіе кавалеры Гвардейскаго Экипажа (съ 1810 г.). По порученію Командира Гвардейскаго Экипажа составилъ Лейтенантъ Аренсъ. Санктъ-Петербургъ. Типографія М. Д. Ломковскаго, 1891.

34. Об отмѣнѣ наряда внутреннеслужащихъ казаковъ в заграничную службу с лошадьми ф. 235 оп. 1 д. 5 БУОО ИСА

35. О выполненіи надъ войсковымъ старшиной Калачевымъ высочайше утвержденной конференции по военно-судному дѣлу (ф. 52, оп. 1, д. 15) // Военное управление атамана II отдела Сибирскаго казачьяго войска (Исторический архив Омской области, ф. 52, 106 дд.) (1887-1917 гг.).

36. Подарокъ солдату къ 250-й годовщинѣ 13-го Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества Полка (бывшій Бутырскій Полкъ) 1642 – 1892 г. Составилъ того-же полка поручикъ А. П. Андреевъ. СПб., 1892. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

37. Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

38. Походы 64го Пѣхотнаго казанскаго Его Императорскаго высочества Великаго князя Михаила Николаевича полка. 1642 – 1700 – 1886. Составили В. Борисовъ и А. Сыцяно. СПб., Типографія И. И. Скороходова (Надеждинская, 39), 1889. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

39. Протасов М. Д. Исторія 73-го пехотнаго крымскаго его императорскаго величества великаго князя Александра Михайловича полка Тифлис, 1887.

40. Разная переписка наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска (ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО ИСА).

41. Русская армія въ вѣ къ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб., 1873. С. 5. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.

42. Сибирское казачье войско. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ за 1876 годъ... Омскъ. Типографія Окружнаго Штаба. 1877. (фонд ОГОНБ им. А. С. Пушкина).

43. Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійскія Имперіи, начатый въ 1797 году. Репринт. изд. В 2-х чч. Ч.2. СПб., 1992.

44. О проверке мундирной одежды Сибирскаго линейнаго казачьего войска, об отпуске денег на канцелярскіе расходы (1848-1850). Ф. 235, оп. 1, д. 1 (БУ ОО «Исторический архив Омской области»).

45. Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.

46. Разная переписка наказнаго атамана Сибирскаго казачьего войска Ф. 235. Оп. 1. Д. 1 (фонд БУ ОО «Исторический архив Омской области»).

47. Словарь Юридическій, или Сводъ Россійскихъ узаконеній, временныхъ учрежденій, суда и расправы. Часть вторая (съ 7157 [1649] года). Собранный... Секрет. Михайломъ Чулковымъ. Въ Москвѣ при Университетской Типографіи, 1792.

48. Справочная книжка для русскихъ офицеровъ. Составлена гене-ральнаго штаба генераль-лейтенантомъ Махотинымъ. СПб., 1881.

49. Указы блаженныя и вѣчнодостоинныя памяти государя императора Петра Великаго... состоявшіяся съ 1714, по генваря по 28 число, 1725 году. Напечатаны при Императорской Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ 1739 года.

50. Указы всепресвѣтлѣйшей... императрицы Екатерины Алексѣевны... состоявшіеся съ 28 Іюня, 1762 по 1763 годъ. Печатаны въ Москвѣ, съ третьимъ тисненіемъ при Императорской Академіи наукъ 1779 года.

51. Уставъ воинскій о должности генералов-фельдмаршаловъ, и всего Генералитета и протчихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежатъ быть, и оныхъ воинскихъ дѣлахъ и поведеніяхъ... Напечатана... пятымъ тисненіемъ. В Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1780 года.

52. Хрестоматія по истории Курганской области (досоветский период). Курган: Зауралье, 1995. 319 с.

53. Хронологія русской военной исторіи. СПб., 1891. Режим доступа: <http://www.runivers.ru>, свободный.

54. Циркуляры по Сибирскому казачьему войску № 13 (электронный фонд ГОУНБ им. А. С. Пушкина).

55. XXXV Виленское пѣхотное юнкерское училище 1864-1899 гг. Краткій историческій очеркъ. Сост. А. Антоновъ. Вильна, 1900. URL: <http://www.runivers.ru/lib>.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

56. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусскаго языка: Тт.1–4. М.: Русский язык, 1978–1980.

57. Курс истории русского военного искусства. Выпуск VII. Эпоха императора Александра I. СПб., 1913.
58. Макаров В.И., Матвеева Н.П. Словарь лексических трудностей художественной литературы. Киев: Радянська школа, 1989. 367 с.
59. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 928 с.
60. Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1910–1914.
61. Словарь языка Пушкина: Тт. I-IV. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956–1961.
62. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наук. Составлена подъ главною редакціей генерала отъ инфантеріи Леера. СПб., 1883–1897.
63. Энциклопедия военных и морских наук: В 8 т. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1883-1897. Т. 8. Режим доступа: [http:// www.runivers.ru](http://www.runivers.ru), свободный.
64. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907.

МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ

65. Акимова, Э. Н. Историческая лингвистика текста: инновационные подходы в исследованиях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 427.
66. Алпатов А.В. Стилизация речи. Русская речь. 1970. № 4. С. 16–22.
67. Андреев Н.И. Особенности терминологии немецкого военно-политического дискурса в аспекте перевода на русский язык // Вестник Московского университета. Серия 22. 2011. № 1. С. 117–126.
68. Андреев, Н. И. Особенности терминологии немецкого военно-политического дискурса в аспекте перевода на русский язык // Вестник Московского университета. Серия 22. 2011. № 1. С. 117–126.
69. Антипова А.С. Ассоциативная связь концептов «Смерть» и «Слава» как диахроническая константа в катине мира англичан // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5. № 2. С. 78–82;
70. Астафурова Т.Н. Тон сообщения в деловой коммуникации // Языковая личность и семантика. Тезисы докл. науч. конф. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 14–15.
71. Будаев, Э.В. Сопоставительный анализ политической метафоры / Э.В. Будаев // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3(67).

С. 106–114. Режим доступа: [proceedings.usu.ru/?base=mag/0067%2803_\\$03-2009%29&xsl=sBowArticle.xslt&id=a14&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0067%2803_$03-2009%29&xsl=sBowArticle.xslt&id=a14&doc=../content.jsp), свободный.

72. Буркитбаева Г.Г. Деловой дискурс. Онтология и жанры. Алматы: Ғылым, 2005. 230 с.

73. Буркитбаева, Г. Г. Деловой дискурс и уровни его исследования // Наукові записки (серія: Филологічні науки). 2010. Випуск 89 (5). С. 141–146.

74. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В. С. Григорьева. Тамбов : ТГТУ, 2007. Режим доступа: window.edu.ru, свободный.

75. Григорьева, В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.

76. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука, 1981. 249 с.

77. Данилова, Н. Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 2. С. 110–126.

78. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. Режим доступа: infolex.ru, свободный.

79. Документы русской военной контрразведки в 1812 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. С. 50—68. [Т.] II—III.

80. Друзья Пушкина: переписка; воспоминания; дневники. В 2 т. Т. I. – М.: Правда, 1986. 640 с.

81. Зализняк А. А. Языковая картина мира (русская языковая картина мира). – Режим доступа: <http://www.monaprial.mn/modules.php?ss=4&id=58>, свободный.

82. Иванов, А. И. О Маяковском – военном художнике // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. –2012. – Т. 105. – № 1. – С. 145–151.

83. Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812-го года. Сочиненіе Баркляя де-Толли. СПб., 1912 (переиздание).

84. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. С. 54.

85. Каверин В. Юрий Тынянов и его роман «Пушкин» // Тынянов Ю.Н. Пушкин. М.: Правда, 1981. 608 с.

86. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

87. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. Волгоград; Саратов: 1998. С.185–197.

88. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров; ИНИОН РАН. М., 2000б. С. 37–64.

89. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000а. С. 5–20.

90. Кашкин В. Б. Введение в теорию дискурса. Режим доступа: kashkine.narod.ru.

91. Кашкин В. Б. Введение в теорию дискурса. М., 2010.

92. Колокольникова М.Ю. Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической лексикологии // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. № 2. С. 3-6.

93. Колокольникова, М. Ю. Дискурсивный анализ в исторической лексикологии и семасиологии (на материале морально-этической лексики в западноевропейских языках Средневековья): автор-т докт. дисс. Саратов, 2011.

94. Кондратьева О. Н. Милитарная метафора и ее роль в концептуализации внутреннего мира человека (на материале литературы Древней Руси) // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26). С. 54.

95. Коч, Н. Исследование концептов в диахронии как теоретическая и методическая проблема // Наукові записки. Випуск 89 (1). Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кировоград: Кировоградський державний педагогічний університет, 2010. С. 317.

96. Кочетова, Л.А. Диахронный подход к изучению рекламного дискурса: теоретико-методологический аспект // Дискурс как социальная деятельность (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5 (638); сер. Языкознание) Москва : Издательство Рема, 2012.

97. Ловча, Плевна и Шейново (изъ исторіи русско-турецкой войны 1877-1878 гг.). А. Куропаткинъ. СПб., 1881.

98. Лурье Л. И., Нургалиева Р. М. Формирование языковой картины мира военного специалиста в процессе изучения иностранных языков // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. №5 (30). С. 98–103. URL: lyuseum1.perm.ru/prof/rab/010_pjb_5%2830%29.pdf.

99. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. М.: Гнозис, 2003. 252 с.

100. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: автор-т докт. дисс. Омск, 2011. 47 с.

101. Олянич, А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник ВолГУ. Серия 2. Вып. 3. 2003–2004. С. 121–128.

102. Кацюба Л. Б., Калмыкова Е. Л. Существование паремийи с лингвокультурной оппозицией «Мир/война» в русском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (8). С. 88–91. Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2011/1/23.html.
103. Кашкин В. Б. Сопоставительные исследования дискурса. «Концептуальное пространство языка». Тамбов: ТГУ, 2005. С.337-353. Режим доступа: <http://kachkine.narod.ru/Articles2006/>
104. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта : Наука, 2008. 464 с.
105. Колокольникова М.Ю. Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической лексикологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. № 2. С. 3-6.
106. Кочетова Л.А. Диахронный подход к изучению рекламного дискурса: теоретико-методологический аспект / Кочетова Л.А. // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Ч. 1. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5 (638); сер. Языкознание). Москва : Издательство Рема, 2012.
107. Крючкова, О. Ю. Когнитивная лингвистика и словообразование // Прикладная лингвистика и лингвистические технологии. Киев, 2011.
108. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. М. : Институт языкознания РАН, 1997. 327 с.
109. Кубрякова Е.С. Язык и культура. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
110. Кудрин С. А. Базовые метафоры спортивного дискурса как лингвокультурный феномен // Вестник ЦМО МГУ, 2010, № 2. Культурология. С. 77.
111. Лаврова Н. А. О разграничении понятий «текст», «дискурс», «языковая система» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 6. С. 164–167.
112. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
113. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: автор-т д-ра филол. наук. Омск, 2011. 47 с.
114. Малышева Е.Г. Метафорическая модель ‘Спорт – это война’ в журналистском спортивном дискурсе (на материале текстов современных печатных и электронных СМИ) // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2009. № 328, ноябрь. С. 14-20
115. Малышева, Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: автор-т докт. дисс. Омск, 2011. –47 с.
116. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. 272 с.
117. Матыгина Е. Б. Метафорические системы в американском внешнеполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). – С. 87.

118. Маяковский, В. В. Стихотворения 1912–1917 гг. / В. В. Маяковский. – URL: lib.ru.
119. Мякшин К. А. К проблеме диахронических исследований в терминологии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 171.
120. Нагель О. В. Производное имя в рамках дискурсивного анализа // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297.
121. Нестеров М.Н. Язык исторического документа в произведениях о Пушкине. Русская речь. 1970. № 4. С. 24-28.
122. Нестеров М.Н. Язык русского советского исторического романа. Киев: Вища школа, 1978. 192 с.
123. Новиков В.И. Юрий Тынянов // Русская литература XX века: Учебное пособие. В 2 ч. Ч.1. М.:Дрофа, 1998.
124. Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. Нижний Тагил, 2006. 146 с.
125. Пак Е. В. Некоторые аспекты диахронного развития концепта «Отрицательные эмоции» в английском языке // Известия РГГУ им. А. И. Герцена. 2009. № 90. С. 149–154.
126. Патюкова, Р. В. К вопросу о соотношении синхронии и диахронии в аспекте межъязыкового пространства // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах / под ред. Г. Н. Манаенко. Выпуск 8. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. С. 116.
127. Патюкова, Р.В. Образный контент в аспекте речевой компрессии: диахронический вектор (XVIII–XXI вв.) // Вестник Пермского государственного университета. Русская и зарубежная филология. Пермь: ПГУ, 2011. № 1. С. 27–31.
128. Патюкова, Р.В. Принцип экономии в языковой динамике: диахронический вектор XI–XVI вв. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Владикавказ: СОГУ, 2011. С. 218–225.
129. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагмастилистическом аспекте // Вісник ХНУ № 848. 2009. С. 48–52.
130. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагмастилистическом аспекте // Вісник ХНУ № 848. 2009. С. 48–52.
131. Плешкевич Е. А. Общая теория документа: методологическое обоснование: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук (05.25.02 «Документалистика, документоведение, архивоведение»). Краснодар, 2009. 45 с.
132. Приходько, С. А.Оппозиции в политическом дискурсе В. И. Ленина (на базе труда «Материализм и эмпириокритицизм») / С. А. Приходько // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 129.

133. Просвирнина Л.Г. Современные процессы словообразования в английском экономическом дискурсе // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 5. С. 66–68.
134. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66–78.
135. Савкатова А. М. Словообразовательное гнездо как репрезентант концепта (на материале словообразовательного гнезда с вершиной «женщина») // Высшее образование сегодня. 2010 № 3.
136. Самойлова О. Д. Дискурс: к проблеме определения понятия. Режим доступа: any-book.org/download/54968.html.
137. Скорнякова Р. М. Семантическое моделирование фрагмента языковой картины мира в диахронии // Вестник ТГУ. 2009. Выпуск 8(76). С. 253-237.
138. Сошникова Р.С. Проектная заявка как элемент делового дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2009. Т. 11, 4 (5). С. 1320–1325.
139. Степанова, М. И. Когезия и когерентность как основополагающие характеристики публицистического дискурса // Вестник СамГУ. 2009. № 7 (73). С. 230–234.
140. Стрибижев В.В. «Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция»: Диссертация на соиск.учен. ст.канд.филол.наук по специальн. 10.02.04 – германские языки. Белгород: 2005.
141. Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 29 с.
142. Татарникова Н. М. Анализ коммуникативных стратегий как способ изучения стилевой черты // Филология и человек. 2012. № 1. С. 1.
143. Тупикова С.Е. Разграничение понятий «Высказывание», «Дискурс», «речевой жанр», «тональность» в современной лингвистике // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 148–154.
144. Уланов А. В. К вопросу об институциональных признаках дискурса. // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012. № 3. С. 88–92.
145. Уланов А. В. К вопросу об интерференции в сфере дискурсивности (диа-хронический аспект) // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 5. С. 90–94.
146. Уланов А. В. Военная структура в рамках русского военного дискурса и военной языковой картины мира XIX века // Вестник Омского государственного университета. 2013. № 1. С. 101-106.
147. Уланов А. В. Источники русского военного дискурса XIX века: прагмастилистический аспект // Учетные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 1. С. 73-76.

148. Уланов А. В. Концепт 'оснащение' в русском военном дискурсе XIX века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 6 (том 70). С. 73-76.
149. Уланов А. В. Концепт 'Обучение' в русском военном дискурсе XIX в. // Вестник Балтийского федерального университета. 2012. № 8. С. 48–54.
150. Уланов А. В. К вопросу об экстралингвистическом фоне русского военного дискурса // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 2 (10). С. 248-255.
151. Уланов А. В. К проблеме функционирования военного дискурса в диахронической коммуникации (региональный аспект) // Гуманитарные и социальные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3.
152. Уланов А. В. Лингвистическое исследование документов региональных архивов в 1990-2000-х гг. (на примере ГУ «Государственный архив Курганской области») // Русистика: прошлое и настоящее национального языка. Омск: ОмГУ, 2009. С. 170-173.
153. Уланов А. В. Терминосфера русского языка: этимология, ономазиология, семантика (на материале военной терминологии). Омск: СИБИТ, 2010. 110 с.
154. Фомина Т.Д. Политический дискурс как разновидность ораторской речи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. С. 207–210.
155. Фурсова И.Н. Милитарная метафора в художественной картине мира Джона Голсуорси // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 1 (101). С. 93-97.
156. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. СПб.: СПбГУЭФ, 2001. С. 19.
157. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2007. 256 с.
158. Шабурова, О. Война, солдат и песня: национально-патриотический дискурс в конструировании российской маскулинности / Н. Ю. Данилова // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 85–101.
159. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. М.: Гнозис, 2004.
160. Шевченко В. Д. Процесс интерференции дискурсов в англоязычной публицистике // Вестник Тамбовского университета. 2007. № 7. С. 114–119.
161. Ширяева, Т. А. Современное состояние и особенности осмысления понятия «дискурс» в гуманитарной парадигме // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. Ставрополь, 2010. С. 129.
162. Шпомер Е. А. Принцип критики в коммуникативном поведении: к проблеме соотношения коммуникативных законов и типологии языковых лич-

ностей коммуникантов // Вестник Военного университета. 2011. № 1 (25). С. 45–49.

163. Юсупова, Т. С. Функционально-стилистические и прагматические характеристики англоязычного военного дискурса: автор-т канд. филол. наук / Т. С. Юсупова. Самара, 2010. 19 с.

ДОНСКОЙ
КАЗАЧІЙ № 1-й ПОЛКЪ.

Краткая исторія для нижнихъ чиновъ.

„Ни о чемъ казакъ не тужитъ—
Казакъ вѣрно Царю служитъ!“

Казачья пѣсн.

СОСТАВИЛЪ

Хорунжій Бородинъ.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Титульный лист книги «Донской казачій 1-й полкъ. Исторія для нижнихъ чиновъ»
(Составилъ хорунжій Бородинъ. – Москва, 1891). (Источник: www.runivers.ru)

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ
ОЧЕРКЪ
ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ
О
ДОМАШНЕМЪ БЫТѢ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ,
РИСУНКОВЪ СО ЗНАМЕНЪ
И
КАРТЫ.

Составилъ
Войсковой Старшина Ф. Стариковъ.

Оренбургъ.
Типо-литографія В. Вреслина.
1891.

Титульный лист книги «Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска» (Оренбургъ, 1891) (Источник: www.runivers.ru)

ИСТОРИЯ

Л.-ГВ. КОННОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

СОСТАВИЛЪ

В. А. АБАЗА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, домъ № 17.

1896.

Титульный лист книги «Исторія Л.-Гв. Конной Артиллеріи» (СПб., 1896)
(Источник: www.runivers.ru)

вер

ПОЛОЖЕНІЕ
ТОБОЛЬСКОМЪ ПѢШЕМЪ
КАЗАЧЬЕМЪ БАТАЛІОНѢ
И
ТОБОЛЬСКОМЪ КОННОМЪ
ПОЛКУ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Департамента Военныхъ Поселеній.

1849.

Титульный лист книги: Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѢ и Тобольскомъ конномъ полку [электронный ресурс]. – СПб. 1849 (Источник: www.runivers.ru)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ Оренбургскому Гражданскому
ШТАБЪ. Губернатору, Господину Дѣй-
ствительному Спашскому
Въ С. Пешербургѣ. Совѣтнику и Кавалеру Дебу.
15-го Апрѣля 1828 г.

№ 1029.

ДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
Въ просьбу Вашего Превосходитель-
ства, о посвященіи ЕГО ИМПЕРА-
ТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ со-
чиненія вашего о Кавказской линіи и
Черноморскомъ войскѣ, Всемило-
сшивѣйше соизволяешъ.

О чемъ, за отсутствіемъ Го-
сподина Начальника Главнаго Шта-
ба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА, имѣю честь увѣ-
домишь Ваше Превосходительство.

Подписаль: *Генералъ-Лейтенантъ Селявинъ.*

B28 280
в.б.

B28 280
в.б.

КУРСЪ

ИСТОРИИ

Русскаго Военнаго Искусства.

Выпускъ VI.

Эпоха Императора Павла I.

Ординарный профессор
Императорской Николаевской Военной академии.
Полковникъ А. БАЮБЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія ГР. СКАЧКОВА съ С-ми, Итальянская, 16.
1910.

Титульный лист книги: Курс истории русскаго военного искусства Выпуск VI.
Эпоха Императора Павла I. СПб., 1910 (Источник: www.runivers.ru)

Казачьи войска

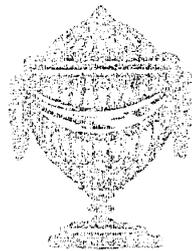
(Хроники гвардейских казачьих частей
помещены
въ книгѣ ИМПЕРАТОРСКАЯ Гвардія).

Титульный лист книги: Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей
(справочная книжка императорской Главной квартиры [электронный ресурс]. – СПб.,
1912. (Источник: www.runivers.ru).

ДНЕВНИКЪ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ II

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО». БЕРЛИНЪ

1 3 2 5

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ВОЕННЫХЪ И МОРСКИХЪ НАУКЪ

СОСТАВЛЕНА ПОДЪ ГЛАВНОЮ РЕДАКЦІЕЙ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА ЛЕЕРА,

ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

ТОМЪ I

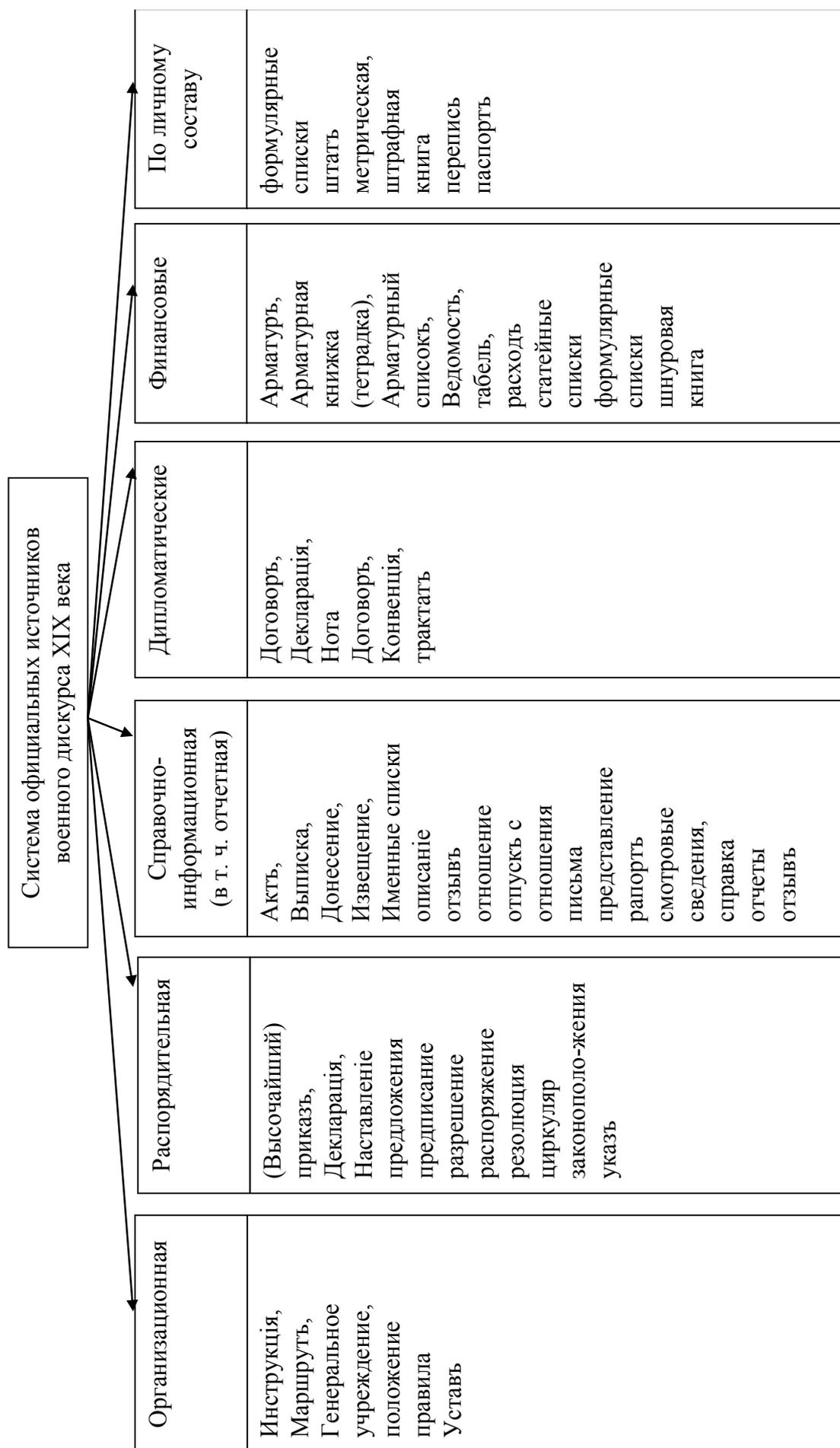
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

(Вас. Остр., 8 л., № 45).

1883

Приложение 2
Система официальных источников военного дискурса XIX века

Приложение 3
Перечень официальных источников дискурса

Дело	ф. 235 оп. 1 д. 7 БУОО Иса	Об инспекторском осмотре исправляющего должность наказного атамана II конного казачьего полка и Тобольского пешего полубатальона в 1866	л. 1
Актъ	www.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 11
Арматурная книжка	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 93
Арматурная тетрадка	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 85
Арматурныя списки	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 3
Арматуръ	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 168
Бланкъ письма	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 143
Бумага	ф. 235 оп. 1 д. 5 БУОО Иса	Об отменѣ наряда внутреннослужащихъ казаковъ в заграничную службу с лошадыми	л. 1

Вѣдомость	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска	л. 15
Вѣдомость	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Объ инспекторскомъ осмотрѣ полковыхъ округовъ, въ 1869 году	л. 1а
Вѣдомость о состояніи въ окружныхъ и станичныхъ складахъ вещей, аммуниціи и оружія, съ объясненіемъ линій и калибровъ	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска	л. 15
Выписка изъ письма	www.runivers.ru	Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812-го года. Сочиненіе Баркляя-Де-Толли. СПб. 1912	
Высочайшій Приказъ	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	стр. 3
Генеральное учрежденіе о сборѣ рекрутъ	www.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 5
Декларация	.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 18

Договоръ	www.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 18
донесеніе	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Объ инспекторскомъ осмотрѣ полковыхъ округовъ, въ 1869 году	л. 1
Извѣщеніе	Электронный ресурс: www	Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812-го года. Сочиненіе Баркляя-Де-Толли . СПб. 1912	стр. 26
Именные списки	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 112
Инструкція ротнымъ командирамъ	www.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 6
Конвенція	www.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 17
Маршрутъ	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Объ инспекторскомъ осмотрѣ полковыхъ округовъ, въ 1869 году	л. 1
Наставленіе генераль-адъютанту и обязанности флигель адъютантовъ	www.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 5
Нота	www.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 9

Общая перечневая полковая табль	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 83
Описание	www.runivers.ru	Положение о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	титул
Опись бумагамъ	ф. 235 оп. 1 д. 5 БУОО Иса	Об отмѣнѣ наряда внутреннослужащихъ казаковъ в заграничную службу с лошадьми	л. 1
Отзывъ	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 80
Отзывъ этой комисіи	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 5
Отношение	ф. 235 оп. 1 д. 5 БУОО Иса	Об отмѣнѣ наряда внутреннослужащихъ казаковъ в заграничную службу с лошадьми	л. 1
Отпускъ с отношенія	ф. 235 оп. 1 д. 5 БУОО Иса	Об отмѣнѣ наряда внутреннослужащихъ казаковъ в заграничную службу с лошадьми	л. 1
Письма	www.runivers.ru	Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812-го года. Сочиненіе Барклая-Де-Толли. СПб. 1912	
Подробный расходъ воинскимъ чинамъ	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска	л. 15

Полковая инструкция Войска Донского	www.runivers.ru	Положение о Тобольском пешем казачьем батальоне и Тобольском конном полку. СПб. 1849.	стр. 4
Полковые таблицы	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 3
Положение	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Объ инспекторском осмотре полковых округов, въ 1869 году	л. 9
Положение о Сибирском Линейном Казачьем войске	www.runivers.ru	Положение о Тобольском пешем казачьем батальоне и Тобольском конном полку. СПб. 1849.	стр. 10
Правила о составе и построении казачьих полков	www.runivers.ru	Положение о Тобольском пешем казачьем батальоне и Тобольском конном полку. СПб. 1849.	стр. 4
предложение	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Объ инспекторском осмотре полковых округов, въ 1869 году	л. 1
Предписание	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 3
Представление	ф. 235 оп. 1 д. 5 БУОО Иса	Об отмене наряда внутренне-служащих казаков в заграничную службу с лошадьми	л. 1
Приказ по войску	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска	л. 7

Приложеніе	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Объ инспекторскомъ осмотрѣ полковыхъ округовъ, въ 1869 году	л. 1а
Разная переписка наказного атамана Сибирскаго казачьего войска	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирскаго казачьего войска	л. 1г
Разрѣшеніе	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Объ инспекторскомъ осмотрѣ полковыхъ округовъ, въ 1869 году	л. 10
Рапортъ	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска	л. 14
Распоряженіе	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирскаго казачьего войска	л. 7
Расходъ	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска	л. 15
Резолюція	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказного атамана Сибирскаго казачьего войска	л. 8
Рескрипты	www.runivers.ru	Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812-го года. Сочиненіе Барк-лая-Де-Толли. СПб. 1912	
Росписаніе Компаментныхъ сбрововъ въ Си- бирскомъ ка- зачьемъ войскѣ въ 1869 году	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска	л. 20

Сводь Военныхъ Постановлений	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ пол- ку. СПб. 1849.	стр. 11
Смотровыя свѣденія	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачь- яго Войска	л. 15
Справка	ф. 235 оп. 1 д. 5 БУОО Иса	Об отмѣнѣ наряда внутрен- нослужащихъ казаковъ в за- граничную службу с ло- шадьми	л. 1
Статейные спи- ски по форме приложенной при приказѣ Во- еннаго Минист- ра отъ 21 Іюня 1848 г. № 118 въ двухъ экземп- лярахъ о неспо- собныхъ ниж- нихъ чинахъ предназначен- ныхъ къ перечисленію на внутреннюю службу	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачь- яго Войска	л. 15
Стол	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачь- яго Войска	
Столоначаль- никъ	ф. 235 оп. 1 д. 5 БУОО Иса	Об отмѣнѣ наряда внутрен- нослужащихъ казаковъ в за- граничную службу с ло- шадьми	л. 1

Табель	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣи Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	стр. 15
Трактатъ	www.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 10
Уставъ	www.runivers.ru	Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб 1873	стр. 5
Уставъ о строевой пѣхотной службѣ	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣи Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	стр. 4
Формулярные списки о нижнихъ чинахъ, подлежащихъ перечисленію за выслугу лѣтъ а) изъ строевыхъ на внутреннюю службу и б) увольненію отъ службы	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска	л. 15
Циркулярно	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Объ инспекторскомъ осмотрѣ полковыхъ округовъ, въ 1869 году	л. 9
Циркулярное предписаніе	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска	л. 57
Циркулярное распоряженіе	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная переписка наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска	л. 62

Цыркулярыныя предпісанія	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная перепіска наказнага атамана Сібірскага казачь- га войска	л. 85
Цыркулярыныя распоряжэння	ф. 235 оп. 1 д. 1 БУОО Иса	Разная перепіска наказнага атамана Сібірскага казачь- га войска	л. 93
Штатъ	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Объ инспекторскомъ осмотрѣ полковыхъ округовъ, въ 1869 году	л. 9
Экспедицыя	ф. 235 оп. 1 д. 9 БУОО Иса	Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сібірскаго Казачь- яго Войска	
Законоположе- нія	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ пол- ку. СПб. 1849.	стр. 20
Отчеты	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ пол- ку. СПб. 1849.	стр. 23
Формулярныя и кондуктныя списки офице- рам	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ пол- ку. СПб. 1849.	стр. 25
Списки семей- ныя, очередныя, именныя	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ пол- ку. СПб. 1849.	стр. 25
Отчетность	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣи Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	стр. 27

Метрическая, штрафная книга	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	стр. 27
Перепись	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	стр. 28
Указъ	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	стр. 32
Паспорты	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	стр. 34
Шнуровая книга	www.runivers.ru	Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб. 1849.	стр. 40
Челобитная	www.runivers.ru	Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска съ приложеніемъ статьи о домашнемъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ. Оренбургъ, 1891.	стр. 28
Отзывъ	www.runivers.ru	Отзывъ военнаго министра къ главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ 11-го февраля 1856 г. № 235 // Исторія 73-го Пехотнаго Крымскаго ея Императорскаго величества Полка. Тифлис, 1887.	стр. 4

Строевой рапортъ	www.runivers.ru	Исторія 73-го Пехотнаго Крымскаго его Император- скаго величества Полка. Тифлис, 1887.	стр. 6
-----------------------------	--	---	--------

Въ Дежурство Сибирскаго Линейнаго
Казачьего войска

За отсудствіемъ Командующаго 5^м
Казачьимъ полкомъ
Хорунжаго Захарова

Рапортъ

На предложеніе онаго Дежурства отъ 7го числа сего Сентября за № 4735,
Имею честь донѣсти, что нижніе чины 1го Казачьяго полка находящіеся здесь въ
Омске на службѣ, въ комисію учрежденную для поверки мундирной одеждыи
прочихъ вещей для получения Арматурныхъ тетрадокъ отправлены.

Хорунжій Захаровъ

№ 4722
8 Сентября 1849 г.
Омскъ

Национальные особенности военнослужащих казаков

	<i>Казаци-нагайбаки</i>	<i>Казаци-калмыки</i>	<i>Казаци-татары</i>	<i>Казаци-русские</i>
1	2	3	4	5
<i>Дом</i>	«По внѣшнему виду дома нагайбакъ ничѣмъ не отличаются отъ домовъ русскихъ и только внутреннее устройство ихъ представляетъ нѣкоторыя особенности» «Въ избѣ у нагайбака съ боку в печи вмазывается чугунный котель (каазань), въ которомъ варится ежедневная пища, а против печи устраиваются нары, которыя служатъ и залавкомъ, и кроватью» [Историко-статистический очерк 1891: 198]	По внѣшнему и внутреннему своему устройству, дома калмыкъ совершенно похожи на нагайбацкія избы, только въ нихъ рѣдко бываетъ больше двухъ комнатъ, а обыкновенно одна съ сѣнями. Отличительною чертою калмыцкаго дома является страшная неопрятность: иконы, стѣны и потолки бываютъ страшно закопчены, и печи точно никогда не бѣлены, на полу и на нарахъ грязь» [Историко-статистический очерк 1891: 200]	«У зажиточнаго татарина-казака домъ, смотря по потребности, раздѣляется на 2, на 3 или на 4 части. Для каждаго женатаго сына имѣется особая комната. Въ каждой комнатѣ, у передней стѣны, устраиваются нары, которыя замѣняютъ мебель и устилаются кошками (войлокомъ) и дешевыми бухарскими коврами.	

	<i>Казакн-нагайбаки</i>	<i>Казакн-калмыки</i>	<i>Казакн-татары</i>	<i>Казакн-русские</i>
1	2	3	4	5
Двор и надворные постройки	<p>Нагайбацкіе дворы въ своемъ устройствѣ отличаются отъ русскихъ только тѣмъ, что не раздѣляются на части, а всѣ постройки ихъ на ходятся на одномъ дворѣ; скотъ же у каждаго нагайбака, какъ и русскаго, во все время дня находится на кардѣ и только вечеромъ пригоняется опять во дворъ и распредѣляется на ночь по хлевамъ и конюшнямъ [Историко-статистический очерк 1891: 202]</p>	<p>Дворы и надворныя постройки татаръ и калмыкъ такіе же, какъ у русскихъ. Но только дворы калмыкъ бѣдны постройками и не опрятны. [Историко-статистический очерк 1891: 202]</p>		<p>Дворъ зажиточнаго казака представляетъ обстроенный четырехугольникъ, опредѣленной планомъ величины, который различными хозяйственными постройками или заборомъ раздѣляется на два: передній и задній [Историко-статистический очерк 1891: 202] На лицевой части двора помещается домъ съ тесовыми подъ крышею воротами, по другую сторону которыхъ находится погребушка (погребъ), а дальше, до стѣны сосѣда, одинъ или два амбара. Ворота соединяются съ домомъ и погребушкой досчатымъ или бревенчатымъ заборомъ, иногда съ рѣшеткою наверху [Историко-статистический очерк 1891: 200]</p>

	<i>Казаци-нагайбаки</i>	<i>Казаци-калмыки</i>	<i>Казаци-татары</i>	<i>Казаци-русские</i>
1	2	3	4	5
Пицца	<p><i>Пицца нагайбакъ , какъ въ праздничные, такъ и въ будничные дни вообще не отличается отъ пици русскихъ, но только они не соблюдаютъ поствоъ.</i></p> <p><i>Національное же и самое любимое кушанье ихъ – каймакъ. Безъ каймака у нагайбака обЪдъ не обЪдъ и угощенье не въ угощенье [Историко-статистический очерк 1891: 206]</i></p>	<p><i>Пицца татаръ и калмыкъ не отличается такимъ разнообразіемъ, какъ пицца русскихъ. Самая обыкновенная пицца татаръ въ будни – чай, который они пьютъ въ продолженіи дня отъ 3-хъ до 5-ти разъ, лапша съ мясомъ и салма. Салма готовится изъ круто замЪшенного тЪста, которое раскатывается скалкою и потомъ рЪжется ножемъ лентообразно, или рвется руками на клецки, и въ этомъ видЪ бросается въ котель съ кипящею водою [Историко-статистический очерк 1891: 207]</i></p>		
Огороды	<p><i>Огороды необыкновенно устраиваются возлЪ рЪки и очень рЪдко около домовъ.</i></p>			

	<i>Казаки-нагайбаки</i>	<i>Казаки-калмыки</i>	<i>Казаки-татары</i>	<i>Казаки-русские</i>
1	2	3	4	5
Язык	<i>Татары и нагайбаки до сихъ поръ говорятъ татарскимъ языкомъ, хотя имѣютъ отлично говорить и по-русски [Историко-статистический очерк 1891: 216]</i>	<i>Калмыки такъ же имѣютъ свой языкъ, зная въ то же время и русскій [Историко-статистический очерк 1891: 216]</i>	<i>Татары и нагайбаки до сихъ поръ говорятъ татарскимъ языкомъ, хотя имѣютъ отлично говорить и по-русски [Историко-статистический очерк 1891: 216]</i>	<i>Все населеніе войска, за исключеніемъ нагайбаковъ, татаръ и калмыкъ, говоритъ русскимъ языкомъ, преимущественно нарѣчіемъ великорусскимъ съ некоторыми оттенками выговора въ разныхъ станицахъ и поселкахъ [Историко-статистический очерк 1891: 216]</i>
Религиозные традиции	<i>Казаки изъ нагайбакъ и калмыкъ, въ религіозномъ отношеніи, имѣютъ свою характерную черту. Такъ, напримеръ, калмыки до сихъ поръ строго чтутъ обряды и обычаи своихъ предковъ. Они и донынѣ придерживаются двоевѣрія: наружно христіанства и тайно буддизма. Они хотя и соблюдаютъ воскресные и праздничные дни и исполняютъ главные христіанскіе обряды, но въ то же время не соблюдаютъ постовъ [Историко-статистический очерк 1891: 217]</i>			<i>Православное населеніе воска считаетъ своей священной обязанностью, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, посѣщать храмъ Божій; свято соблюдаетъ посты; поминаетъ родителей; подаетъ милостыню бѣднымъ и проч. [Историко-статистический очерк 1891: 217]</i>

Приложение 6. Контекстуальный словарь (А-В)
составлен автором по материалам историко-лингвистических
источников (Библиографический список – Источники))

1.	Аванпостная и разведовательная служба	<i>Полкъ все время содержит аванпостную и разведовательную службу; при многочисленных стычкахъ съ Черкесами, башибузуками и Турецкой конницею, везде выказываютъ необыкновенное мужество, лихость и знаніе кавалерійского дѣла.</i>
2.	Авангардъ	<i>(...) Авангардъ Багратіона обратился въ арьергардъ, который на протяженіи 400 верстъ рядомъ упорныхъ боевъ сдерждал противника и далъ нашей арміи возможность выбраться изъ этой западни.</i>
3.	Августѣйшій атаманъ	<i>Его Императорское высочество Наследникъ и Великій князь Александръ Николаевичъ. 1-й Августейшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ.</i>
4.	Академія Военная	<i>Заведеніе это открыто 26 ноября 1832 г., и наименовано Императорскою Военною Академіею.</i>
5.	Аммуниція	<i>Сборникъ обмундированія, снаряженія, аммуниціи, а также всего конскаго снаряженія казаковъ Оренбургскаго казачьяго войска.</i>
6.	Армія	<i>(...) Авангардъ Багратіона обратился въ арьергардъ, который на протяженіи 400 верстъ рядомъ упорныхъ боевъ сдерждал противника и далъ нашей арміи возможность выбраться изъ этой западни.</i>

7.	Армія дѣйствующая	<i>Указомъ отъ 28 Января повѣлено было отправить на укомплектованіе дѣйствующей арміи офицерами, произведенныхъ вновь изъ сержантовъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ всѣхъ Гвардейскихъ полковъ</i>
8.	Арріергардъ	<i>1813 Января 1, перешель Неманъ, въ колоннѣ Графа Торماسова и участвовалъ засимъ въ сраженіи 20 Апрѣля подъ Люценомъ; 9 Мая подъ Бауценомъ, при отступленіи, прикрывалъ въ арріергардѣ Гвардейскую пѣшую Артиллерію</i>
9.	Артиллерійское вѣдомство	<i>Окончательная передача в руки артиллерійского вѣдомства снабженія арміи огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ</i>
10.	Артиллерійская школа	<i>1872 г. Марта 7. ВЫСОЧАЙШЕ утверждено положеніе о Донской артиллерійской школѣ</i>
11.	Артиллеристъ	<i>Несмотря на это, послѣ конца кампаніи 1807 года, всѣ артиллеристы – гвардейскіе и армейскіе, конные и пѣшіе, жаловались на малое число упряжныхъ лошадей</i>
12.	Артиллеристъ гвардейскій	<i>Несмотря на это, послѣ конца кампаніи 1807 года, всѣ артиллеристы – гвардейскіе и армейскіе, конные и пѣшіе, жаловались на малое число упряжныхъ лошадей</i>
13.	Артиллеристъ армейскій	<i>Несмотря на это, послѣ конца кампаніи 1807 года, всѣ артиллеристы – гвардейскіе и армейскіе, конные и пѣшіе, жаловались на малое число упряжныхъ лошадей</i>

14.	Артиллеристъ конный	<i>Несмотря на это, послѣ конца кампаніи 1807 года, всѣ артиллеристы – гвардейскіе и армейскіе, конные и пѣшіе, жаловались на малое число упряжных лошадей</i>
15.	Артиллеристъ пѣшій	<i>Несмотря на это, послѣ конца кампаніи 1807 года, всѣ артиллеристы – гвардейскіе и армейскіе, конные и пѣшіе, жаловались на малое число упряжных лошадей</i>
16.	Артиллерія	<i>Когда же въ этой артиллеріи число орудій увеличилось, то, для сформированія прислуги къ двумъ коннымъ орудіямъ, цесаревичъ приказалъ взять 20 кирасиръ своего полка, - команду поручили унтеръ-офицеру Кубынину</i>
17.	Артиллерія гвардейская	<i>1813 Января 1, перешелъ Неманъ, въ колоннѣ Графа Торماسова и участвовалъ засимъ въ сраженіи 20 Апрѣля подъ Люценомъ; 9 Мая подъ Бауценомъ, при отступленіи, прикрывалъ въ арріергардѣ Гвардейскую пѣшую Артиллерію</i>
18.	Артиллерія конная	<i>Конная артиллерія и лейбъ-гвардіи конная артиллерія обязаны своимъ существованіемъ императору Павлу I Петровичу</i>
19.	Артиллерія пѣшая	<i>1813 Января 1, перешелъ Неманъ, въ колоннѣ Графа Торماسова и участвовалъ засимъ въ сраженіи 20 Апрѣля подъ Люценомъ; 9 Мая подъ Бауценомъ, при отступленіи, прикрывалъ въ арріергардѣ Гвардейскую пѣшую Артиллерію</i>

20.	Аррьергардъ	<i>(...) Авангардъ Багратіона обратился въ аррьергардъ, который на протяженіи 400 верстъ рядомъ упорныхъ боевъ сдерждал противника и далъ нашей арміи возможность выбраться изъ этой западни</i>
21.	Ассигновать	<i>Расходъ на уплату вознагражденія за взимаемыя на семъ основаніи подводы относится на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ по смѣтѣ Главнаго Интендантскаго Управленія для покрытія издержекъ по перевозкѣ войскъ</i>
22.	Атаковать	<i>Атакованный 28 мая всею непріятельскою конницею, Багратіонъ упорно обороняется у Гутитата, чѣмъ задерживаетъ переправу французовъ чрезъ Алле и даетъ нашей арміи время укрѣпить позиціи у Гейльсберга</i>
23.	Атаманъ наказной	<i>Вместе съ этимъ считаю необходимымъ обратить вниманіе войсковыхъ наказныхъ атамановъ и на средства для содѣйствія казаку при его снаряженіи</i>
24.	База	<i>Для обезпеченія базы англичанъ у Баллаклары былъ расположенъ англійскій отрядъ генерала Калинъ-Кембеля (около 6 тыс. чел.), стоявшій бивакомъ западнѣе д. Кадыкіой</i>
25.	Басонъ Георгіевскій	<i>Петлицы изъ георгіевскаго басона на мундиры нижнихъ чиновъ – пожалованы 12 Октября 1878 г. Высочайшая грамота 26 Ноября 1878 г.</i>

26.	Баталіонъ Воздухоплавательный	<i>1904 г. Октября 21. Восточно-Сибирскій Полевой Воздухоплавательный баталіонъ названъ 1-мъ Восточно-Сибирскимъ Полевымъ Воздухоплавательнымъ баталіономъ, а Сибирская Воздухоплавательная рота развернута во 2-й Полевой Воздухоплавательный баталіонъ</i>
27.	Баталіонъ гренадерскій	<i>Шефъ Гренадерскаго Сапернаго имени Его Императорскаго Высочества баталіона</i>
28.	Жельзнодорожный баталіонъ	<i>Въ спискахъ 1-го Жельзнодорожнаго баталіона</i>
29.	Баталіонъ запасной	<i>1842 г. Января 25. Для составленія запасныхъ войскъ сформированъ изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ 4-й баталаіонъ, въ 1854 г. Марта 10 перечисленный въ 4-й дѣйствующій, а для полка сформированъ 5-й или Запасной баталіонъ</i>
30.	Баталіонъ лейбъ-егерскій	<i>Самъ онъ былъ въ третій разъ назначенъ шефомъ лейбъ-егерскаго баталіона, перестроеннаго впоследствии въ полкъ</i>
31.	Баталіонъ морской	<i>1904 г. Августа 8. Сформированъ Одесскій Морской баталіонъ въ составъ 1 гребной и 1 технической ротъ, учебной команды и команды машинистовъ</i>
32.	Баталіонъ піонерный	<i>[Числится шефом] 9-го Сапернаго баталіона (именовавшася 5-мъ Піонернымъ баталіономъ</i>

33.	Баталіонъ пластунскій	<i>Дьло 3-го пластунскаго баталіона съ десантомъ у поста Адлера (на кавказско-черноморскомъ прибрежьѣ)</i>
34.	Баталіонъ понтонный	<i>Въ настоящемъ, 2-мъ изданіи, включены нижеслѣдующія... данныя: 1) о ротахъ Инженерныхъ войскъ за время съ 1797 по 1816 гг., поступившихъ въ 1816 году на сформированіе нынѣшнихъ старѣйшихъ саперныхъ баталіоновъ; 2) о понтонныхъ частяхъ, за время съ 1822 по 1857 гг., поступившихъ въ 1857 г. на сформированіе нынѣшнихъ старѣйшихъ понтонныхъ баталіоновъ</i>
35.	Баталіонъ резервный	<i>1846 г. Января 16. Для отдѣльнаго Кавказскаго корпуса сформированъ 3-й Резервный Саперный баталіонъ изъ 2-хъ ротъ 5-го Сапернаго баталіона и двухъ военно-рабочихъ ротъ</i>
36.	Баталіонъ саперный	<i>Въ настоящемъ, 2-мъ изданіи, включены нижеслѣдующія... данныя: 1) о ротахъ Инженерныхъ войскъ за время съ 1797 по 1816 гг., поступившихъ въ 1816 году на сформированіе нынѣшнихъ старѣйшихъ саперныхъ баталіоновъ; 2) о понтонныхъ частяхъ, за время съ 1822 по 1857 гг., поступившихъ въ 1857 г. на сформированіе нынѣшнихъ старѣйшихъ понтонныхъ баталіоновъ</i>
37.	Батарея казачья	<i>1807 г. Юня 1. При уравниеніи состава всѣхъ артиллерійскихъ бригадъ понтонныя роты включены въ каждую по одной и число ихъ доведено до 25-ти (на 22 полевыхъ и 3 резервныхъ бригады)</i>

38.	Бивакъ	<i>Для обезпеченія базы англичанъ у Баллаклары былъ расположенъ англійскій отрядъ генерала Калинъ-Кембеля (около 6 тыс. чел.), стоявшій бивакомъ западнѣ д. Кадыкіой</i>
39.	Битва	<i>1805 г. 1-й и 3-й баталіоны въ Гвардейскомъ отрядѣ ЦЕСАРЕВИЧА выступили изъ С.-Петербурга 10 Августа въ Австрію и Ноября 20 участвовали въ битвѣ подѣ Аустерлицемъ; 7 Апрѣля 1806 г. возвратились в С.-Петербургъ</i>
40.	Бомбардированіе	<i>Бомбардированіе Асканы эскадрою контръ-адмирала Пустошкина</i>
41.	Бригада	<i>Бригада состояла из шести ротъ: двухъ тяжелыхъ (батареинныхъ), двухъ легкихъ, одной конной и одной піонерной</i>
42.	Бригада артиллерійская	<i>1807 г. Іюня І. При уравненіи состава всѣхъ артиллерійскихъ бригадъ понтонныя роты включены въ каждую по одной и число ихъ доведено до 25-ти (на 22 полевыхъ и 3 резервныхъ бригады)</i>
43.	Бригада гвардейская	<i>ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (шефъ) Л.-Гв. 6-й Донской казачьей Имени ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады</i>
44.	Бригада желѣзнодорожная	<i>1907 г. Декабря 28. Изъ чиновъ, выдѣленныхъ Уссурійской желѣзнодорожной бригадой, сформирована Приамурская полевая желѣзнодорожная рота</i>

45.	Бригада кавалерійская	<i>1-я и 2-я дивизія съ кавалерійской бригадой д'Аллонвия, подъ начальствомъ генерала Боскэ, составляли обсерваціонный корпусъ осады и стояли на южной части Сапунъ-горы, фронтомъ на юго-востокъ до прохода</i>
46.	Бригада конно-артиллерійская	<i>ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (шефъ) Л.-Гв. 6-й Донской казачьей Имени ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады</i>
47.	Бригада полевая	<i>1807 г. Юня 1. При уравниіи состава всѣхъ артиллерійскихъ бригадъ понтонныя роты включены въ каждую по одной и число ихъ доведено до 25-ти (на 22 полевыхъ и 3 резервныхъ бригады)</i>
48.	Бригада резервная	<i>1807 г. Юня 1. При уравниіи состава всѣхъ артиллерійскихъ бригадъ понтонныя роты включены въ каждую по одной и число ихъ доведено до 25-ти (на 22 полевыхъ и 3 резервныхъ бригады)</i>
49.	Бригада саперная	<i>1905 г. Января 31. Сформирована изъ сборныхъ кадровъ при 1-й Саперной бригадѣ Владивостокская Крѣпостная Воздухоплавательная рота</i>
50.	Броненосецъ	<i>Взрывъ турецкаго броненосца «Сельфи» миноносными катерами «Царевичъ» и «Ксенія», подъ начальствомъ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова</i>

51.	Вакансії	<p><i>Впослѣдствіи, именно въ 1838 году, по случаю недостатка офицерскихъ дѣтей, разрѣшено было, на свободныя вакансіи, принимать въ пансіонѣ дѣтей и дѣтей нижнихъ чиновъ</i></p> <p><i>Въ 1859 году 2 вакансіи въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и 2 въ кадѣтскихъ корпусахъ были отнесены на счетъ казны</i></p>
52.	Взимать	<p><i>Расходъ на уплату вознагражденія за взимаемыя на семъ основаніи подводы относится на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ по смѣтѣ Главнаго Интендантскаго Управленія</i></p>
53.	Взрывъ	<p><i>Взрывъ турецкаго броненосца «Сельфи» миноносными катерами «Царевичъ» и «Ксенія», подѣ начальствомъ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова</i></p>
54.	Взятіе	<p><i>Взятіе Брешии союзными войсками] 1879 г. 29-го. Штурмъ непріятельскихъ Великокняжескихъ укрѣпленій, въ 50-ти саж. От крѣпостнаго рва, и взятіе ихъ отрядомъ полковника Курпаткина (всего 15 ротъ и одна команда), усиленнымъ полуротою саперъ и командою моряковъ с динамитными и приксилиновыми патронами и поддержаннымъ резервомъ, у Ольгинской калы, въ составѣ: девяти ротъ, трехъ эскадроновъ и сотень и 20 орудій</i></p>
55.	Винтовка	<p><i>Мальчики, въ свободное отъ классныхъ занятій время, обучаются кавалерійскому строю, пріемамъ оружейнымъ, шашкою и пикою, сборкѣ и разборкѣ казачьей винтовки и гимнастикѣ</i></p>

56.	Военное министерство	<i>Военное министерство должно было состоять изъ: 1) департаментовъ Артиллерійскаго, Инспекторскаго, Провіантскаго; 2) канцеляріи; 3) особыхъ установленій - Воен.-Учен. Комитета, воен.-Топогр. Депо и Военной типографіи</i>
57.	Военнослужащіе	<i>... обращу на сей предметъ вниманіе Высшаго Начальства, и содбляюсь, по мѣрѣ моихъ понятій, полезнымъ для военнослужащихъ въ оной странѣ, лишь въ началѣ 1826 года мною оставленной</i>
58.	Военно-полицейская часть	<i>Въ завѣдываніи дежурнаго генерала находилось все, относящееся до завѣдыванія по личному составу арміи, по строевой, обозной, военно-полицейской и военно-судной частямъ, по завѣдыванію почтой, военными дорогами и госпиталями</i>
59.	Военно-походный	<i>1894 г. Августа 27. Двѣ роты выдѣлены на сформированіе 18-го Сапернаго баталіона и сформирована для баталіона Военно-Телеграфная рота изъ 2-го Военно-Телеграфнаго парка (основанъ 31 Августа 1870 г. подъ названіемъ 4-го Военно-походнаго телеграфнаго парка и назывался такъ до 13 Октября 1876 г.)</i>
60.	Военно-топографическое депо	<i>Военно-топографическое депо, на которое было возложено: собираніе, составленіе и храненіе картъ, плановъ</i>

61.	Военно-ученый комитетъ	<i>Военно-ученый комитетъ, цѣль учрежденія котораго состояла въ "усовершенствованіи ученой части военного искусства и въ распространеніи военно-научныхъ свѣденій</i>
62.	Военно-юридическая академія	<i>9-го іюня. Среда. День былъ жаркій съ проходящими ливнями. Въ 12 час. побѣхаль во дворець, гдѣ принялъ 99 чел. Офицеровъ – артиллерійской, инженерной и военно-юридической академій</i>
63.	Военный министр	<i>Во главѣ Военного министерства поставлена власть Военнаго министра, въ лицѣ котораго сосредотачивается главное начальство надъ всѣми отраслями военного управленія</i>
64.	Военный округ	<i>Созданіе военныхъ округовъ си ихъ управленіемъ имело главной цѣлью децентрализацію распоряженій созданиемъ авторитетныхъ мѣстныхъ органовъ коимъ можно было бы передать значительную часть полномочій военного министерства. Во главѣ военно-окружнаго У. поста</i>
65.	Войска Инженерные	<i>Въ настоящемъ, 2-мъ изданіи, включены нижеслѣдующія... данныя: 1) о ротахъ Инженерныхъ войскъ за время съ 1797 по 1816 гг., поступившихъ въ 1816 году на сформированіе нынѣшнихъ старѣйшихъ саперныхъ баталіоновъ; 2) о понтонныхъ частяхъ, за время съ 1822 по 1857 гг., поступившихъ въ 1857 г. на сформированіе нынѣшнихъ старѣйшихъ понтонныхъ баталіоновъ</i>

66.	Войско казачье	<i>Въ 1834 году послѣдовало Высочайшее Соизволеніе на учрежденіе училищъ въ станицахъ Астраханскаго казачьяго войска, именно: Казачебугровской, Дурновской, Замьяновской, Сѣроглазовской</i>
67.	Войско казачье Астраханское	<i>«Войсковой пансіонъ былъ учрежденъ 2 Сентября 1830 года (приказъ по войску № 41) на 30 воспитанниковъ, преимущественно дѣтей офицеровъ Астраханскаго казачьяго войска»</i>
68.	Войско казачье Оренбургское	<i>Оренбургское казачье войско, при возникновеніи своемъ, находилось на крайне низкой степени умственного развитія. Это видно изъ того, что въ 1754 году изъ 1380 человекъ Исетскихъ казаковъ не было ни одного грамотнаго</i>
69.	Войско Сибирское казачье	<i>Между тѣмъ въ Сибирское казачье войско назначенъ былъ первый ветеринарный врачъ); это назначеніе, ввиду того, что для войска приготовлялись фельдшера при Омскомъ военномъ госпиталѣ, подало Броневскому мысль теоретически знакомить воспитанниковъ училища, как будущихъ кавалеристовъ, съ физиологіей и патологіей лошади и укрѣплять полученныя свѣдѣнія лѣтними практическими занятіями.</i>
70.	Войсковая часть	<i>Начальники артиллеріи и инженеры вѣдали войсковыми частями соответствующихъ родовъ оружія, парками и пр.</i>
71.	Воспитанникъ	<i>«Войсковой пансіонъ былъ учрежденъ 2 Сентября 1830 года (приказъ по войску № 41) на 30 воспитанниковъ, преимущественно дѣтей офицеровъ Астраханскаго казачьяго войска»</i>

72.	Врач (военный)	<i>Между тѣмъ въ Сибирское казачье войско назначенъ былъ первый ветеринарный врачъ); это назначеніе, ввиду того, что для войска приготовлялись фельдшера при Омскомъ военномъ госпиталѣ, подало Броневскому мысль теоретически знакомить воспитанниковъ училища, какъ будущихъ кавалеристовъ, съ физиологіей и патологіей лошади и укрѣплять полученныя свѣдѣнія лѣтними практическими занятіями.</i>
73.	Время военное	<i>Вознагражденіе за убитыхъ и павшихъ въ военное время отъ ранъ или быстрыхъ движеній строевыхъ лошадей выдается</i>
74.	Вступленіе	<i>Взятіе, австрийскими войсками Вукасовича, Турина и вступленіе в него главныхъ силъ союзныхъ силъ съ Суворовымъ во главѣ</i>
75.	Вылазка	<i>Отбитая вылазка непріятеля изъ Туринской цитадели</i>
76.	Высадка	<i>Высадка союзныхъ войскъ въ Голландіи 1877. 22-го. Бомбардированіе города Рени турецкимъ мониторомъ и артилерійская перестрѣлка съ нимъ; высадка охотниковъ на турецкій берегъ</i>
77.	Выступить...	<i>1805 г. 1-й и 3-й баталіоны въ Гвардейскомъ отрядѣ ЦЕСАРЕВИЧА выступили изъ С.-Петербурга 10 Августа въ Австрію и Ноября 20 участвовали въ битвѣ подъ Аустерлицемъ; 7 Апрѣля 1806 г. возвратились в С.-Петербургъ</i>

77.	Гвардейскій...	<i>ГВАРДЕЙСКАЯ ПЬХОТА. Л.-Гв. Саперный баталіонъ, Гвардейскій экипажъ, рота Дворцовыхъ гренадеръ и Собственный Его Имп. Вел. Сводный пьхотный полкъ</i>
78.	Гвардейскій корпусъ Корпусъ (гвардейскій, армейскій)	<i>Въ 1877 году разгорѣлась война съ Турками; казалось не суждено будетъ гвардейскому корпусу участвовать въ этомъ славномъ походѣ</i>
79.	Гвардія	<i>Здѣсь суждено гвардіи впервые ознаменовать свою боевую дѣятельность. Высочайше утвержденнымъ 24 Декабря 1881 г. положеніемъ Военного Совѣта постановлено: казакамъ, назначаемымъ в прислугу къ офицерамъ... сверхъ положеннаго денежнаго, провіантскаго, а въ гвардіи и вещеваго довольствія, производить приварочное довольствіе одинаково съ прочими нижними чинами.</i>
80.	Генераль отъ инфантеріи	<i>Багратіонъ, князь, Петръ Ивановичъ, генераль отъ инфантеріи. Любимецъ Суворова, его сподвижникъ и герой Отечественной войны.</i>
81.	Генерал-аудиторскій департаментъ	<i>Преобразование генераль-аудиторскаго департамента, отнынѣ подчиненнаго Военному министру, заставило его утратить характеръ независимаго высшаго военно-судебнаго установленія</i>
82.	Генераль-аудиторіатъ	<i>Званіе начальника Главнаго штаба Е. И. Вел. Упразднено; вновь учреждены Военный совѣтъ и Генераль-аудиторіатъ</i>

83.	Генераль-инспекція	<i>Дальнѣйшее развитіе положенія 1815 года состояло въ учрежденіи генераль-инспекціи артиллеріи и инженеровъ, во главѣ которыхъ были поставлены генераль фельдцейхмейстеръ Великій Князь Михаилъ Павловичъ и генераль-инспекторъ инженернаго корпуса, Великій Князь</i>
84.	Генераль-инспекторъ	<i>Въ 1891 г. (24 ноября) по предначертанію генераль-инспектора инженеровъ, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Павловича, учреждено въ С. Петербургѣ специальное заведеніе, подъ названіемъ Главнаго Инженернаго училища</i>
85.	Генераль-квартирмейстеръ	<i>Кутузовъ уступилъ совѣтникамъ императора Александра I и оставался главнокомандующимъ только по названію – заботы же о диспозиціяхъ арміи были возложены на австрійскаго генерала Вейротра, назначеннаго генераль-квартирмейстромъ союзной арміи</i>
86.	Генераль-лейтенантъ	<i>За труды по народному образованію, преміей генераль-лейтенанта Богуславскаго въ размѣрѣ 50-ти рублей учительница Конюховской поселковой школы 2-го военного округа отдѣла Екатерина Сорокина [наградить]</i>
87.	Генераль-маіоръ	<i>1877 г. 13-го. Дѣло у Мухаэстате колоннъ подъ начальствомъ генераль-маіора Денибекова и полковника генеральнаго штаба Казбека (войска Приріонскаго края)</i>

88.	Генераль-фельдцейхмейстеръ	<i>Въ слѣдующемъ году почетнымъ президентомъ Академіи былъ назначенъ генераль-фельдцейхмейстеръ Е. И. В. вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ</i>
89.	Генераль-штабъ (=генеральный штабъ)	<i>Чтобы покончить съ этимъ, по приказанію кн. Волконскаго и подъ непосредственной редакціей Толя было издано "Руководство къ отправленію службы чиновникамъ (офицерамъ) дивизионнаго генераль-штаба</i>
90.	Герой	<i>Багратіонъ, князь, Петръ Ивановичъ, генераль отъ инфантеріи. Любимецъ Суворова, его сподвижникъ и герой Отечественной войны</i>
91.	Гимназія военная	<i>Для общ. Образованія съ авг. 1863 г. начали постепенно вводиться т. наз. Воен. гимназіи, т.-е. зав-нія общеобразовательныя, безъ воин. дисц-ны, при чемъ класс. отд-нія б. поручаемы безразлично воен. и гражд. чинамъ, вполнѣ подходящимъ для воспитат. дѣла Въ 1880 году въ военно-учебныхъ заведеніяхъ изъ сословія Астраханскаго казачьего войска обучалось: въ Кіевской военной гимназіи 1 челов.</i>
92.	Гимназія военная / гражданская	<i>Съ открытіемъ въ Оренбургѣ гимназій военной и гражданской, стипендіаты Оренбургскаго войска изъ Орловской, Полоцкой и Казацкой гимназій были переведены въ Оренбургскія</i>
93.	Главная квартира	<i>Настоящая книга является продолженіемъ ряда справочныхъ книгъ Императорской Главной квартиры.</i>

94.	Главнокомандующій	<i>Храбрая наша армія съ своимъ Главнокомандующимъ во главѣ переходитъ Дунай у зимницы</i>
95.	Главный	<i>Организація полевого управления была неудачна: непосредственно главнокомандующему, кромѣ начальника штаба, подчинялись 10 лицъ: интендантъ, начальники артиллеріи, инженеровъ и военныхъ сообщеній, полевой главный контролеръ, полевой главный казначей, поход</i>
96.	Главный Штабъ	<i>Поэтому былъ созданъ Главный штабъ Его Императорскаго Величества, в составъ котораго входили: 1) начальникъ штаба, 2) военный министръ, 3) инспекторъ артиллеріи, и 4) инспекторъ инженернаго корпуса</i>
97.		<i>Военный министръ подчинялся начальнику Главнаго штаба</i>
98.	Госпиталь Омскій военный	<i>Между тѣмъ въ Сибирское казачье войско назначенъ былъ первый ветеринарный врачъ); это назначеніе, ввиду того, что для войска приготавливались фельдшера при Омскомъ военномъ госпитальѣ, подало Броневскому мысль теоретически знакомить воспитанниковъ училища, какъ будущихъ кавалеристовъ, съ физиологіей и патологіей лошади и укрѣплять полученныя свѣдѣнія лѣтними практическими занятіями.</i>
99.	Граната	<i>Костенецкій собралъ изъ уцѣлѣвшихъ канонировъ прислугу на одно орудіе, пристроился къ дивизиону конной гвардіи полковника Оленина и, при переходѣ на другой берегъ ручья, выпустилъ въ непріятеля три послѣднія гранаты</i>

100.	Гренадеръ	<i>ГВАРДЕЙСКАЯ ПЪХОТА. Л.-Гв. Саперный баталіонъ, Гвардейскій экипажъ, рота Дворцовыхъ гренадеръ и Собственный Его Имп. Вел. Сводный пѣхотный полкъ</i>
101.	Дежурство	<i>Независимо отъ всего этого при Военномъ министрѣ были учреждены: общее по арміи дежурство и дежурство по рекрутско й части</i>
102.	Дѣйствующій	<i>1836 г. Апрѣля 24. Ученый Саперный баталіонъ приведенъ къ составу 4-хъ дѣйствующихъ и 1 резервной ротъ</i>
103.	Денежный отпускъ	<i>Довольствіе офицеровъ состояло только изъ денежнаго жалованья и раціоновъ, т. е. денежнаго отпуска на довольствіе денщиковъ</i>
104.	Департаментъ	<i>Во главѣ департаментовъ поставлены директоры и они именовались инспекторъ артиллеріи, генераль-провіантмейстеръ, инспекторъ инженерного корпуса, генераль-кригскомиссаръ, генераль-штабъ-докторъ и генераль аудиторъ</i>
105.	Департаментъ инспекторскій	<i>Къ управленію дежурнаго генерала были отнесены инспекторскій и аудиторскій департаменты</i>
106.	Департаментъ аудиторскій	<i>Къ управленію дежурнаго генерала были отнесены инспекторскій и аудиторскій департаменты</i>
107.	Деньги кормовые	<i>...Производятся изъ войсковыхъ суммъ кормовыя деньги по мѣстнымъ окладамъ сего довольствія и установленная табелью фуражнаго довольствія дача овса на строевыхъ лошадей</i>

108.	Деньги порціонные	<i>Чины полковъ получаютъ жалованье, столовыя и порціонныя деньги по штатамъ</i>
109.	Деньги приварочные	<i>Всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ – деньги по справочнымъ ценамъ на покупку указной дачи провіанта и приварочныя деньги</i>
110.	Деньги прогонные	<i>Въ 1868 году учреждены 5 стипендій въ Россійскихъ университетахъ для уроженцевъ Астраханскаго казачьяго войска, съ производствомъ за каждую стипендію по 350 руб. въ годъ изъ войсковыхъ суммъ и выдачею прогонныхъ денегъ (прик. 1869 г. № 265)</i>
111.	Деньги ремонтные	<i>Требуютъ вычета изъ ремонтныхъ денегъ</i>
112.	Деньги столовые	<i>Чины полковъ получаютъ жалованье, столовыя и порціонныя деньги по штатамъ</i>
113.	Депо	<i>В 1826 г. Военно-Топографическому депо присоединено къ управленію Генеральнаго штаба, при новомъ преобразованіи котораго (1832 г.) депо, войдя въ составъ департамента Генеральнаго штаба, получило новый штатъ, причемъ раздѣлено было на слѣдующія отдѣленія</i>
114.	Десантъ	<i>Дѣло 3-го пластунскаго баталіона съ десантомъ у поста Адлера (на кавказско-черноморскомъ побережьѣ)</i>
115.	Дети офицерскіе	<i>«Астраханскіе казаки обязаны ему основаніемъ пансіона для офицерскихъ дѣтей и станичныхъ училищъ для всѣхъ дѣтей вообще»</i>

116.	Дѣло	<i>Дѣло 3-го пластунскаго баталіона съ десантомъ у поста Адлера (на кавказско-черноморскомъ прибрежьи)</i>
117.	Дивизія	<i>Онъ [Багратіонъ] не покинулъ позиціи даже тогда, когда дивизія Ленграна зашла ему в тылъ (...)</i>
118.	Дивизионъ	<i>Костенецкій собралъ изъ уцѣлѣвшихъ канонировъ прислугу на одно орудіе, пристроилъ къ дивизиону конной гвардіи полковника Оленина и, при переходѣ на другой берегъ ручья, выпустилъ въ непріятеля три послѣднія гранаты</i>
119.	Диспозиція	<i>Кутузовъ уступилъ совѣтникамъ императора Александра I и оставался главнокомандующимъ только по названію — заботы же о диспозиціяхъ арміи были возложены на австрійскаго генерала Вейротра, назначеннаго генералъ-квартирмейстромъ союзной арміи</i>
120.	Довольствіе	<i>«Довольствіе нижнихъ чиновъ складывалось изъ снабженія ихъ оружіемъ, снаряженіемъ, обмундированіемъ, продовольствіемъ и жалованьемъ»</i>
121.	Довольствіе вещевое	<i>Высочайше утвержденнымъ 24 Декабря 1881 г. положеніемъ Военнаго Совѣта постановлено: казакамъ, назначаемымъ в прислугу къ офицерамъ... сверхъ положеннаго денежнаго, провіантскаго, а въ гвардіи и вещеваго довольствія, производить приварочное довольствіе одинаково съ прочими нижними чинами</i>

122.	Довольствіе походное су- точное	<i>Походное суточное довольствіе штабъ и оберъ офицерамъ и класнымъ чиновникамъ производится на общемъ основаніи</i>
123.	Довольствіе приварочное	<i>(...) Назначаются кормовыя деньги въ размѣрахъ, опредѣленныхъ п. 2 ст. 47 положенія о провіантскомъ, приварочномъ и фуражномъ довольствіи</i>
124.	Довольствіе провіантское	<i>(...) Назначаются кормовыя деньги въ размѣрахъ, опредѣленныхъ п. 2 ст. 47 положенія о провіантскомъ, приварочномъ и фуражномъ довольствіи</i>
125.	Довольствіе фуражное	<i>...Производятся ... установленная табелью фуражнаго довольствія дача овса на строевыхъ лошадей</i>
126.	Должность вакантная	<i>Частный землемѣръ Михаилъ Мезигъ зачисляется на службу въ Войсковое хозяйственное правленіе Сибирскаго Казачьего войска землемѣромъ по вольному найму, съ 11-го сего мая, съ окладомъ содержанія въ одну тысячу рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма была взята изъ денегъ, остающихся свободными отъ незамѣщенія одной вакантной должности землемѣра Войскового Правленія</i>
127.	Дорога военно- грузинская	<i>1816 г. Марта 28. Сформирована Піонерная рота при Военно-Грузинской дорогѣ</i>
128.	Доходы баталіонные	<i>Приходъ и расходъ баталіонныхъ и полковыхъ доходовъ и расходовъ ведется по особымъ инуровымъ книгамъ...</i>

129.	Доходы полковые	<i>Приходъ и расходъ баталіонныхъ и полковыхъ доходовъ и расходовъ ведется по особымъ шнуровымъ книгамъ...</i>
130.	Древко	<i>Галерный флагъ (Андреевскій) катера полка: на древкѣ флага верхнее украшеніе въ видѣ копья с вензелевымъ изображеніемъ Имени Императора Петра I</i>
131.	Дуло	<i>На каждое орудіе по 12: изъ оныхъ при орудіи 1, съ прибойникомъ 1, полагаетъ картузь въ дуло 1, съ скорополительными трубками 1, съ пальникомъ 1, у правила 1, носитъ картузы изъ ряднаго ящика 1, при зарядномъ ящикѣ 2, держатъ лошадей спѣшившихся Козаковъ 2 къ запряженнымъ подъ орудіе 4 лошадымъ 1, къ запряженнымъ подъ зарядными ящиками 3 лошадымъ</i>
132.	Егерь	<i>Въ семь случаѣ взято у непріятеля нѣсколько плѣнныхъ изъ его гвардейскихъ егерей</i>
133.	Единорогъ	<i>Въ 1803-мъ году, графъ Аракчеевъ вновь былъ назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи, въ томъ же году, іюля 1-го сформирована въ баталіонѣ еще одна пѣшая рота, а декабря 17-го: по вновь утвержденному штату баталіону повѣльно состоять изъ двухъ ротъ батарейныхъ, двухъ легкихъ и одной конной, полагая, въ каждой батареейной: полупудовыхъ единороговъ и двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ средней пропорціи 2 и трехъ-фунтовый единорогъ 1</i>

134.	Жалованье	<p><i>Жалованье учителямъ было опредѣлено изъ срѣдствъ войсковаго капитала»</i></p> <p><i>Чины полковъ получаютъ жалованье, столовыя и порціонныя деньги по штатамъ</i></p>
135.	Жизнь боевая	<p><i>Одновременно съ строевымъ образованіемъ они обучаются также пѣть боевыя пѣсни и имъ рассказываются событія изъ боевой жизни и т. п.</i></p>
136.	Журналъ	<p><i>Объявляю при семь, утвержденную мною, согласно журнальнаго постановленія Войсковаго Хозяйственнаго Правленія, таксу на взиманіе сборовъ за паромную переправу черезъ рѣку Иртышъ въ казачьемъ поселкѣ Новомъ, Омской станица, 2-го военнаго отдѣла</i></p>
137.	Заведеніе военно-учебное	<p><i>Въ 1812 г. явилось новое военно-учебное заведеніе въ Финляндіи, въ... Куопоской губерніи, подъ названіемъ Финляндскаго Топографическаго корпуса, съ целію: образоватъ искусныхъ топографовъ для рекогносцировки края и наслѣдованія рѣкъ, способныхъ къ судоходству</i></p> <p><i>«Изъ общаго числа войсковыхъ уроженцевъ, обучающихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, приходится...: на военную академію – 0,8, военныя училища – 10,5, кадетскія корпуса – 49,2, юнкерское училище – 39,5»</i></p>
138.	Загражденіе	<p><i>1877. Въ начь на 8-е. Устройство загражденій на Дунаѣ, у Парапана, миноносною флотиліею капитана 1-го ранга Новикова, и атака турецкаго парохода миною шлюпкою «Шутка», подъ командою лейтенанта Скрыдлова</i></p>

139.	Завыдывать	<i>Военно-топографическій отдѣль Главнаго штаба завѣдываетъ астрономическими, геодезическими, топографическими и картографическими работами военного вѣдомства: управляется особымъ начальникомъ, подчиненнымъ начальнику Главнаго штаба, и состоитъ изъ...</i>
140.	Занятіе	<i>Занятіе русскими войсками города Бари</i>
141.	Занять	<i>Данная имъ задача – занять и обезпечить за собой переправу между Ширвиндтомъ и Владиславомъ</i>
142.	Запасной	<i>1842 г. Января 25. Для составленія запасныхъ войскъ сформированъ изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ 4-й баталіонъ, въ 1854 г. Марта 10 перечисленный въ 4-й дѣйствующій, а для полка сформированъ 5-й или Запасной баталіонъ</i>
143.	Зарядъ	<i>Начальныя ученія конной артиллеріи производились съ холостыми зарядами, но отъ нея немедленно стали требовать поворотливости и быстроты – качества, существенно необходимыхъ конно-артиллерійскому строю</i>
144.	Застава	<i>Здѣсь мы встрѣтили роту, уходившую на востокъ. Ея командиръ сообщилъ мнѣ, что линія охраненія оттягивается еще на три километра назадъ, на опушку большого Гердауенскаго лѣса, и что его правая застава должна стать въ деревнѣ Шенвальде</i>

145.	Знаки на головные уборы 'вид награды'	<i>Знаки на головные уборы съ надписью... Первое отличіе пожаловано 7-му Пионерному баталіону 6 Апрелья 1830 г. и передано Понтонному парку № 5 съ 1864 г., а второе добавлено 17 Апрелья 1878 г.</i>
146.	Знакъ отличія	<i>...Повелѣно сохранить на киверахъ знаки отличія...</i>
147.	Знамя	<i>Пять выстрѣловъ разгромили баталіонъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ простроиться на каре – тутъ на него налетѣли конно- гвардейцы и отняли знамя</i>
148.	Знамя Георгіевское	<i>Знамя Георгіевское, съ надписями: «За отличіе при осадѣ и взятіи Браилова и Силистрии въ 1828 и 1829 г.г.» и «1797- 1897» съ Александровскою юбилейною лентою</i>
149.	Знамя полковое	<i>Знаки отличія: 1) Полковое знамя Георгіевское</i>

Научное издание

Уланов Андрей Владимирович

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Монография

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка, дизайн обложки *О. Г. Белименко*

Подписано в печать 09.06.14. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 12,5.
Тираж 500 экз. Заказ 379.

Издательство ОмГТУ. 644050, г. Омск, пр. Мира, 11; т. 23-02-12
Типография ОмГТУ